

ЛЕТНИЙ САД

МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2002

ПАМЯТЬ

ОСТРОВА МЭН

КНИГА СКАЗАНИЙ

Перевод, составление и комментарии

Сергея Шабалова

ББК 84(4Вел)3

П15

Художественное оформление серии M. Verte

Память острова Мэн: Книга сказаний / Перевод с
П15 англ., сост. и коммент. С. Шабалова. — М.; СПб.: Летний
сад, 2002. — 191 с. — (Anima Celtica; 3)

ISBN 5-94381-071-4

Книга эта — первое издание на русском языке, посвященное легендарной истории, культуре и своеобразным традициям острова Мэн, одной из чудесных земель кельтской ойкумены. В отличие от Ирландии и Шотландии, Мэн как самостоятельный гэльский «анклав» вовсе не известен русскому читателю.

ББК 84(4Вел)3

© С. В. Шабалов, перевод, составление
и комментарии, 2002

ISBN 5-94381-071-4

© ЗАО ИТД «Летний сад», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

онятие «Остров» неизменно ассоциировалось с чем-то чудесным. Во многих традициях Остров — устойчивый мифопоэтический архетип Иного Мира. У греков одним из таких

миров была Огигия (остров нимфы Калипсо), у кельтов — Авалон (остров феи Морганы), у русичей — Остров Буян и т. д. Мы не говорим уже о больших Островах, затонувших подобно Атлантиде; само исчезновение Острова из реального пространства — несомненное знамение его «чуждости». Характерное описание чудесного Острова находим, например, у Гальфрида Монмутского (XII в.):

*Остров Плодов, который еще именуют Счастливым,
Назван так, ибо все само собой там рождается.*

*Нужды там нет, чтобы пахарь поля взрывал бороздами,
Нет земледелия там: все сама дарует природа.*

Сами собой растут и обильные злаки, и гроздьи,
Сами рождаются плоды в лесах на раскидистых ветках,
Все в изобилие земля, как траву, сама производит.
Сто и более лет продолжается жизнь человека.
Девять сестер в том краю по законам правят премудрым,
Властвуя теми, кто к ним из наших краев прибывает

(«Жизнь Мерлина», 908—917, пер. С. А. Ошерова)¹.

Это тот самый остров Авалон (от «afal», яблоко), на который фея Моргана перенесла смертельно раненного короля Артура. В конце XII века могилу Артура обнаружили в аббатстве Гластонбери в Сомерсете, на юге Британии, и аббатство это отождествили с Авалоном. «Гластонбери является островом Авалоном, поскольку оно в действительности расположено на острове, со всех сторон окруженном болотами»². Таким образом, чудесный Остров не обязательно было искать далеко в океане. Он мог находиться также посреди озера или болот.

Все знают, что «остров — это часть суши, со всех сторон окруженная водой». Чудесным остров «делается» в традиции именно благодаря водной стихии, отъединяющей его от остального мира. М. М. Маковский писал: «Понятие „потусторонний мир“ первоначально имело значение „относящийся к воде“ или „находящийся за водой/рекой“ (согласно древним представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир по воде)»³. Ср. на эту тему у кельтологов Ф. Леру и К.-Ж. Гюйонварха: «Не сыщется предания, в котором под тем или иным предлогом не выводился бы Иной Мир. Но где бы он ни располагался — за морем, на дне озера или под землей, — обычный доступ к нему осуществляется водным путем»⁴.

Итак, понятие «Остров» и понятие «Иной Мир» в древних традициях легко отождествлялись. В традиции кельтской, как пишут Алвин и Бринли Рис, «Иной Мир всегда расположен за текущей водой. Для кельтов Галлии это, по-видимому, была Британия»⁵. Отсюда понятно, почему галльские друиды получали инициацию «за морем». По словам Цезаря (51 г. до н. э.), «их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения» (О Галльской войне, VI, 13). Причина в том, что «Британия, как реально, так и символически, является островом, а всякий остров, по традиционному определению, это сакральный центр»⁶. Интересно, что для самих британцев, по свидетельству Тацита, сакральным центром являлся остров Англси, а для ирландцев, как мы полагаем, — остров Мэн.

Тацит описал высадку римских войск в 61 г. н. э. на Англси, остров друидов и друидесс, расположенный у побережья Уэльса: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого иступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размеща-

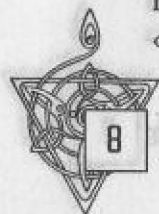

ют гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых северных обрядов...» (Анналы, Кн. XIV, 30).

После разгрома святилища британских друидов на «южной Моне» (острове Англси), их ставка, вероятно, переместилась на «северную Мону», то есть на остров Мэн.

Может быть, именно о «Моне», северной или южной, шла речь у Плутарха, когда он писал: «По словам Деметрия, большинство из островов, окружающих Британию, пустынно; они расположены далеко друг от друга, и некоторые из них названы по именам демонов или героев. Пустившись в плавание по этим областям по приказу царя, он [Деметрий] высадился, чтобы собрать сведения, на ближайшем из этих пустынных островов; на нем было немного жителей, но в глазах британцев они священны, и это служит им защитой от всякого ущерба с их стороны; когда он прибыл, в воздухе возникло великое волнение, сопровождавшееся множеством небесных знамений: с воем дули ветры, и молнии сверкали во многих местах; затем, когда вновь установилось затишье, островитяне сказали, что на какое-то высшее существо нашло помрачение» (De defectu oraculorum, 18).

На всем пространстве кельтской «ойкумены» каждый остров был в каком-то смысле Иным Миром как для материка, так и для других (более крупных) островов. Этот вопрос подробно рассматривала проф. Н. С. Широкова. Она доказывает, что античная традиция об Ultima Thule и об Оигии (у Плутарха) основана на кельтских преданиях и на данных, полученных из областей северной кельтской «ойкумены». «Плутарх говорит о сакральности всего островного окружения

Британии... Сакральные „острова на Севере мира“, принадлежащие магической географии, являются местопребыванием мудрецов-философов, передающих свои знания посвященным (как мы видели на примере сказочного острова Туле-Оигии из трактата Плутарха „О видимом лике луны“).

Учителя так же, как и боги, обитающие на этих островах, наделяются мистическими и мифическими чертами. Само их островное положение является для этого достаточным основанием в соответствии с древними представлениями кельтов о населении Другого Мира. Даже в современном фольклоре обитатели островов являются существами, отличающимися от обычных смертных: они не подчинены общей судьбе»⁷.

Вот один из примеров живучести подобных представлений. У жителей острова Малл (одного из Гебридских островов у западного побережья Шотландии) в далекие времена, согласно преданию, «не было лодок, и они говорили, что прочие острова и материк, который им был виден напротив, — это другие миры»⁸.

Особенно красочно традиционное мышление такого типа запечатлено в древнеирландских «Плаваниях» — жанре сказаний, «в которых, как правило, описывались посещения героями многочисленных островов, относящихся если и не прямо к Иному, то во всяком случае — не к нашему миру»⁹. Таковы «Плавание Брана, сына Фебала», «Плавание Майль-Дуйна», «Плавание Снедгуса и Мак Риаглы», «Плавание Уи Хорра», «Плавание Брендана». Как пишут братья Рис, «тема плавания в Иной Мир — одна из самых характерных для кельтской традиции»; «она стимулировала фантазию средневекового христианства и дух приключений, благодаря которым осуще-

ствились великие плавания и географические открытия XV—XVI столетий»¹⁰.

В песне феи-вестницы из Яблоневого Эмайн («Плавание Брана», VIII в.) говорилось:

Трижды пятьдесят есть дальних островов

В океане к западу от нас;

Больше, чем Эрин, вдвое

*Каждый из них или втрое*¹¹.

Однако назвать координаты чудесных Островов можно не всегда: ведь Острова эти принадлежат как реальной, так и «сакральной» географии. Путешествие на Остров было одним из видов «героического странствия» (о котором см. в «Тысячеликом герое» Дж. Кэмпбелла), а сам Остров был ареной чудесных приключений. Это справедливо, между прочим, и для русской фольклорной традиции: вспомним «Сказку о царе Салтане» и «Конька-горбунка». Проф. Н. И. Барсов в статье «К литературе об историческом значении русских народных заклинаний» (1893) писал: «Все искания и домогательства т. н. свободной любви происходят, по заклинаниям, непременно на синем море-окияне, на острове на Буяне... отсюда столь частые, в любовных особенно заклинаниях, обращения к синему морю, к острову Буяну, которые — море-окиян и остров Буян — находятся, как сказано в одном из заклинаний, не „на востоке“ от России, не „на восточной стороне“, где живут татары и где господствует женское затворничество, а на западе, где слагались рыцарские отношения между лицами двух полов»¹².

В кельтской традиции чудесные Острова, как правило, «женственны». В «Приключении Конлы Красного» говорится:

*Это земля, которая радует
Сердце каждого, кто познает ее;
Нет там иного рода —
Там только женщины и девушки¹³.*

Женщина часто является хозяйкой и главным сокровищем чудесного Острова. Впрочем, каждый из Британских островов некогда имел свою «хозяйку» — одну из богинь, олицетворявших данную землю. К именам этих Женщин восходят (согласно известной традиции или же гипотетически) названия «Эрин», «Альбион», «Мананн», то есть Ирландия, Британия, Мэн.

«Острова женщин» у побережья Галлии, описанные Страбоном и Помпонием Мелой, также могут быть причислены к чудесным Островам кельтской традиции. Страбон писал: «В океане, говорит Посидоний, лежит островок, находящийся не особенно далеко в открытом море, прямо перед устьем реки Лигера [Луары]; на острове живут самнитские женщины, одержимые Дионисом; они умилоствуют этого бога мистическими обрядами, так же как и другими священнодействиями; и ни один мужчина не вступает на остров, хотя сами женщины отплывают с него для общения с мужчинами и затем возвращаются обратно. Существует обычай, продолжает Посидоний, раз в год снимать крышу святилища и затем крыть ее снова в тот же самый день перед заходом солнца, причем каждая женщина приносит свой груз соломы для крыши; но женщину, у которой груз выпадет из рук, остальные разрывают на куски; они носят куски жертвы вокруг святилища с криками „эу-а“ и не прекращают хождения, пока не утихнет их неистовство; по его словам, обыкновенно кто-нибудь поражает [на смерть] обреченную женщину» (География, Кн. IV, IV, 6).

Менее красочно, но не менее важно свидетельство Помпония Мелы. Он писал: «[Остров] Сена в Британском море, напротив побережья Осисми, знаменит своим оракулом галльского божества, чьих жриц, живущих в целомудрии вечной девственности, насчитывается девять. Их называют Галлиценами и верят, что они наделены необычайными способностями — воздвигать своими заклинаниями море и ветер, принимать облик любого животного, какой они пожелают, лечить те болезни, которые для прочих [людей] неизлечимы, ведать то, что должно произойти, и предсказывать это» (De Chronographia, III, 6).

Свидетельства античных авторов об островах кельтской «ойкумены» соответствуют в главном устной и письменной традиции самих кельтов. Главное состоит в том, что Иной Мир, локализованный, как правило, на Острове, — это мир «женственный».

Но чудесным Островом в традиции предстает едва ли не каждый из Британских островов и островов у побережья Галлии. До прихода в Ирландию «Сыновей Миля», то есть гэлов, страна эта была в определенном смысле Иным Миром; так же обстояло дело с Британией до прихода туда Брута с его троянцами.

Остров Мэн, расположенный между Ирландией и Британией, представлялся Иным Миром не только «со стороны» — в восприятии ирландцев и бриттов, — но и в «Памяти» самого острова Мэн.

Тексты и комментарии, собранные в нашей книге, содержат немало любопытных и красочных «иллюстраций» к этому вступлению.

Дать развернутый очерк «позитивной» истории острова Мэн не входит в нашу задачу; укажем лишь основные вехи.

Кельтам (или протокельтам, как иногда говорят) на Британских островах предшествовали загадочные строители мегалитов, самым известным произведением которых является Стоунхендж в Британии на Солсберийской равнине (2000—1500 гг. до н. э.).

Эта раса оставила по себе память также в Ирландии, на Гебридах и на острове Мэн. На юго-западной оконечности острова близ селения Крегнеш сохранилось, например, «Кольцо Друидов»: это шесть пар каменных дольменов, расположенных по окружности.

Приход первой волны кельтов на Британские острова, в том числе на Мэн, некоторые ученые относят приблизительно к 1500 г. до н. э. Согласно традиции, изложенной в «Книге Захватов Ирландии», именно в ту эпоху предки нынешних ирландцев (гэлов) овладели страной, которой владело до этого Племя Богини Дану.

Римским завоеванием (I в. до н. э. — I в. н. э.) остров Мэн, как и Ирландия, затронут не был: судя по всему, римляне даже не высаживались на них. Поэтому мы ничего не знаем об обитателях Мэна ни из «Записок» Цезаря, ни из трудов Тацита. Только около 400 г. н. э. Павел Орозий сообщает, что «Мевания» (одно из античных имен острова Мэн) населена племенем скоттов, то есть гэлов¹⁴.

Есть основания предполагать, что наряду со скоттами (гэлами), чей язык дожил на Мэне до середины XX века, значительную роль в этногенезе острова сыграли некогда

пикты, а также кельты-бритты. Беда Достопочтенный (VIII в.) утверждал, будто и Англси, и Мэн населены бриттами¹⁵.

Однако «позитивная» история острова до X века нам почти неизвестна; зато легендарная его история к этому времени обогатилась уже многими важнейшими событиями, о которых читатель может узнать из нашей книги.

С X по XIII век островом правит скандинавская династия; этот период истории Мэна хорошо известен благодаря «Хронике», составленной в XV веке монахами аббатства Рушен. Мэнский знаток старины П. Кермод писал: «К сожалению, наша собственная Хроника обращена лишь к периоду скандинавской оккупации Мэна, и раннюю нашу историю приходится воссоздавать из анналов Уэльса, Ирландии и других чужеземных источников»¹⁶.

С XIV века, после кратковременного владычества шотландцев, остров переходит к английским «владельцам Мэна». В 1406 году английский король Генри IV пожаловал Сиру Джону Стенли из Ланкашира, наследникам его и преемникам сам остров, Замок Пил и владычество над Мэном. Лорды эти правили островом до середины XVIII века, когда основные права на Мэн были выкуплены у них британской короной. Все это время на острове продолжал господствовать мэнский (гэльский) язык и остров оставался своеобразной частью кельтской, точнее — гэльской «ойкумены».

Так же обстояло дело на Гебридских («Западных») островах.

Ирландия, Гебриды, северная Шотландия и остров Мэн составляют в гэльской традиции т. н. Западный мир — признаваемую традицией культурно-языковую общность.

Имя «Эрин», писал Роберт Чэмберс, в древности могло обозначать всю эту общность в целом, а не одну лишь Ирландию¹⁷.

К сожалению, «древней литературы на мэнском языке не существует, хотя, согласно преданию, остров некогда был крупным образовательным центром кельтов-гэлов. Все, что было там написано в давние времена, либо погибло, либо так перемешалось с ирландской литературой, что неразличимо от нее»¹⁸.

Два дошедших до нас произведения, несомненно восходящих к мэнскому средневековью, существовали до XVIII века лишь в устной традиции: это «Баллада о Мананнана» и отрывок из поэмы под названием «Финн и Ойсин» (см. в наст. изд.).

Но примерно так же складывалась литературная история горной Шотландии и Гебридских островов.

Важно выделить Мэн как своеобразный «заповедник» древней гэльской (и шире — кельтской) культуры, показать с помощью надежных и вместе с тем любопытных источников как общее, так и особенное в Памяти острова Мэн.

Все собранные в этой книге тексты на русском языке публикуются впервые. По своим источникам они делятся на три группы.

1. Тексты «родом» из устной мэнской традиции, записанные в разное время — с XVIII по XX век: сказания, баллады и песни.
2. Тексты из средневековых ирландских рукописей, посвященные острову Мэн.
3. Тексты из книг Георга Вальдрона (1726) и Джозефа Трейна (1844—1845), содержащих уникальную информацию об острове и его обитателях.

Источники текстов найдены в повременных публикациях Мэнского Общества (г. Дуглас) и в научных кельтологических изданиях. Во многих случаях мы располагали не только строгим английским подстрочником, но и мэнским оригиналом. Стихотворные тексты мы также приводим в дословном прозаическом переводе, чтобы и в этих случаях не подменить, литературности ради, перевод пересказом.

Каждый текст сопровождается указанием на источники и подробным комментарием. Комментарии включают в себя материал порой не менее ценный и интересный, чем основной текст. Нам кажется, в изданиях подобного рода обширность комментариев вполне оправдана.

В свое время бретонские кельтологи Франсуаза Леру и Кристиан Гюйонварх писали: «Валлийские тексты... совершенно соответствуют стилю рыцарских романов, отвечавших уже сформированным литературным вкусам тогдашних читателей. Ирландские же тексты являются куда более древними не столько по датам их переписки, сколько по самой своей фактуре и отсутствию всякой заботы о композиции и стиле. Они описывают уровень цивилизации несравненно более архаичной, нежели та, в которой они были закреплены в письменном виде. Публикуемые в буквальных переводах, без пояснений, они наверняка способны поставить в тупик современных читателей»¹⁹.

Это справедливое замечание стоит учитывать и при чтении многих текстов «Памяти острова Мэн». В предисловии к своему собранию мэнских баллад Артур Мур (1896) писал, что неизвестные авторы их, люди совершенно не литературные, безразличны были к «поэтическим» достоинствам этих произведений²⁰.

Книга наша — первое издание на русском языке, посвященное легендарной истории, культуре и своеобразным традициям острова Мэн, одной из чудесных земель кельтской ойкумены. В отличие от Ирландии и Шотландии, Мэн как самостоятельный гэльский «анклав» вовсе неизвестен русскому читателю.

Вместе с тем это третья книга из серии «Anima Celtica», и мы приглашаем читателя познакомиться также с другими книгами этой серии.

Благодарю всех, кто заботился об этой книге до ее выхода в свет, особенно — сотрудников издательства Александра Зубкова и Татьяну Шаманову.

Сергей Шабалов

¹ Гальфрид Монмутский. История бриттов; Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. С. 157.

² Даннинг Р. У. Артур — король Запада / Пер. с англ. А. Ю. Смирнова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 132.

³ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 77.

⁴ Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация. СПб.: Культурная Инициатива, 2001. С. 189.

⁵ Рис А., Рис Б. Наследие кельтов: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М.: Энигма, 1999. С. 413—414.

⁶ Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация. С. 177.

⁷ Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. С. 60—61.

⁸ Шотландская старина: Книга сказаний / Пер. с англ., сост. и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. (Anima Celtica). С. 172.

⁹ Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. С. 358.

¹⁰ Там же.

¹¹ Meyer K. The voyage of Bran // An anthology of Irish literature / Ed. by D. H. Greene. New York, 1974. Vol. 1. P. 135.

¹² Барсов Н. И. К литературе об историческом значении русских народных заклинаний // Русская старина. СПб., 1893. Т. 77. № 1. С. 214—215.

¹³ Лики Ирландии: Книга сказаний. М.; СПб.: Летний сад, 2001. С. 18.

¹⁴ Stenning C. E. H. The Isle of Man. London: Robert Hale Ltd, 1950. P. 4.

¹⁵ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. (Pax Britannica). P. 53.

¹⁶ Kermode P. M. C. A Welsh inscription in the Isle of Man // Zeitschrift für Celtische Philologie. Halle, 1897. Bd. 1. S. 48.

¹⁷ Chambers R. Popular rhymes of Scotland. Edinburgh; London: W. and R. Chambers Limited, 1870. P. 271.

¹⁸ Jenner H. The Manx language: Its grammar, literature, and present state // The transactions of the Philological Society. London, 1875—1876. P. 181.

¹⁹ Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация. С. 50.

²⁰ Manx ballads and music / Ed. by A. W. Moore, with A Preface by the Rev. T. E. Brown. Douglas (Isle of Man): G. and R. Johnson, 1896.

БАЛЛАДА О МАНАННАНЕ

ожелаете слушать вы мой рассказ, повествование мое вам приятно, — тогда, насколько владею устами, расскажу вам об Острове Благословенном.

Кто был первый владетель его и что с ним случилось; как прислал сюда Патрик первого христианина и как остров достался Стенли.

Юный Мананнан, что был сыном Лера, вот кто был первый владетель острова; однако, насколько могу судить, был он не кто иной, как язычник.

Не мечом своим защищал он остров и не луком своим со стрелами, но, завидев подплывающие корабли, целиком укрывал он его туманом. Мог Мананнан сделать так, что казалось, будто на острове полчища воинов.

Все ежегодно платили в земле этой дань зеленью тростника; и поистине, дань сносили со всей страны в канун Иванова дня.

Иные шли, неся свой тростник, на вершину великой горы Барруль; другие обыкновенно подносили тростник Мананнану на горе Кеамуль.

Так проводили они свою жизнь, и, полагаю, бремя их было легко. Жили они без забот и тревог и без тяжких трудов, что изнуряли бы их.

Было так, пока не явился меж ними Патрик, который могучим был человеком, искусным во всем. Он изгнал Мананнана в море вместе с дурным его и неправедным обществом.

Как он преследовал их и предавал смерти всякого, кто оставался! И не имел он пощады к тем, кто ведьмовского был племени.

Благословил он землю от края до края и не оставил там в живых никого, кто был ростом с малого ребенка и отказывался быть христианином.

Так пришла вера на Мэн, через святого Патрика, — да укрепит ее в нас Христос, а также и в детях наших.

Из «Лансдоунского Манускрипта», 1573

Памятуют, что первым насельником острова Мэн был некий Мананнан Мак Лир, язычник, который удерживал оный своим чародейством, и когда ему угрожали осадой либо вторжением, поднимал он такие туманы над землею и морем, что никто не мог отыскать сего острова; и делал он так, что единый из людей его казался в количестве сотни.

И было в обычае у него не обременять подданных иною службой, кроме той, что в канун середины лета все они должны

были приносить зеленый тростник — одни из них к месту, именуемому Варфильд, другие же к месту, именуемому Мам.

Сей Мананнан был впоследствии побежден святым Патриком из Ирландии, который истребил всех тех на этом острове, кои не оставили своего чародейства, остальных же обратил в христиан.

Сей остров был управляем ирландцами, покуда некий Орри, сын короля Дании, не вторгся и не захватил оный, — он был первый, кто называл себя королем Мэна и правил здесь со своими потомками в продолжение одного за другим двенадцати поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Баллада о Мананнани» — наиболее раннее, как полагают, произведение на мэнском языке, дошедшее до нас (иногда таковым считают балладу «Финн и Ойсин», см. наст. изд.). «Балладу о Мананнани» датируют самым началом XVI века. Она сохранилась в двух рукописных копиях Мэнского Музея, изготовленных около 1770 года.

Баллада содержит 62 катрена, которые последовательно излагают важнейшие события истории острова Мэн, начиная с легендарных времен и кончая второй половиной XV века. Первые 12 катренов баллады, подстрочный перевод которых мы предлагаем, представляют наибольший интерес.

Баллада полностью соответствует традиции, изложенной в источнике на латинском языке, — в так называемой «Подлинной Хронике Острова Мэн» [65].

Ту же традицию почти дословно повторяет «Лансдоунский Манускрипт» 1573 г., извлечение из которого мы приводим.

Перевод «Баллады о Мананнэ» сделан по изданию: Thomson R. L. *The Manx Traditional Ballad // Etudes Celtiques. Paris, 1961. Vol. 9. F. 2; Paris, 1962. Vol. 10. F. 1.* Перевод «Лансдоунского Манускрипта» — по изданию: *Monumenta de Insula Manniae, or a Collection of National documents relating to the Isle of Man: In 3 vols. / Transl. and ed. by J. R. Oliver. Douglas, 1860. Vol. 1. (Manx Society Publications; Vol. 4).*

Мананнан (Мак Лир) — король Страны Обетованной, иначе Эмайн Аблах (Яблонево́й Эмайн), отделинной от Ирландии морем. Эта чудесная Страна красочно описана феей-вестницей и самим Мананнаном в сказании VIII века «Плавание Брана, сына Фебала» [7].

«Многоликая Эмайн у моря», земля Мананнана Мак Лира, в ирландской традиции часто отождествляется с Инис Мананн (островом Мэн). В сказании XI века «Сватовство к Луайне и смерть Атирне» говорится, что именно Мананнан, король острова Мэн, «дал имя Эмайн Аблах» [27, с. 215]. В «Словаре Кормака» (ок. 900 г.) написано, что «скотты и бритты называли его богом моря и говорили, что он сын моря — Мак Лир, то есть сын моря. И по имени Мананнана наречен остров Мэн» [76, р. 195]. Мананнан принадлежит к сонму гэльских и отчасти общекельтских божеств, который в ирландской традиции именуется Племенем Богини Дану. В перечне этого Племени присутствует «Мананнан, сын Аллода, сына Элата, сына Делбаота» [54, I, р. 217].

Сказание «Воспитание в Домах Двух Чаш» сообщает следующее. После поражения, которое Племя Богини Дану потерпело от Сыновей Миля — предков ирландцев, — боги этого Племени «призвали благородного верховного короля, великого и могущественного Мананнана, чтобы дал он им совет. И сказал Мананнан, что надо воинам разойтись по сидам и жить в холмах и приветливых долинах Ирландии. ...И указал Мананнан всем благородным мужам их сиды... и даровал им Фет Фиада,

из-за чего и были они невидимы, Пир Гоибниу, дабы отвратить от королей смерть и старость, и свиней Мананнана, чтобы могли убивать их, и снова были живыми те свиньи» [27, с. 88].

В более поздней традиции образ Мананнана подвергается переосмыслению. В «Словаре» архиепископа Кормака Мананнан представлен не королем Племена Богини Дану, а «прославленным торговцем, который жил на острове Мэн. Он был лучшим кормчим на западе Европы. Он имел обыкновение, изучая небо, узнавать, когда будет ясная погода, а когда дурная, и когда та и другая погода изменится» [76, р. 195]. Сказание «Сватовство к Луайне и смерть Атирне» говорит даже, что «было всего четыре Мананнана, что жили не в одно время», хотя все они имели отношение к острову Мэн [27, с. 215].

В конце XVII века губернатор острова Мэн W. Sacheverell писал: «Мананнан Мак Лир, коего они почитают отцом, основателем и законодателем своей страны, относя его примерно к началу пятого столетия, был, как они утверждают, сыном короля Ульстера и братом Фергуса Второго», короля Шотландии [73].

Мэнский епископ Вильсон в XVIII веке отмечал, что «ирландская древность дает особенный рассказ об этом Мананнана, а именно, что его подлинное имя было Орбсен, сын Аллода, короля Ирландии, что он был знаменитым купцом и получил имя Мананнан Мак Лир, то есть Сын Моря, из-за того, что вел торговлю меж Ирландией и островом Мэн, по большому своему искусству в мореплавании... И вполне возможно, что рассказ о том, как он укрывал остров туманом, мог возникнуть оттого, что он был единственным в те дни, кто вел с ними торговлю» [76, р. 195].

Народная традиция острова, однако, вплоть до XX века сохранила представление о Мананнанае как о могучем чарошее, который мог, например, «сделать все морем там, где не было моря, и побережье

там, где не было волн, и прилив с отливом там, где не было воды» [50, р. 44].

«Приемы», с помощью которых Мананнан ограждал свой остров, можно сравнить с действиями друидов Племени Богини Дану, не подпускаявших Сыновей Миля к Ирландии. Согласно традиционной хронологии, Сыновья Миля — предки нынешних ирландцев, т. е. гэлов, — прибыли в страну около 1694 года до н. э. [69, II, р. 3]. В «Книге Захватов Ирландии» (XI в.) сказано: когда корабли Сыновей Миля подошли к ирландскому берегу, «Племя Богини Дану не позволило им высадиться и не явилось заключать с ними мир; и друидством своим оно устроило так, что Ирландия перед ними уподобилась спине кабана», дабы корабли нигде не могли пристать к берегу. Затем, продолжает «Книга Захватов», «друиды сотворили вослед им друидические ветры, так что песок с морского дна поднялся на поверхность моря. Столь велика была буря [поднятая] против них, что ветер нес их к западу, покуда они не изнемогли. „Это ветер чародеев“, — сказал Донн, сын Миля». В той же «Книге» упоминается, как Эриу, королева из Племени Богини Дану, сотворила «из ничего» великое воинство, сразившееся с Сыновьями Миля [57, р. 51—55].

Могила Мананнана, тридцати футов в длину, показывали близ Замка Пил на западной оконечности острова [76, р. 177].

Согласно Джону Рису, имена «Manappan» в ирландской традиции и «Manawyddan» в традиции валлийской (Мабиногион) восходят, соответственно, к гэльскому и бриттскому названиям острова: «Manapp» и «Manaw», которые, в свою очередь, являются генитивами от «Mana» или «Manu» [76, р. 195]. Следует заметить, что название острова Мэн (Mannin) в мэнском языке — женского рода. Ср. «Эрин» (Ирландия), производное от «Eriu» — имени одной из королев Племени Богини Дану [27, с. 54].

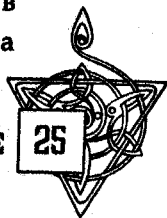
Патрик. — Согласно распространенной версии, св. Патрик, бритт по национальности, родился в 372 году в Шотландии, между Глазго и Замком Думбартон, в местечке, называемом Кирк-Патрик; отцом его был дьякон по имени Кальпурний, а матью — Конха родом из Паннонии [Chaloner].

В стихотворной «Жизни святого Патрика», сложенной ирландским епископом Фиахой, сыном Эрк, который был крещен и рукоположен самим Патриком, рассказывалось о рождении Патрика, о его плене в Ирландии, о его бегстве и путешествии в Италию, где он получил образование, о его возвращении в Ирландию и крещении им страны при верховном короле Лоэгайре и, наконец, о его смерти (493 г.) [69, II, p. 75]. Среди важнейших источников также — «Трехчастное житие святого Патрика» (X в.) и «Исповедь», автором которой считается сам Патрик.

«Анналы Четырех Мастеров», составленные в XVII веке, говорят о св. Патрике: он был «тот, кто разлучил ирландцев с поклонением идолам и призракам, кто победил и уничтожил идолов, которых они имели для поклонения, кто изгнал демонов и злых духов из среды их... Это он окрестил и благословил мужчин, женщин, сыновей и дочерей Ирландии, с землями их и племенами, водами и заливами морскими... Столь много див и чудес сотворил он, что ум человеческий не способен запомнить или запечатлеть все то благо, что сделал он на земле» [36, I, p. 155—159].

Жизнь св. Патрика изобилует столкновениями и с представителями сословия друидов, и с самими королями Племени Богини Дану. Об одном таком столкновении — св. Патрика с Энгусом Мак Оком из Бруга — повествует сказание «Воспитание в Домах Двух Чаш» [27, с. 99].

Патрик крестил остров Мэн, согласно традиции, в 444 либо в 447 году. Его имя увековечено в названии одного из округов, на

которые делится остров Мэн — Кирк Патрик. Его праздник, как и повсюду, на острове Мэн отмечается 17 марта. В те же 40-е годы V века Патрик посетил на юге Британии знаменитую обитель Гластонбери (Инис Витрин), прочно связанную с историей Артура и Грааля.

...первого христианина... — Это Герман, один из помощников св. Патрика в деле крещения Ирландии, которого св. Патрик оставил первым епископом на острове Мэн.

Герман похоронен при кафедральном соборе своего имени, который находился в Замке Пил, что у западной оконечности острова Мэн (см. примечание к «Приходу св. Патрика» в наст. изд.).

Епископство на Мэне считается древнейшим епископством Британских островов.

Стенли (Stanley) — династия владетелей Мэна из Ланкашира (Англия), правившая островом с начала XV почти до середины XVIII века; затем остров отошел под власть британской короны (1765). Первый Стенли — Сир Джон — получил Мэн в 1406 году от английского короля Генри IV. С династией Стенли мэнская традиция связывает мир и благополучие острова.

...в канун Иванова дня. — Иначе в канун праздника Середины лета, или летнего солнцестояния, которое было важной вехой в древнем кельтском календаре (24 июня по старому стилю, 5 июля по новому). У. Б. Йейтс писал: «В канун летнего солнцеворота, когда на каждом крутогоре зажигают костры в честь св. Иоанна, у фэйри бывает самое веселье, и порой они похищают себе в жены красивых человеческих дочерей» [8, с. 9].

Каждый год в церкви св. Иоанна, что в центре острова, на 5 июля происходит служба, после которой праздничная процессия с охапками зеленой травы направляется к расположенному неподалеку холму (Tynwald Hill), на котором в этот день собирается законодательная власть

острова. Этот обычай, несомненно, восходит к легендарным временам Мананнана [76, р. 177]. Холм Тиввальд стоит на месте погребального кургана бронзового века, т. е. он был сакральным центром задолго до прихода сюда скандинавов [25, с. 255].

Гора Барруль (Южный Барруль) — одна из самых значительных гор на острове; гора эта «увенчана массивными стенами крепости эпохи кельтского Железного века, подобной тем, что выстроены в южной Британии накануне римского завоевания. Традиционно именуемая Замком Мананнана, крепость на горе вмещает остатки примерно восьмидесяти жилищ округлой формы. Тщательные раскопки 1960—1961 годов обнаружили глиняные черепки, указывающие на вероятное заселение этих жилищ в IV веке н. э. По окружности идут два вала, ограждающие пространство около 200 ярдов в поперечнике» [82, р. 60].

Гора Кеамуль (или Мам, как она названа в «Лансдоунском Манускрипте») — учеными не идентифицирована. Можно предположить, однако, что это «Холм Восходящего Дня» на юго-западе острова Мэн, называемый еще «Холмом Мананнана» (см. примечание к «Приходу св. Патрика» в наст. изд.).

...вместе с дурным его и несправедным обществом. — Речь идет о Племени Богини Дану, которое стало впоследствии Расой Холмов (сидов); в англоязычной литературе сидов обычно называют просто «фэйри».

Предание о том, что первыми обитателями острова Мэн были именно фэйри, долго сохранялось в народной памяти (см. «Огонь фэйри» в наст. изд.).

«Книга Бурой Коровы» (ок. 1100 г.), имея в виду Ирландию, рассказывает: «...Велико было могущество демонов перед введением христианской веры; и столь велико оно было, что они, демоны, имели

обыкновение соблазнять людей, принимая человеческие обличья, и имели обыкновение открывать людям тайны и места счастья, где они-де пребудут бессмертными; и таким вот образом те бывали убеждены. И этих самых призраков неученые люди называют сидами и народом сидов» [75, II, p. 110].

Впрочем, можно предполагать, что «общество» Мананнана, изгнанное, истребленное либо обращенное Патриком, было не чем иным, как сословием друидов. W. Sacheverell в своем «Кратком описании острова Мэн» (1692) говорит, что первоначальной и притом превосходной формой правления на Мэне была друидическая теократия [73].

В самом деле, «согласно традиции, остров довольно долго был одной из главных ставок друидов. Крестьяне почти все старинные памятники приписывали друидам» [81, p. 453].

Вполне возможно, что друиды Британии, изгнанные римлянами с «южной Моны» (острова Англси) — своего древнего сакрального центра, — нашли убежище на «северной Моне», т. е. на острове Мэн [65, IV, p. 233].

Дональд Монро, составивший «Описание Западных Островов Шотландии», которые он посетил в 1594 году как «верховный декан Островов», писал об острове Мэн: «...Некоторое время, говорят старинные историографы, он пребывал местом, которое Финан, король скоттов, предназначил прежде всего жрецам и философам, называемым по-латыни друидами, по-английски кульдеями, то есть богопоклонниками, по-ирландски же — Leid Draiche, кои были первыми учителями веры в Альбионе...» [64, p. 113].

Даже в Новое время некоторые ученые предполагали, что т. н. Deemsters, судьи и законодатели на острове Мэн, осуществлявшие свою власть по неписаным законам вплоть до XV века, были наследниками друидов [81, p. 452].

Джеффри Китинг, автор «Истории Ирландии» (ок. 1634 г.), полагал, со своей стороны, что в Европу — в частности, в Галлию — друиды пришли либо из Ирландии, либо с острова Мэн [54, II, p. 65].

Joscelinus из аббатства Фурнесс (1112 г.) в рассказе о пребывании св. Патрика на острове Мэн сообщает: «Среди чудес, которые совершил он, наиболее славное вот какое: некоторый чародей, по имени Мелин, претендуя, подобно Симону Магу, на то, что он бог, предпринял демонический полет в воздухе, однако его [Патрика] молитвами стремглав низвергся со своего высокого полета, вдребезги разбился и так погиб» [65, IV, p. 15].

Джон Рис, специалист по традиции Уэльса, посетивший остров Мэн в конце XIX века, писал, что «семейные династии» колдунов на Мэне, вероятно, восходят к друидам и целителям, «пользовавшимся» древних правителей острова [71, p. 300].

Варфильд — норвежское название горы Южный Барруль.

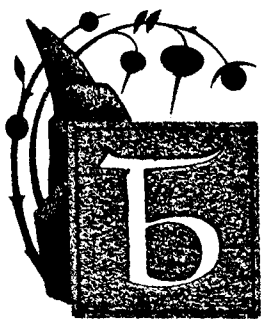
Сей остров был управляем ирландцами... — Имеются в виду наследники св. Патрика, епископы ирландского происхождения, которые, начиная с Германа, соединяли в своих руках духовную и светскую власть над островом. «Баллада о Мананнэне» перечисляет их в такой последовательности: Герман, Моголд, Лоннан, Конхан, Марон. Их имена, как и имя св. Патрика, увековечены в названиях округов острова Мэн.

Известно также, что в V—IX веках остров оспаривали друг у друга короли скоттов и бриттов, пока в конечном счете он не достался скандинавам (норманнам), которые с конца VIII века начали набеги на Британские острова.

Орри, сын короля Дании. — Первый из скандинавской линии королей Мэна, которая продлилась до середины XIII века, когда остров перешел под власть шотландского короля Александра III (1266 г.).

ПРИХОД СВАТОГО ПАТРИКА

Было это, когда святой Патрик прибыл на Мэн из Ирландии верхом на коне по морю. Когда он подъехал ближе к земле, то Мананнан Мак Лир, этот великий чародей, что был правителем Мэна, напустил чары, которые сделали воздух вокруг острова густым туманом, так что нельзя было видеть ни солнце, ни небо, ни море, ни землю.

Патрик въехал в гущу тумана, но, как ни старался, не мог из нее выбраться, а позади его ожидало огромное морское чудище, готовое его поглотить. Он не ведал семью своими чувствами, где он, на востоке или на западе, и собирался уже повернуть назад, когда до слуха его донесся крик куропатки, которая взывала: «Приди, приди, приди!»

Тогда он сказал себе: «Куропатка кормится у подножья скал, она кличет своего птенца». После этого он услышал

блеянье козы: «Берегись, берегись, берегись!» И он сказал себе: «Это коза блеет, чтобы козленок ее не свалился на крутом склоне холма». Напоследок он услышал крик петуха: «Иди к нам, иди, иди!» Тогда Патрик сказал: «Душа моя подсказывает мне — впереди меня Гора Пил». С этим он въехал на остров и направил своего коня вверх по скале. Вскоре он уверенно стоял на вершине Горы Пил. Когда он стоял там, он крикнул:

«Мое благословение на куропатке, и не найти человеку отныне ее гнезда!»

«Мое благословение на козе, и не увидеть человеку, как она рожает!»

«Мое благословение на петухе, и теперь всегда кричать ему на рассвете в этот самый час!»

Он проклял морское чудище и превратил его в твердую скалу, и ныне оно там лежит на спине со своим огромным плавником.

Где копыта коня ударили о вершину горы, там забил источник чистой воды, из которого пили и человек и конь, и он зовется по сей день Источником святого Патрика. Если спустаться по выступам скалы, которые сделаны копытами коня, когда Патрик взбирался наверх, можно до сих пор разглядеть на них следы.

Когда Патрик осмотрелся вокруг себя, туман поднялся, и он увидел огромную толпу воинов, окруживших чудесный Холм Мананнана, и первые лучи восходящего солнца сверкали у них на копьях. Но святой знал, что это призраки, порожденные волшебной силой Мананнана, и он повелел им стинуть.

Тогда они во главе со своим господином помчались в облике людей о трех ногах, кружась, как колеса, впереди

быстрого ветра, который не мог их догнать, покуда не прибыли к Испанскому Мысу. Там они перекинулись через скалы столь быстро и легко, что не потревожили чаек внизу на рифах, а затем летели по-над бурным и седым Ирландским морем, пока не прибыли к зачарованному острову за пятнадцать миль к юго-западу от Кальфа. Мананнан погрузил остров на дно моря, и больше ни его, ни его присных не видели.

Святой Патрик на своем белоснежном коне оставался на Горе Пил и благословлял остров оттуда, где коснулся его земли; благословенье и по сей день на нем. Затем прыгнул он на островок, который видел перед собой, и с тех пор тот зовется островом святого Патрика. Со скал на северном берегу следил он за свирепой бурей, которую вызвал уход Мананнана, и как раз тогда один отважный корабль с разодранными парусами несло прямо на ужасные скалы. Святой Патрик воздел свою закованную в латы руку, и буря была укрощена. Счастливый корабль выправился, и люди на борту были спасены. С благоговением и благодарностью взирали они снизу на всадника на белоснежном скакуне, в сверкающих доспехах, что ярко блистали на фоне черных скал.

С той поры по сей день рыбак, проплывая мимо Скалы Коня, всегда снимает шапку и обращается с такой молитвой к благому святому Патрику:

Патрик святой, благословивший наш остров,

Благослови нас и лодку нашу

Хорошо выйти в море, удачно вернуться,

С живыми и мертвыми в лодке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это одно из устных преданий, записанных на острове Мэн в самом начале XX века и вошедших в собрание фольклористки Софии Моррисон (г. Пил). Предание о приходе святого Патрика как бы дополняет «Балладу о Мананнэне»; оба текста являются фрагментами одной и той же традиции, сохранявшейся веками и дожившей до новейшего времени.

Перевод выполнен по изданию: *Morrison S. Manx Fairy Tales. London: David Nutt, 1911.*

...прибыл... верхом на коне по морю. — Бригита, младшая современница Патрика и наиболее почитаемая всеми гэлами святая, также, согласно традиции, прибывает из Ирландии на Мэн по морю «аки посуху». Ее прихода ждали 1 февраля, в древний кельтский праздник Имболк, посвященный Бригите из Племени Богини Дану и знаменующий начало весны. См., например, мэнскую сказку «Старуха с хвостом» из собрания Катлин Киллип [55].

Гора Пил — находится на западном побережье острова (округ Кирк Герман); ныне город Пил, вблизи от которого лежит остров св. Патрика с развалинами Замка Пил (см. ниже).

...проклял морское чудище... — Здесь следует упомянуть о том, что «подобно Ирландии, остров Мэн свободен от ядовитых рептилий и жаб, — деяние, которое традиция приписывает Патрику, святому покровителю обоих островов» [81, р. 451]. Гиральд Камбрийский (XII в.), впрочем, в своей «Топографии Ирландии» (Chapter XV) писал, что, поскольку на острове Мэн прижились привезенные сюда ради опыта ядовитые рептилии, было решено, что остров по справедливости должен принадлежать Британии, а не Ирландии.

Источник св. Патрика. — На острове было немало целебных источников, связанных с именами покровителей острова [71, р. 332—335].

Традиция Британских островов вообще богата примерами, свидетельствующими о культе вод и источников у кельтских народов. Как пишут Н. Пенник и П. Джонс, «в роли святилищ и мест для поклонения нередко выступали и источники, обладавшие, по кельтским представлениям, исцеляющей способностью... Каждый источник имел своего бога-покровителя, как, например, Ковентина в Карраборо. На севере Англии, где когда-то жили бриганты, и в Ирландии источникам продолжают поклоняться и поныне: иногда поклонение проходит в форме местных народных празднеств, но чаще языческая традиция соединяется с христианской в церемонии „наряжания источника“... В далеком прошлом источникам покровительствовали и местные святые, преемники старых кельтских богов, однако где-то в протестантские времена обычай этот прервался» [25, с. 156]. См. рассказ об озере Лох Мари на северо-западе Шотландии [33, с. 144—154].

О благих источниках в Уэльсе и Корнуолле см. [34, с. 371—372].

Холм Мананнана. — Возможно, это «Холм Восходящего Дня» (Cronk-un-Irree-Lhaa) на юго-западе острова Мэн (см. также «Теваль, королева океана» в наст. изд.).

Джон Рис объяснял это название обычаем мэнцев встречать восход солнца 1 мая, в праздник Бельтан, на возвышенных местах [71, р. 311].

...в облике людей о трех ногах... — «Согласно преданиям, существующим на острове Мэн и в восточных графствах Лейнстера, сей первый человек Мэна [Мананнан] катился на трех ногах, подобно колесу, через туман» [76, р. 195]. Принято было считать, что колесо это было огненным. Вальдрон упоминает, что в его время (начало XVIII в.) на острове Мэн были в ходу деньги с изображением трех ног, которые

назывались в народе «триа ногами Мэна» [87, р. 71]. Триа ноги эти оставались на мэнских пенни еще и в XIX веке и выглядели как три спиралевидные линии. См. также примечание к «Огню фэйри» в наст. изд.

Испанский Мыс (Spanish Head) — мыс на юго-западной оконечности острова Мэн; напротив этого мыса в море находится островок Кальф.

Кальф (Calf of Man) — островок, расположенный у юго-западной оконечности Мэна. Их разделяет узкий пролив Kitterland Sound (см. «Земля Киттера» в наст. изд.). Кальф занимает площадь примерно 600 акров. Название островка означает «теленос» и напоминает о гэльской присказке, которая гласит: «Где корова, там и теленок».

Мананнан погрузил остров на дно моря... — Некогда зачарованной землей, окутанной туманом, считался сам остров Мэн; затем такую землю стали располагать к западу от Мэна [63, р. 250]. Об этой традиции см. примечания к «Зачарованному острову у Порт Содерик» в наст. изд.

...и благословлял остров... — Место, с которого св. Патрик, по преданию, благословил остров, называется «Креслом св. Патрика». Это помост из грубых каменных плит, который поддерживают несколько вертикально стоящих камней, причем два из них, самых высоких, образуют знак креста. «Кресло» это находится к северу от Горы Кьярн в поле [82, р. 44—45].

Остров св. Патрика — точнее, большая скала в море; позже на скале этой был воздвигнут Замок Пил, который, как писал Георг Вальдрон (1726), «по расположению своему, по древности, по мощи и по красоте можно по праву почитать одним из чудес света... он построен на вершине огромной скалы, которая на ужасающую высоту возносится над морем, что окружает ее» [87, р. 9]. Скала эта, с руинами Замка Пил, церкви св. Патрика и кафедрального собора св. Германа, занимает площадь около пяти акров. Вальдрон пишет также, что в его время

сохранялись остатки еще более древних сооружений на этой скале — церквей, «которые были, без сомнения, некогда храмами языческих божеств», с многочисленными могильными камнями, на которых «вы еще без труда можете различить фрагменты надписей еврейскими, греческими, латинскими, арабскими, саксонскими, шотландскими и ирландскими буквами; некоторые даты, что еще виднеются на них, сообщают, что они были сделаны до Рождества Христова» [87, р. 11]. Замок Пил — место действия мэнской легенды об огромной черной собаке-призраке, Moddey Dhoo [87, р. 12]. Вальтер Скотт в нескольких своих сочинениях поминает эту легенду [37, р. 134—135].

...ужасные скалы. — Наличие скал и островков у побережья мэнская традиция объясняла так. «Они рассказывают также, — писал Вальдрон, — что остров их был некогда гораздо больше, нежели в настоящее время, но что один волшебник, имевший великую власть над ним и совершивший множество изумительных и ужасных деяний, столкнулся с таким, который был другом острову; и под конец, когда тот одолел его, он поднял в отместку неистовый ветер, не в воздухе только, но и в недрах земли, который выломал из нее несколько кусков, что уплыли в море, с течением времени обратились в камни и стали теми скалами, которые ныне столь опасны для мореходов» [87, р. 76].

...с живыми и мертвыми в лодке. — Молитва, записанная Эвансом-Венцом около 1910 года у одной старой женщины с острова Мэн, гласила:

О, малый Мананнан, сын Лейра, осчастлививший нашу землю,

Благослови нас и нашу лодку, дабы она отправилась

И благополучно вернулась назад со всеми живыми и мертвыми в ней.

«Эту молитву знали дед и отец старой женщины. Дед обращался к морскому богу кельтов Мананнану, а отец уже заменил Мананнана на св. Патрика» [25, с. 200].

ОГОНЬ ФЭЙРИ

I.

а несколько сотен лет до прихода нашего Спасителя остров Мэн, говорят, был населен некоторым родом существ, именуемых фэйри, и все происходило здесь как бы сверхъестественным образом — голубой туман, постоянно висевший над землей, не позволял кораблям, проходившим мимо, даже заподозрить, что тут находится остров.

Этот туман вопреки природе сохраняли тем, что поддерживали негасимый огонь, и когда ему случилось однажды погаснуть, то берег открылся неким рыбакам, которые были в ту пору в лодке и занимались своим ремеслом; те же известили об этом людей одной страны (но какой — определить не берутся), которые послали корабли, дабы провести дальнейшее обследование. Высадившись, они имели яростную схватку

ПАМЯТЬ ОСТРОВА МЭН

с маленьким народцем и, взяв верх над ними, сами завладели Замком Рушен, а по мере того как получали подкрепления, то и целым островом. Эти новые завоеватели какое-то время удерживали землю за собой, но под конец были перебиты племенем великанов, кои не были истреблены вплоть до правления короля Артура, — это свершил Мерлин, знаменитый британский волшебник.

Утверждают также, что остров этот стал впоследствии убежищем для всех гонимых властителей и великих людей Европы, и те необычные укрепления, что созданы вокруг Замка Пил, были достроены для большей их безопасности.

Предание о том, что случилось тогда, когда огню их родины пустили погаснуть, остается в таком доверии между жителями, что по сей день нет на целом острове семьи местных уроженцев, которая не поддерживала бы непрерывно небольшой огонь; никто не смеет полагаться на бдительность своего соседа в деле, которое имеет в их представлении столь великую важность, — каждый свято уверен в том, что случись когда-нибудь так, что нигде не найдется ни единого огня, то за сим последуют немедленно самые ужасные потрясения и бедствия.

II.

И поскольку они свято верят, что первыми обитателями их острова были фэйри, то держатся мнения, что сей маленький народец по-прежнему обитает между ними. Их называют добрым народом и говорят, что они живут в пустошах, в лесах и в горах, а больших городов избегают из-за бесчинств, что творятся там; благословенны все дома, кои посещают они, ибо порока они бегут.

Бесстыжим нечестивцем сочли бы того, кто позволил бы своим домочадцам лечь спать, не поставив первым делом кадку либо ведро, полное чистой воды, дабы гости эти омылись в ней, — стоит лишь хозяевам смежить глаза, уверяют жители, фэйри непременно делают это, куда б ни соизволили прийти.

Если случится, что вещь затеряется и найдется снова в каком-либо неожиданном месте, вам тотчас говорят, что это фэйри взяли и возвратили ее; если вам случится упасть и ушибиться, — это фэйри подложили вам что-нибудь на дороге, чтобы вы свалились, в наказание за какой-либо грех, содеянный вами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Георг Вальдрон, записавший этот текст, был комиссионером британского правительства на острове Мэн с 1710 по 1730 год. Прожив на острове около 20 лет, он составил непревзойденное в своем роде «Описание» острова, которое является наиболее ценным источником сведений по устной мэнской традиции.

Вальдрон писал, что на Мэне «главные диковины содержатся в преданиях и в суеверно соблюдаемых древних обычаях». В его время, надо полагать, не многое изменилось в средневековом облике острова и традиционном мышлении его жителей.

Перевод сделан по изданию: *Waldron G. A Description of the Isle of Man with some useful and entertaining reflections on the laws, customs, and manners of the inhabitants / Ed., with an introductory notice and notes by W. Harrison, Esq. Douglas (Isle of Man), 1865. (Manx Society Publications, Vol. 11).*

...поддерживали негасимый огонь... — Традиция «негасимых огней» известна и в Ирландии. Так, «первейший друид и хранитель преданий Ирландии» по имени Миде «первым возжег в Ирландии огонь для потомков Немеда. Шесть лет горел тот огонь, и были зажжены от него все главные огни Ирландии» [27, с. 220]. Этот огонь был зажжен на сакральном Холме Уснеха, где сходились границы всех королевств страны. См. также примечания к тексту «Бельтан» в наст. изд.

...берег открылся неким рыбакам... — Джозеф Трейн, посетивший Мэн через сто с лишним лет после Вальдрона, прибавляет к его рассказу следующее: «...Несколько рыбаков, застигнутых непогодой, высадились на берег. Когда они готовились разжечь на взморье костер, то были поражены ужасающим шумом, исходившим из темной тучи, что сокрыла остров у них из глаз. Когда первая искра огня упала в их коробку с фитилем, туча стала подниматься по склону горы, а за нею по пятам следовал вращавшийся предмет, весьма напоминавший три человеческих ноги, соединенных вместе верхними частями бедер и вытянутых так, что они походили на спицы колеса» [84, II]. О «трех ногах Мэна» см. также примечание к «Приходу св. Патрика».

Замок Рушен. — См. «Подземелье Замка Рушен» в наст. изд.

...были перебиты племенем великанов... — Легендарная история Британских островов содержит множество указаний на то, что первыми или одними из первых обитателей этих островов были великаны. Например, у Гальфрида Монмутского в его «Истории бриттов» (XII в.) читаем: «На острове, который назывался тогда Альбионом, не жил никто, кроме немногих гигантов... Среди этих гигантов был один особенно отвратительный, которого звали Гоемагог. Двенадцати локтей ростом, он был наделен такой силой, что в одно мгновение вырывал из земли мощный дуб со всеми корнями, точно он был всего лишь

ореховый куст. Однажды, когда Брут [мифический прародитель британцев. — С. Ш.] устроил в гавани, где впервые высадился на землю Британии, праздник в честь богов, Гоемагог с двадцатью гигантами истребил в беспощадной схватке множество бриттов. Но бритты, сбжавшись, наконец, отовсюду, взяли верх над гигантами и перебили их всех, кроме Гоемагога» [1, с. 17—18].

Однако традиция о «расе великанов» в Ирландии, Британии и на прилегающих островах гораздо древнее текста Гальфрида Монмутского. Подробнее на эту тему см. «Осаду Острова Фалга», «Чертог трех мэнских великанов» и «Подземелье Замка Рушен» в наст. изд.

...вплоть до правления короля Артура... — Sacheverell пишет: «Древности Гластонбери сообщают нам, что около 520 года король Артур завоевал этот остров [Мэн], который он великодушно возвратил местному правителю, и впоследствии включил того в число своих рыцарей Круглого Стола... Кто был этот правитель, создатели нашей легенды не оповещают нас» [73].

Мерлин. — См. примечание к «Подземелью Замка Рушен» в наст. изд.

ТЕВЯЛЬ, КОРОЛЕВНА ОКЕЯНА

В старинные дни жил на острове Мэн кузнец богов Кулан. Это было время, когда Конхобар находился при дворе короля Ульстера и не имел ничего, кроме меча в руке. Был он знатным красивым юношей, и пришло ему в голову сделаться королем самому. Поэтому пошел он однажды к друиду из Клохера, чтобы спросить у него, как это лучше сделать. «Отправляйся на остров Мэн, — сказал друид. — Там ты найдешь великого кузнеца Кулана. Попроси, чтобы он сделал тебе меч, копьё и щит, — с ними ты завоеуешь королевскую власть над Ульстером».

Конхобар пошел прочь, нанял лодку и вышел в море. Он высадился на Мэн и направился прямо к кузнице Кулана. Когда он добрался до нее, была ночь, и красное пламя горна блистало сквозь темноту. Из кузницы слышалось гуденье

мехов и удары молота о наковальню. Когда он подошел ближе, огромный, величиной с теленка пес стал лаять и громоподобно рычать, вызывая из дома хозяина.

«Кто ты, юноша?» — спросил тот.

«О, Кулан! — вскричал Конхобар. — Я пришел от друида из Клохера, он велел мне просить тебя сделать для меня меч, копьё и щит, ибо только с оружием, изготовленным тобою, могу я завоевать королевскую власть над Ульстером».

Лицо Кулана вначале потемнело, однако, присмотревшись к Конхобару, он увидел, что у того облик человека, который далеко пойдет, и он сказал: «Оно будет сделано для тебя, но ты должен подождать, ибо работа долгая». Так Кулан начал изготавливать оружие, а Конхобар остался ждать на острове.

В одно прекрасное майское утро, когда солнце только что взошло над Кронк-ин-Ирре-Ла, он прохаживался по берегу, спрашивая себя, как долго еще Кулан будет делать ему оружие, и думая, что пора ему возвращаться. Прилив отхлынул, и на мокром песке сверкало солнце. Внезапно он увидел, как на гребне волн в нескольких шагах от него что-то поблескивает. Он подбежал туда и узрел самую прекрасную женщину, какую когда-либо видел; она крепко спала. Ее волосы были золотые, как цветущий дрок, ее кожа была белее, чем морская пена, ее губы были красны, как коралл, а щеки ее розовели, как облачка, что проплывают перед ликом встающего солнца. Края ее платья из многоцветных водорослей воздымались и опадали в такт колыханью волн. Жемчуга светились на ее шее и запястьях. Конхобар стоял и смотрел на нее. Он знал, что это морская дева и что как только она проснется, то ускользнет

обратно в океан и будет потеряна для него. Поэтому он крепко связал ее своим поясом.

Затем она пробудилась, открыла свои глаза, синие как море, и когда увидела, что она связана, то в ужасе закричала: «Отпусти меня, человек, отпусти меня!» Конхобар не отвечал, и тогда она снова воскликнула: «Отпусти меня, умоляю тебя!» — голосом, нежным, как музыка Хом Мора, Чудесного Скрипача.

В это время Конхобар чувствовал, что отдал бы все, что имеет, чтобы удержать ее. Он ответил с трепетом: «Женщина, сердце мое, кто ты?»

«Я Теваль, королева океана, — сказала она, — освободи меня, прошу тебя».

«Но если я освобожу тебя, — сказал Конхобар, — ты покинешь меня».

«Я не могу остаться с тобой, Конхобар! — воскликнула она. — Освободи меня, и я дам тебе драгоценный дар».

«Я отпущу тебя, — ответил Конхобар. — Не ради подарка, но потому, что не могу противиться тебе».

Он завязал свой пояс на ней, и она сказала: «Мой дар тебе таков: иди теперь к Кулану, который делает тебе щит, и скажи ему, что Теваль, королева океана, велит запечатлеть ее облик на щите, а по окружности вырезать ее имя. Всегда носи его с собою в битву, и, когда согласишься на мое лицо и назовешь мое имя, сила твоих врагов покинет их и войдет в тебя и твоих людей». Сказав это, она махнула Конхобару своей белой рукой и погрузилась в волны. Он долго смотрел с печалью на то место, где она исчезла, а затем медленно побрел к кузнице Кулана и передал ему послание.

Кулан завершил громадный щит так, как велела королева, а также выковал для Конхобара волшебный меч с золотой рукоятью и копьё, усыпанное драгоценными камнями. Затем Конхобар, в своем малиновом плаще и белой, вышитой золотом рубашке, снаряженный своим величественным щитом и могучим оружием, возвратился в Ирландию.

Все, что сказала королева океана, сбылось. Когда он шел в битву, он смотрел в ее прекрасное лицо на своем щите и кричал: «Помоги, Теваль!» Тогда он чувствовал, что в него входит сила, подобная силе великана, и он косил своих врагов как траву. Вскоре он прославился по всей Ирландии своими великими деяниями и стал, наконец, королем Ульстера. Затем он пригласил Кулана жить в свое королевство и отдал ему равнину Муиртемне, чтобы Кулан поселился там.

Но прекрасной морской девы он больше никогда не видел.

ПРИМЕЧАНИЯ

Устное предание из собранной в начале XX века коллекции Софии Моррисон. Остров Мэн в общей для гэлов традиции связан с Ирландией многими нитями письменных и устных повествований. Кроме известного нам Мананнана, фигурирующего в т. н. Мифологическом цикле ирландских сказаний, с островом Мэн общая традиция связывает героев цикла Ульстерского, цикла Королевского и, наконец, цикла Финна. Причем между текстами, записанными в средневековой Ирландии, и преданиями, бытовавшими на острове Мэн в устной форме, видно большое соответствие. Это доказывается, между прочим, и текстами, приведенными в наст. изд.

«Теваль, королева океана» — мэнское предание, которое записано в начале XX века, но имеет прямое отношение к Ульстерскому циклу, который складывался задолго до конца XI века, когда основные его тексты были переписаны в «Книгу Бурой Коровы».

Можно сказать, что устная мэнская традиция сумела до XX века сохранить древнюю Память, общую для Мэна с Ирландией.

Перевод сделан по изданию: *Morrison S. Manx fairy tales. London: David Nutt, 1911.*

Кузнец богов Кулан. — В ирландской традиции известен прежде всего по отношению к знаменитому герою Ульстерского цикла Кухулину, чье имя (Cu-Chulain) означает «Пес Кулана». То, что Кулан был «кузнецом богов», а точнее — Племени Богини Дану, известно из более поздних источников. Так Кулан именуется, например, в сказании «Охота на Слиав Куллин» из собрания П. Джойса [70, р. 237].

На Кулана были перенесены многие характеристики «первокузнеца» Племени Богини Дану по имени Гоибниу, который возглавлял в этом Племени сословие Aes Dana, то есть Людей Искусства. В сказании «Битва при Маг Туиред», например, читаем: «Собрались у Луга величайшие из Племен Богини Дану, и спросил он [Луг] у своего кузнеца Гоибниу, как сумеет тот послужить им своим искусством. „Нетрудно ответить, — промолвил кузнец, — коли даже случится ирландцам сражаться семь лет, то вместо любого копья, соскочившего с древка, или меча, что расколется в схватке, смогу отковать я другие. И уж тогда ни один наконечник, откованный мною, не пролетит мимо цели, а кожа, произведенная им, не срветется вовеки“». И действительно, написано далее, «все их [Племени Богини Дану] притупленное и треснувшее оружие на другой день оборачивалось целым, ибо кузнец Гоибниу без усталости выделывал копья, мечи и дротики» [27, с. 42—43].

Известно, что древняя Европа относилась к сословию кузнецов с мистическим почтением, которое сохранилось в устной и письменной традиции кельтов. Роберт Грейвс справедливо пишет, что «в бронзовом веке и в начале железного века кузнецы, которые, как поэты и врачи, непосредственно подчинялись Музе, никогда не украшали свои работы бессмысленным орнаментом. Все, что они делали, — меч, наконечник копья, щит, нож, ножны, застежка, кувшин, кружка, ведро, зеркало, — имело магические свойства, о которых говорили форма и размеры узоров» [3, с. 334].

В ирландской «Книге Гимнов» (XII в.) сохранилась молитва св. Патрика, в которой он просит защиты «против чар женщин, кузнецов и друидов» [71, р. 295].

Конхобар — легендарный король одного из пяти исторических королевств Ирландии, именно Ульстера (Улада) на севере страны. Согласно традиции, жил на рубеже н. э. и правил в знаменитой столице Ульстера, Эмайн-Махе (разрушена в IV в.).

В ирландской традиции вокруг Конхобара группируется один из трех воинских «орденов» страны, а именно «орден» Красной Ветви, главные герои которого — Кухулин, Конал Кернах и некоторые другие.

В Ульстерском цикле сказаний Конхобар становится королем Ульстера, сместив прежнего короля, Фергуса Мак Ройха, однако не силой, как в мэнском предании о Теваль, а обманом: Фергус женился на матери Конхобара (Несс) и в качестве свадебного дара предоставил свой трон ее сыну — «на зиму и лето», что означало не только «год», но и «вечность» [28, с. 99 и 174].

Клохер (Clogher) — некогда друидическое капище, а затем древнее епископство в Ульстере, нынешнем графстве Тирон. Джон О'Донован писал, что название Клохер, по преданию, происходит от камня, называемого Cloch-oig, то есть Золотой камень, у которого

ирландцы-язычники поклонялись идолу по имени Керман Келстах [36, 1, p. 302].

В одно прекрасное майское утро... — Вероятно, это утро 1 мая, которое по кельтскому календарю означало Бельтан, начало лета, и сопровождалось у всех кельтских народов богатой древней обрядностью (см. «Бельтан» в наст. изд.).

В кельтской традиции многие важные встречи случаются именно на Бельтан, как, например, встреча Томаса Рифмача с Королевой фей [33, с. 90—105].

Кронк-ин-Ирре-Ла (Cronk-yn-Irree-Laa) — «Холм Восходящего Дня» на юго-западе острова Мэн, неподалеку от горы Барруль. Вероятно, именно этот Холм предание называет Холмом Мананнана (см. «Приход св. Патрика» в наст. изд.).

...это морская дева... — Кельтская традиция богата примерами такого рода. В «Книге Бурой Коровы» (ок. 1100 г.) содержится сказание под названием «Погибель Эохи Мак Майреда», главное действующее лицо которого — королевна Либан, ставшая русалкой и пойманная через триста лет после этого монахами из Бангора на севере страны [15, с. 89—97]. В ирландской хронике (*Chronicum Scotorum*), написанной в XVII веке, под 565 г. значится: «В этом году на берегу Олларба [реки Ларны] в сети Бедана, сына Иннле, рыбака [святого] Комгалла из Бангора, попалась муйргельт [«дива морская»], то есть Либан, дочь Эохайда Мак Майреда» [44, p. 57]. Там же под 900 г. пространное сообщение из Альбы, то есть Шотландии: «В Альбе выброшена морем на берег огромная женщина, а именно — в длину была она девять раз по двадцать и еще двенадцать футов; шесть футов было меж двумя ее соснами; волосы ее были длиною в пятнадцать футов; длина пальцев на руках ее была шесть футов; длина ее носа была семь футов; белее, чем лебедь или пена волны, была каждая пядь ее тела» [44, p. 177]. Это

сообщение повторяется и в других ирландских хрониках — *Анналах Ульстера* и *Анналах Четырех Мастеров*.

Клан Маккей в горной Шотландии, по преданию, происходит от такой морской девы [34, с. 451].

См. также рассказ Георга Вальдрона о русалках на Мэне в наст. изд. *Хом Мор, Чудесный Скрипач*. — Предание, связанное с этим Скрипачом, нам не известно. Однако Вальдрон (1726) передает рассказ одного английского джентльмена, который, оказавшись на острове Мэн, поначалу не хотел верить в существование фэйри. Однажды он переправлялся на своем коне через реку у города Дуглас и, когда был на полпути к берегу, услышал вдруг «чудеснейшую симфонию», которая заставила его и, главное, его коня, оказавшегося не менее чувствительным к музыке, замереть и простоять около часа (как потом оказалось) в воде. Англичанин, который прежде смеялся над всеми историями о фэйри, после этого «обратился» и уверовал в них, как истый мэнец [87, р. 37].

У. Б. Йейтс писал об ирландских фэйри: «Множество старых красивых мелодий Ирландии — это просто их музыка, подслушанная украдкой» [8, с. 9]. Джон Рис отмечал, что «мэнские фэйри, кажется, так же музыкальны, как их сородичи повсюду», и что на Мэне, как и в Уэльсе, иные мелодии заимствованы у фэйри [71, р. 292].

...щит... меч... и копьё [Конхобара]... — В одном из дворцов Конхобара, т. н. Пестром дворце, говорит древнеирландский текст, «хранились копьё, и щиты, и мечи; то есть, был он [дворец] испещрен золотыми рукоятками мечей и блистающей зеленью копий, с кольцами, золотыми и серебряными лентами на них; также покрытием и ободами щитов, исполненными из золота и серебра; также блеском кубков и рогов [для питья] и сосудов» [69, II, р. 332—333].

Муйртемне — знаменитая равнина в Ульстере, на северо-востоке Ирландии, простиравшаяся в древности от реки Бойны до гор Куальнге.

С этой равниной ирландская традиция связывает детство героя Кухулина и, главное, один из первых его подвигов, благодаря которому он обрел свое имя. Кузнец Кулан поселился на равнине Муйртемне и пригласил однажды короля Конхобара и его людей к себе на пир. «Конхобар позвал с собой и Сетанту (так звали тогда Кухулина), но тот сказал, что придет позже. Когда гости расселись вокруг стола, Кулан, не зная о том, что Конхобар позвал на пир своего племянника, выпустил во двор свирепого сторожевого пса. Вскоре к дому подошел Кухулин, и пес кинулся на него, широко разинув пасть, но мальчик бросил в открытую пасть пса шар, которым играл с юношами на лугу; тяжелый шар проскочил псу в глотку, и Кухулин, воспользовавшись этим, успел схватить его за ноги и разможжить ему голову о камень. Конхобар и его люди были очень рады, что мальчик не пострадал, сам же кузнец Кулан весьма опечалился потерей пса. Чувствуя себя виноватым, мальчик вывасялся сам сторожить дом Кулана в течение года, отчего и получил имя „Кухулин“ (букв. „пес Кулана“). Так уже в шестилетнем возрасте он начал исполнять функции стража, сначала при доме кузнеца Кулана, а затем — при всем Ульстере» [28, с. 282].

ГИБЕЛЬ КУРОИ

от как произошла гибель Курои. Отправились воины Красной Ветви грабить остров в океане близ Альбы, называемый Мананн, где было много золота, серебра, разного рода богатств и сверх того множество ценных сокровищ; и владелец острова имел милovidную дочь на выданье, которая превосходила женщин своего времени обликом и красотой. Ее имя было Бланайд. И когда Курои услышал, что воины уходят в это плаванье, он придал себе волшебством неузнаваемый вид и отправился с ними. И когда они собрались разграбить остров в обманном обличии, то поняли, что очень трудно овладеть дуном, который был на острове и в котором была Бланайд и все ценные сокровища, — как из-за крепости дуна, так и из-за большой сноровки в волшебстве у тех, кто защищал его.

Тогда Курои, придавший себе облик человека в сером плаще, сказал: если он получит то, что выберет себе из сокровищ в дуне, он захватит его для них. Кухулин обещал ему это; и тогда они во главе с человеком в сером плаще напали на дун. Он остановил волшебное колесо, что вращалось у входа в крепость, и дал всем возможность войти. И они разграбили дун и забрали из него Бланайд и все ценные сокровища, имевшиеся в нем.

Оттуда они направились в Ирландию и добрались до Эмайи. И когда они делили сокровища, человек в сером плаще попросил сокровище, которое он выберет, как ему было обещано. «Ты получишь его», — ответил Кухулин. «Ладно, — сказал тот, — тогда из сокровищ я выбираю Бланайд». — «Ты можешь выбрать из прочих сокровищ, за исключением только Бланайда». — «Я не приму ничего, кроме нее», — сказал человек в сером плаще. Затем Курои представился случай похитить Бланайд, и, незаметно схватив, он унес ее в волшебной личине.

Когда Кухулин заметил, что дева пропала, он заключил, что это Курои похитил ее; он погнался за ними прямой дорогой до Мунстера и настиг их у леса Солхойд. И воители схватились друг с другом и вступили в суровую доблестную борьбу; и Курои повалил Кухулина на землю, наложил на него путы о пяти узлах и оставил его там связанным пленником, обрезав мечом ему волосы. Оставив Кухулина связанным, он забрал Бланайд с собой в западный Мунстер.

Но после этого пришел Лаэг, сын Риангабара, и развязал Кухулина. И они проследовали оттуда на север Ульстера, поселились на год у горы Бенна Бойрхе и не ходили на собрание мужей Ульстера, покуда волосы Кухулина не отросли.

И в конце этого года случилось Кухулину быть на Бенна Бойрхе, и увидел он большую стаю черных птиц, летевших со стороны океана к югу. И когда они достигли земли, он стал преследовать их, и приемом, называемым «тайтбейм», или «возвратный удар», он убивал своей пращой по птице у каждого селения, пока не убил последнюю черную птицу у реки Сруб Брайн в западном Мунстере. И когда он возвращался на восток, он нашел Бланаид одну у реки Фионглайс в Киаррайге, где в то время стояла крепость — жилище Курои. Тогда меж ними состоялась беседа; и она поведала ему, что нет на лице земли мужчины, которого она любит больше, чем его, и попросила его прийти на следующий Самайн с многочисленным войском и похитить ее обманом или силой; а чтобы ему было легче это сделать, она устроит так, что у Курои будет в это время лишь несколько воинов и слуг. Кухулин обещал прийти в это время за ней. Затем он простился с ней, проследовал в Ульстер и дал Конхобару отчет о случившемся.

Что до Бланаид, то она сказала Курои, что он должен построить себе каменную крепость, которая превосходила бы все королевские крепости Ирландии, а сделать это можно вот как — нужно отправить клан Дедад собирать и сносить в одно место все большие камни, что стоят в Ирландии, дабы сделать для него каменную крепость. А целью Бланаид при этом было, чтобы клан Дедад был рассеян по отдаленным областям Ирландии вдали от Курои, когда Кухулин придет похитить ее. И вот, когда Кухулин услышал, что клан Дедад разбросан таким образом по всей Ирландии, он скрытно вышел из Ульстера с войском, и о нем ничего не известно, пока он не

достиг дубового леса, что находился рядом с крепостью Курои. И когда он прибыл туда, то послал Бланайд тайную весть, что он с войском тут; она же дала ему знать, что украдет меч Курои, а вслед за тем выльет чан свежего молока в реку, которая протекала от усадьбы через лес, где находился Кухуани.

Вскоре после того, как его известили об этой примете, он увидел, что течение становится белым от молока. И вслед за тем они напали на крепость, набросились на Курои в укрытии и убили его, одинокого и безоружного, каким он был. А помянутая река была названа Фионглайс (Белый Ручей) из-за того, что стала от молока белой.

Филид Курои, которого звали Ферхертне, отправился вслед за Бланайд в Ульстер, надеясь улучшить возможность убить ее в отместку за Курои; и, добравшись до Ульстера, он нашел Конхобара, Кухулина и Бланайд в окружении множества людей на вершине Кенн Беара. И когда филид увидел Бланайд, стоявшую там на краю пропасти, он пошел к ней, обвинил ее руками и внезапно бросился вместе с ней в пропасть. Так они вдвоем и погибли.

ПРИМЕЧАНИЯ

В ранней ирландской традиции существует множество версий сказания о гибели Курои; эта история пересекла море и стала известна также в Уэльсе. Кроме текстов, излагающих эту историю в прозе или стихах, имеется большое число упоминаний о ней в других источниках. В «Дейнстерской Книге» (ок. 1150 г.) приводится перечень старинных «новостей», которые был обязан знать и исполнять ирландский филид —

ученый поэт, хранитель традиции. В этом списке, разграниченном по «жанрам» — Похищения, Осады, Бегства и т. д., — в перечне Осад содержится «Осада Фир Фалга» («Людей Фалга»), а в перечне Бегств — «Бегство Блатнайт, дочери Палла, сына Фидаха, с Кухулином». Обе эти истории до нас не дошли [68, р. 588—590].

Из сохранившихся версий сказания наиболее полным можно считать текст «Гибель Курои, сына Дайре», содержащийся в «Желтой Книге из Лекана» (конец XIV в.), а также извлечение из «Истории Ирландии» Джеффри Китинга, составленной около 1634 года в лесах и пещерах на юге Ирландии, где Китинг скрывался от протестантской нетерпимости, на основе древних рукописей, которые он имел при себе и которые по большей части до нас не дошли [68, р. 442].

Для перевода мы выбрали именно версию Китинга, тогда как более древняя версия «Желтой Книги из Лекана» была использована нами в примечаниях для пояснения основного текста.

Перевод выполнен по изданию: *Keating G. Foras Feasa ar Eirinn: The History of Ireland. Vol. 2 / Ed. with transl. and not. by Rev. P. S. Dineen. London: David Nutt, 1908.*

Курои — сын Дайре и Моранн, король западного Мунстера (Мунстер — королевство, занимавшее юг Ирландии и издревле поделенное на «два Мунстера»); глава одного из легендарных воинских «орденов» на рубеже н. э. — клана Дедад, враждебного «Красной Ветви», или ульстерскому «ордену» во главе с Конхобаром [54, II, р. 220—221].

Курои фигурирует во многих сказаниях Ульстерского цикла. В «Опьянении уладов» о нем говорится: «Король Мира, прекрасный обликом Курои, сын Дайре» [35, р. 220]. В сказании «Пир у Брикриу» читаем: «С семилетнего возраста, когда он взялся за оружие, и до самой

своей смерти Курои не обагрил [кровью] меч свой в Эрине, а уста его никогда не прикоснулись к пище Эрина. Не могла Ирландия выносить его из-за надмения его, славы и сана, властительной ярости, силы и храбрости» [35, р. 273]. В «Пире у Брикриу» Курои обладает способностью менять облик и предстает в виде чудовищного «бахлаха» («мужика»). «Курои был не только колдуном, но и мастером изменять собственную внешность, по крайней мере, он мог представлять то в одном, то в другом обличье. Так, на пиру в доме Конхобара, когда он неожиданно появляется среди присутствующих, он выглядит как столп ярко светящегося пламени, а шум его шагов слышится как завывание ветра и стон метели» [28, с. 155—156].

Добавим, что имя матери Курои — Моранн Мананнах — может говорить о ее мэнском происхождении. Мать архидруида Мог Рута — Кахт — тоже была родом с Мэна. Оба чародея, Мог Рут и Курои, ассоциируются с Мунстером на юге Ирландии.

Отправились... грабить... Мананн... — «Оккупация Мэна [ирландцами] датируется, вероятно, временем грабительской экспедиции Курои Мак Дайре и Кухулина» [69, I, р. XXXVIII]. Гибель Курои случилась примерно в 1 году н. э. [68, р. 274].

Альба — гэльское название Шотландии, реже — Британии в целом; собственно Англия именовалась *Sacsа*. В «Словаре Кормака» (ок. 900 г.) три гэльских земли стоят в одном ряду: «Эриу, и Мананн, и Альба...» [75, I, р. 1].

...множество ценных сокровищ... — Версия «Желтой Книги из Лекана» объясняет: «Почему люди Ульстера убили Курои, сына Дайре? Нетрудно сказать. Из-за Блатнат, что была похищена при осаде Фир Фалга, из-за трех коров Иухны и „трех мужей Охайн“, то есть маленьких птиц, что обычно сидели на ушах у коров Иухны. И вместе с коровами был похищен котел. Котел этот был их теленком. Вмещал

котел молоко от дойки тридцати коров, и всякий раз, покуда птицы и пели, они наполняли его молоком» [35, р. 328]. Далее в «Желтой Книге» цитируется поэтический фрагмент из сказания «Призрачная колесница Кухулина», посвященный чудесному котлу (см. «Осада Острова Фалга» в наст. изд.).

Бланаид (Блатнат). — Владелец острова, дочь которого она была, в различных версиях именуется по-разному. Версия «Желтой Книги из Лекана» говорит, что «она была дочерью Иухны, короля Фир Фалга [Людей Фалга]» [35, р. 329]. В сказании «Пир у Брикриу» из Ульстерского цикла она «дочь Минна, короля Острова Людей Фалга» [35, р. 276]. В недошедшем до нас тексте, упоминаемом в «Лейнстерской Книге», она «дочь Палла, сына Фидаха» [68, р. 590]. В более поздней традиции она иногда считалась дочерью Мидира, хозяина одного из «сидов» Ирландии (Бри Лейт), что уже было результатом смешения Иного Мира холмов с заморским Иным Миром [76, р. 183].

Иухна, отец Бланаид в версии «Желтой Книги из Лекана» — владелец чудесных коров и котла (см. выше), упоминается также в одном из преданий «о старине мест» (dinnsenchas) под названием «Тонн Клидна». В этом предании рассказывается, как Иухна Кудрявый с Клидной, дочерью Генанна, плывут из Обетованной Страны в гости к Энгусу Мак Оку, хозяину Бруга, главного чудесного холма Ирландии; причем, пока они плывут, Иухна играет для Клидны волшебную музыку [35, р. 598].

Так или иначе, Бланаид — дочь короля Иного Мира, расположенного на острове; Мэн (Manann), именуемый также «Островом Людей Фалга», принадлежит в ирландской традиции к Иному Миру (см. «Осада Острова Фалга» в наст. изд.). Бланаид (Блатнат) имеет «близнеца» в валлийской традиции: это Блодуэд (Блодайвед) — неверная жена Ллю Ллау, сотворенная для него из цветов дуба, ракиты и таволги

(Мабиногион: «Мат, сын Матонви»). Имена обеих женщин этимологически восходят к понятию «цветы», и сюжет, связанный с той и с другой, примерно одинаков. Это значит, что у гэльской Бланаид и валлийской Блодуэд был общий прототип (см. об этом в «Наследии кельтов» братьев Рис и в «Белой богине» Р. Грейвса).

«Есть поэма о Блодайвед-сове, сочиненная Давидом ап Гвилимом, в которой она клянется святым Давидом, что она — дочь властителя Моны, равного самому Мейрхиону. То есть она называет себя „дочерью Протея“ — Мейрхион легко менял обличья...» [3, с. 361]. В древности, напомним, были известны две Моны — «северная» (о. Мэн) и «южная» (о. Англси). Обе Моны были островными сакральными центрами и обе могли считаться областями Иного Мира.

...овладеть дуном... на острове... — Дун («крепость» или «град») на острове, принадлежащем к Иному Миру, с чудесным сокровищем, заключенном в дуне, — характерный «рефрен» кельтской традиции. В поэме «Preiddeu Annwn» («Добыча из Аннунна»), приписываемой легендарному бриттскому барду Талиесину (VI в.), рассказывается о морской экспедиции короля Артура в Иной Мир (Аннунн), расположенный на острове, средоточием которого также является «дун», а именно Caer Sidi с чудесным котлом внутри [72, р. XXII—XXV].

И в бриттской, и в гэльской традициях известно множество версий путешествия Гвалхмэя (Гавейна) за девушкой на остров с замком, властитель которого — великан или чародей [52, р. 18—33].

См. также «Осада Острова Фалга» в наст. изд.

...волшебное колесо, что вращалось у входа в крепость... — Ср. это с описанием крепости самого Курои (примечание ниже). В упомянутой нами поэме Талиесина «Добыча из Аннунна» чудесный остров называется «Островом Проворной Двери», а «Каер Сиди» — дун на острове — означает, возможно, «вертящаяся крепость» [3, с. 111].

Эмайн (Эмайн-Маха) — столица Ульстера, основанная королевой-воительницей Махой, по некоторым хроникам, в 645 году до н. э. и разрушенная в 332 году н. э. Древнеирландское сказание «Недуг уладов» и одно из преданий «о старине мест» возводят название града к близнецам, которых родила Маха, состязаясь в беге с лошадьми короля [26, с. 7—9; 27, с. 231—232]. Сказание «Сватовство к Эмер» и Джеффри Китинг возводят это название к шейной заколке, которой Маха очертила границы будущего града [26, с. 39—41; 15, с. 113—122].

Обитель Мананнана в традиции также именуется «Эмайн» — «Эмайн Яблок». Возможно, это означает, что град в Ульстере и град в Ином Мире, а именно на острове Мэн, считались как бы «близнецами»: «Эмайн» ведь и значит «близнецы».

...унес ее в волшебной личине. — Версия «Желтой Книги из Лекана» говорит, что Курои унес также и другие сокровища, добытые на острове Мэн: он «вбежал промеж коров и собрал их пред собою, запихнул птиц за свой пояс, ухватил женщину к себе под мышку и ушел от них с котлом на спине» [35, р. 329].

Из других текстов известно, что до того, как Курои унес Бланайд, она успела пожить с Кухулином, чем и объясняется их дальнейшая связь [28, с. 327].

Солхойд («Лес Ивняка») — лес, расположенный на границе графств Лимерик и Типперери в южной Ирландии.

...наложил на него путы о пяти узлах... — то есть на два запястья, на две лодыжки и на шею.

Лазг (Лойг), сын **Руангабара** — верный колесничий Кухулина, постоянно упоминаемый рядом с ним в Ульстерском цикле сказаний.

Бенна Бойрхе — горы в Ульстере, ныне Слив Донард в графстве Даун на севере страны.

...увидел он... стаю черных птиц... — Как пишет Ф. Леру, «почти все птицы в Галлии и в Ирландии по поверью принадлежали к Другому Миру» [13, с. 135].

Преследование птиц и сами птицы — многозначительный «рефрен» в жизни Кухулина, как она описана в ирландской традиции, от «Рождения Кухулина» до его «Смерти» [7; 26]. Что касается ворона, то он был у кельтов птицей Луга из Племена Богини Дану — отца Кухулина [32, с. 271].

«Тайтбейм», или «возвратный удар» — один из приемов боевого искусства Кухулина. О'Карри объяснял его как «вертикальный удар, пригвождавший противника к земле» [69, II, р. 372]. Своим чудесным боевым приемам, список которых довольно велик и причудлив, Кухулин, согласно традиции, выучился у королев-воительниц Альбы (Шотландии), прежде всего у «амазонки» по имени Скатах, как повествует о том сказание «Сватовство к Эмер» [26].

Сруб Брайн («Клюв Ворона») — река на западе графства Керри, название которой напоминает о черной птице, которую убил здесь своей пращой Кухулин.

Киаррайге — область между устьем реки Шэннон и рекой Майне в Мунстере. Ныне это графство Керри на юге Ирландии.

...крепость — жилище Курои. — В графстве Керри (прежнее Киаррайге) на юге Ирландии, в горах Слемеиш (прежде Слиаб Мис) сохранились остатки доисторических крепостных сооружений, до сих пор известных как «Град Курои» [35, р. 328—329].

Ср. у Цезаря: «Городом британцы называют всякое место в труднопроходимом лесу, защищенное валом и рвом» [6, V, 21].

Согласно традиции, «в каком бы месте земли ни находился сам Курои, крепость его с наступлением ночи начинала вертеться быстрее, чем мельничный жернов, ибо такова была сила заклятья, которое

наложил он на свое жилище. Так было оно устроено, что после захода солнца никто не мог даже отыскать вход в него» [28, с. 155]. Волшебный дун на острове Мананн, который сумел захватить Курои, весьма напоминает его собственную крепость. Как же Кухулин и ульстерцы смогли проникнуть в крепость этого чародея в ночь на Самайн? Благодаря помощи Бланайд, дочери иномирного короля.

Самайн — ночь на 1 ноября, по кельтскому календарю — начало зимней половины года, новогодняя ночь. Это «ночь ночей» (ср. «Улялюм» Э. По), когда грань между этим миром и миром Иным особенно «прозрачна». См. примечание к «Паршивому Патрику» в наст. изд.

...*большие камни, что стоят в Ирландии...* — Скорее всего, речь идет о менгирах, то есть о вертикально стоящих одиночных камнях, рассеянных не только по Ирландии, но и по другим областям кельтской Европы загадочными предшественниками кельтов — создателями мегалитической культуры, которые могут ассоциироваться с Племенем Богини Дану.

В сказании «Болезнь Кухулина» герой во время Самайна охотится на двух чудесных птиц, явившихся ему над озером, и ранит одну из них. После этого «он прислонился спиной к высокому плоскому камню. Тоска напала на него, и вскоре он погрузился в сон. И во сне явились ему две женщины» — жена Мананнана по имени Фанд и сестра ее Либан, одна в пурпурном плаще, а другая в зеленом. Они начали бить Кухулина плетью и били, «пока он не стал уже совсем близок к смерти; тогда обе они исчезли» [7, с. 635].

В сказании «Смерть Кухулина» говорится, что он «подошел к высокому камню, что стоял на равнине, и привязал себя к нему, ибо не хотел умирать ни сидя, ни лежа, а только стоя»; так он и умер, привязанный к менгиру [26, с. 340].

Эти-то менгиры, которые были «вратами» в Иной Мир и «следами» его обитателей, и предполагалось использовать в строительстве крепости Курои. Известно, что Сыновья Миля, т. е. гэлы, предпочитали строить из дерева, тогда как камень широко использовали их предшественники [69, р. 153]. Однако ведь сам Курои, по существу, — персонаж иномирный.

...убили его, одинокого и безоружного... — Версия «Желтой Книги из Лекана» сообщает, что Курои был убит при следующих обстоятельствах: Бланайд стала его мыть и привязала его волосы к ложу, затем украла его меч и открыла ворота крепости [35, р. 330]. Из сказания «Пир у Брикриу» известно, что Кухулин и его друзья ранее приходили в крепость Курои с миром и были хорошо, хотя и причудливо, приняты. В этом сказании Курои и его крепость представлены особенно гротескно [35].

Филид — «имя, относившееся к ученому, знатоку в литературе и философии; искусство стихосложения, поэзии, входило в состав первой из них» [68, р. 2]. «Словарь Кормака» (ок. 900 г.) производит слово «филид» от Fi — «яд, отрава» и от Li — «блеск, красота»: «...Это значит, что сатира поэта была ядовитой, хвала же его — блестящей и прекрасной» [69, II, р. 49]. Про филида говорилось: «Перед ним отступают озера и реки, когда он уязвляет их, насмехаясь над ними, и они вздувают перед ним свои воды, когда он их хвалит» [13, с. 100]. Отчего филид Ферхертне, имея возможность отомстить за гибель своего патрона обычным для филидов образом, то есть сочинить песнь поношения, от которой лицо жертвы покрывалось волдырями и она «теряла свое лицо», — отчего Ферхертне вместо этого отомстил как простой смертный, да еще пожертвовав собою? Вероятно, оттого, что он имел дело не с кем-нибудь, а с Бланайд.

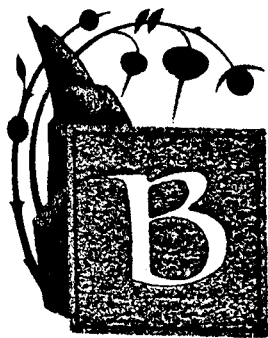

Ферхертне. — После гибели Курои филид его по имени Ферхертне «сочинил элегию в честь павшего героя, в которой славит его доблесть, благородство, честь, также его щедрость к поэтам и мудрецам и вдобавок приводит длинный список даров и подношений ему самому», то есть Ферхертне [69, II, р. 9]. Элегия эта сохранилась и дошла до нас.

Так они вдвоем и погибли. — В «Желтой Книге из Лекана» сохранилась поэма Фланна Мак Лонана Фланнагана (IX в.) о «трех трагических смертях»: смерти Курои, Бланайд и Ферхертне. В ней рассказывается о том, как после гибели Курои филид Ферхертне убежал в горы Киаррайге и вскоре задумал отомстить Бланайд. Он отправился на север и в должное время прибыл в Эмайн-Маху, где был радостно встречен своей бывшей госпожой, Бланайд, и ее новым мужем, Кухулином. Вскоре после этого Конхобар и жители Ульстера собрались у обрыва пропасти, и Ферхертне привел свой план в исполнение. «Это и была трагическая смерть троих: Курои, неверной его жены Бланайд и верного его поэта и арфиста Ферхертне» [69, II, р. 97].

ОСЯЯ ОСТРОВА ФАЛГА

*поход я отправился, о Лозгайре,
и прибыл тогда в Страну Скат:
Дун Скайт в ней с затворами железными —
я наложил руку на него.*

*Семь стен вокруг этого града — ненавистна крепость была:
Частокол железный на каждой стене, на котором девять голов.
Железные врата с каждой стороны — защита не сильная против нас:
Я ударил по ним ногой и разбил их вдребезги.
Была в дуне яма, принадлежавшая, говорят, королю:
Десять змеев вырвалось через край ее, — великое было дело!
После этого я напал на них, хоть громадно было их скопище,
Пока не раздробил я их меж двумя моими кулаками.
Был там дом, полный жаб, которых выпустили на нас;
Злобные чудища с клювами, что целились мне в лицо;
Свирепые, подобные драконам чудища были посланы против нас;*

Сильны были их чародейства.
После этого я напал на них; когда они набросились на меня,
Размолот я их на кусочки меж двумя моими ладонями.
Был в этом дуне котел — теленок трех коров;
Тридцать туш мясных вмещались в него и не были ему в тягость.
Коровы навещали часто котел, — восхитительно было
соперничество, —

Не отходя от него ни с какой стороны, пока не наполнят его.
Было много золота и серебра в нем — замечательная находка:
Этот котел был нам отдан дочерью короля.
Трех коров захватили мы; они храбро поплыли по морю:
Был груз золота для двоих мужей у каждой из них на шею.
После того как попали мы в море, простирающееся на север,
Народ в куррахе моем поглощен был свирепой бурей.
Затем я повлек по воде их, — хоть опасность была остра, —
Деять человек на каждой моей руке, тридцать на голове,
Восемь по обоим моим бокам цеплялись за мое тело.
Так плыл я по морю, пока не добрался до пристани.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Осада Острова Фалга», как мы озаглавили этот текст, — поэтический фрагмент из сказания «Призрачная колесница Кухулина», которое содержится в «Книге Бурой Коровы» (ок. 1100 г.). Сказание повествует о том, как св. Патрик, стремясь обратить ирландского короля Лоэгайре сына Ниалла (правил в 427—462 гг.), в христианскую веру, по его просьбе вызывает из преисподней Кухулина на призрачной колеснице, который, рассказывая о своих деяниях королю, убеждает его принять веру Патрика. «Сказал Лоэгайре Патрику: „Никоим образом не уверю

я ни в тебя, ни в Бога, покуда не вызовешь ты Кухулина во всем его величии, каким запечатлен он в старинных сказаниях, дабы мог я увидеть его и мог обратиться к нему, присутствуя здесь; после этого я поверю в тебя"» [35, р. 347]. Рассказ Кухулина о его визите в «Страну Скат» цитируется в той версии «Гибели Курой», что содержится в «Желтой Книге из Лекана» (конец XIV в.): «Посему сказал Кухулин в „Призрачной Колеснице“...» [35, р. 328]. Это означает преемственность традиции о походе воинов Ульстера на «Остров Людей Фалга», иначе Мэн, и доказывает тождество «Страны Скат» с этим островом.

Перевод сделан по изданию: *O'Beirne C. J. The Phantom Chariot of Cu Chulain // Ancient Irish tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes and Noble Inc., 1969.*

Остров Фалга (Остров Фир Фалга). — Юджин О'Карри в своих «Лекциях по рукописным материалам древней ирландской истории» (1861) писал: «Фалга была, я полагаю, древним именем острова Мэн; и „осада“ ее велась мужами Ульстера во главе с Кухулином» [68, р. 588].

В «Желтой Книге из Лекана» имя «Фир Фалга» («Люди Фалга») объясняется так: «...то есть были они „морскою дамбой“ на островах моря» [68, р. 329]. Смысл названия остается темным. О ком же все-таки может идти речь?

Известно, что островным окружением Ирландии издревле владели фоморы: «...Они были, поистине, демонами в обличии людей, то есть людьми с одной рукою и одной ногою каждый» [44, р. 7]. «Вообще, во всех сагах, где идет речь о фоморах, они описываются несколько неясно, но всегда физически ужасными, отталкивающими и злыми» [32, с. 153]. Фоморы владели, в частности, таинственной крепостью, «дуном на острове» у северо-западного побережья Ирландии. Интересно, что фоморов никогда не изображают как одно из племен,

заселивших Ирландию. Владельцы сидов, они вечно пребывают как бы в тени, и жизнь их постоянно связана с морем и островами» [28, с. 43]. В преданиях «о старине мест» («Айлах») об одном из персонажей говорится, что предок его был «из фоморов с Фир Фалга» [27, с. 231].

Фир Болг, владевшие Ирландией до Племени Богини Дану, потерпели поражение, и, как сказано в «Битве при Маг Туиред», «те из Фир Болг, что спаслись с поля битвы, отправились прямо к фоморам и остались на [островах] Аран, Иле, Мананн и Рахранн» [27, с. 34]. Ирландские «дополнения к Неннию» также говорят: «Фир Болг овладели Мананном и схожим образом некоторыми островами — Араном, Айлеем и Ратлином» [43, р. 23]. Смысл названия «Фир Болг», как и «Фир Фалга», остается дискуссионным; можно даже предположить, что это варианты одного и того же имени. Потомки Фир Болг описывались как темноволосая, угрюмая и грубая раса: это сближает Фир Болг с фоморами [68, р. 223]. На острове Хирта, иначе св. Кильды, — самом дальнем из Гебридских островов — сохранились остатки древнего форта под названием «Дун Фир Болг» [75, I, р. 184].

В свое время, однако, «королем Мэна и Островов» становится Мананнан, который принадлежит к Племени Богини Дану (хотя изначально, быть может, и не принадлежал к нему). Это произошло, вероятно, тогда, когда многие из Племени Богини Дану покинули Ирландию после прихода Сыновей Миля, то есть гэлов [66].

Кто же именно подразумевается под «Людьми Фалга»? Кого заставят ульстерцы во главе с Кухулином, приплывшие опустошить остров «дун на острове»? Из описания «трех мэнских великанов» (см. в наст. изд.) можно заключить, что это, скорее всего, те, кого ирландская традиция именуется фоморами (однорукость и одноногость при этом упоминаются не всегда). Остается предположить, что на острове Мэн каким-то образом уживались «люди Мананнана» и фоморы (или же Фир Болг).

Братья Рис писали: «Как бы то ни было, Туата Де Дананн [Племя Богини Дану] оттесняются на периферию освоенного пространства, на острова и в недра холмов, где ранее было убежище фоморов... Изначально и в итоге — в мире оккультного — между ними нет вражды; их противостояние целиком принадлежит к явленному миру» [28, с. 43]. Можно представить даже, что фоморы были на острове Мэн «податным сословием», которым правили Мананнан и другие Люди из Племени Богини Дану. Во всяком случае, следы пребывания на острове Мэн «расы великанов» описаны Вальдроном и другими авторами (см. «Чертог трех мэнских великанов» и «Подземелье Замка Рушен» в наст. изд.).

Страна Скат. — «Scath» значит «тьень, призрак». Наставницу Кухулина в боевом искусстве, королеву-воительницу, что жила где-то на уединенном острове в Альбе, то есть Шотландии, звали Скатах, — имя с корнем «Scath» [26, с. 42—54].

Дун Скайт («Крепость, или Град Тени»), описанный в нашей поэме, — тот же дун, что захватили ульстерцы в сказании «Гибель Курои», и речь в обоих текстах ведется об одной и той же экспедиции на остров Мэн.

В упомянутой нами поэме Талиесина «Добыча из Аннувна» подобный дун на острове также описывается как «совершенное узилище» Каер Сиди, с «тяжкими мрачными узами», в котором властители его «в сумерках и черноте [ночи] смешивают искрящееся вино»; здесь хранятся сокровища Аннувна: Котел, обогреваемый дыханьем девяти дев, и Крапчатый Бык с крепким поводом [72, р. XXII—XXIV].

В ирландском «Приключении корноухого пса» «остров друидов — это темный остров, на котором царит мрак» [13, с. 227].

...*Сильны были их чародейства.* — Ср. в «Гибели Курои» о «споровке в волшебстве» у защитников дуна на острове. В поздней традиции сохранились представления о причудливых обитателях этого

дуна и не менее странных средствах, которыми они стремились оградиться от всякого вторжения. Р. Грейвс упоминает, например, что «в замке на острове Мэн, принадлежавшем Мананнану, три журавля сторожили у ворот, отгоняя пришельцев: „Не входите! Идите прочь! Держитесь подальше!“» [3, с. 264].

Здесь уместно вспомнить куда более древнее свидетельство, а именно Плутарха (*De defectu oraculorum*, 18), которое вполне могло относиться к острову Мэн: «По словам Деметрия, большинство из островов, окружающих Британию, пустынно; они расположены далеко друг от друга, и некоторые из них названы по именам демонов или героев. Пустившись в плавание по этим областям по приказу царя, он высадился, чтобы собрать сведения, на ближайшем из этих пустынных островов; на нем было немного жителей, но в глазах британцев они священны, и это служит им защитой от всякого ущерба с их стороны; когда он прибыл, в воздухе возникло великое волнение, сопровождавшееся множеством небесных знамений; с воем дули ветры, и молнии сверкали во многих местах; затем, когда вновь установилось затишье, островитяне сказали, что на какое-то высшее существо нашло помрачение» [13, с. 227—228].

Можно сказать, что таким образом остров (вероятно, Мэн либо Англси) реагировал на вторжение. См. также примечания к «Балладе о Мананнани» в наст. изд.

Был в этом дуне котел... — В «чудесно-вещной» кельтской традиции Котел является одной из главных «чудесных вещей». Котел Дагды из Племена Богини Дану в Ирландии был «котлом изобилия» — «не случилось людям уйти от него голодными» [27, с. 33], — и его подобия нередко встречаются в ирландских сказаниях: «он функционирует как котел изобилия, как средство воскрешения и как символ верховной власти» [32, с. 163].

Котел Керидвен в Уэльсе был «котлом вдохновения», и этот котел тождествен Котлу Аннувна из поэмы Талиесина. Мальчик Гвион Бах стал бардом Талиесином, вкусив варева из котла ведуньи Керидвен [28, с. 261].

На известном кельтском котле из Гундеструпа (II—I вв. до н. э.), найденном в Ютландии, изображен исполин, окунающий воинов в котел, — божество, которое производит воскрешение или, возможно, инициацию воинов [32, с. 282—284].

«Святой Грааль» из артуровского круга романов — христианское переосмысление кельтского чудесного Котла [20, с. 780]. «Этот котел имеет силу давать жизнь, обеспечивать обильной пищей и даровать его обладателю редкую удачу. Им обладали боги и богини, но он потом снова и снова утрачивался. Скрываемый и снова находимый, он пребывает в самом центре древних британских мистерий, которые были, в сущности, кельтскими» [23, с. 19].

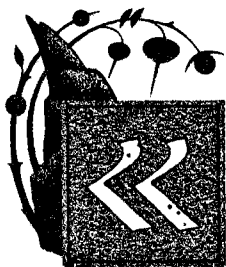
Важно отметить, что Котел или Чаша — символ по преимуществу женский, и принадлежит эта чудесная вещь именно Женщине («Котел Керидвен»), даже если об этом не говорится впрямую. Ср. в нашем тексте: «Этот котел был нам отдан дочерью короля».

...*теленюк трех коров*... — Это коровы Иухны, владельца острова, отца Бланайд, которая названа здесь просто «дочерью короля» (см. примечания к «Гибели Курои» в наст. изд.).

Куррах — традиционный водный транспорт кельтов. «Куррах был лодкой или каноэ, состоявшей из легкого деревянного каркаса, покрытого звериными шкурами» [70, р. 310]. У британского историка VI века Гильдаса читаем, например: «...Ужасные полчища скоттов и пиктов тут же высадились из своих курук [куррахов], на которых плавали как через проливы, так и в далекие моря» [2, с. 216].

ЧЕРТОГ ТРЕХ ЖЭНСКИХ ВЕЛИКЯНОВ

Там узрел я чертог, и было в нем трое, — молвил Ингкел. — Трое мужей мощных, грубых, гнетущих; глядя на них, не вынесет никто их безобразного, уродливого облика. Устрашающий вид, ибо ужасают они. Одеянье из грубых волос покрывает их; дикие их глаза взирают сквозь космы из скотьего волоса, в которые без одежд закутаны они до пят. Три гривы конские, ужасные, величавые у них до бедер.

Свирепые воители, что владеют против врагов разящими тяжко мечами. Наносят они удар тремя железными цепями, имеющими по семь цепей о трех кольцах, трех лезвиях, с семью железными шишками на конце каждого цепя: всякая из них тяжела, как брус из десяти слитков. Три больших бурых мужа. Темные конские гривы на хребтах у них, что доходят до обеих пяток. Ремень из добрых двух третей шкуры быка вкрут

поясницы каждого, и пряжка о четырех углах, что скрепляет каждый ремень, толста, как бедро человека.

Облаченье, которым они покрыты, — косматая шерсть, что растет на них. Космы их грив на хребтах распущены, и длинный железный столб, длинный и толстый, как верхнее ярмо, — в руке у каждого мужа, и на конце каждой дубины железная цепь, и на конце каждой цепи железный пест, длинный и толстый, как среднее ярмо. В печали они пребывают в доме, и довольно ужаса от облика их. Нет никого в доме, кто не избегал бы их. Найди им подобье, о Фер Рогайн!»

Фер Рогайн был безмолвен. «Трудно мне уподобить их. Я не знаю никого подобного из мужей на свете, если они не те трое великанов, коим Кухулин дал пощаду при осаде Людей Фалга; и когда они получили пощаду, то убили пятьдесят воинов. Но Кухулин не хотел дать им погибнуть, ибо диковинны они. Вот имена этих троих: Срубдайре, сын Дордбруйге, и Конхенн из Кенн Майге, и Фиад Скеме, сын Скипе. Конайре выкупил их у Кухулина; поэтому они вместе с ним. Три сотни падут от них в первой схватке с ними, и они превзойдут в доблести каждую троицу в Доме; и если они выйдут на вас, то ошметки от вас можно будет просеять сквозь решетку хлебной печи, — так измолотят они вас железными цепями. Горе тому, кто учинит разрушение, хотя бы только из-за этих троих!»

ПРИМЕЧАНИЯ

«Чертог трех мэнских великанов» — фрагмент сказания из «Книги Бурой Коровы» (ок. 1100 г.) под названием «Разрушение Дома Да

Дерга». Первым русским переводчиком и комментатором этого сказания был С. В. Шкунаев [27].

Текст «Разрушения» относят к IX веку. В центре повествования — легендарный ирландский король Конайре, который находится вместе со своим пестрым и разноликим воинством в огромном Доме Гостеприимства, или «бруйдене», имеющем множество покоев и чертогов. Дом этот осаждает другое воинство, состоящее из ирландцев (их представляет Фер Рогайн) и бриттов (их представляет Ингкел). Фрагмент текста, посвященный выходцам с острова Мэн, — ценный источник по общей для Мэна с Ирландией традиции; поэтому мы решили заново перевести его и включить в нашу книгу.

Перевод сделан по изданию: Stokes W. *The Destruction of Da Derga's Hostel // Ancient Irish Tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes and Noble Inc., 1969.*

Найди им подобье... — В ирландской традиции известен феномен «гельт», или «дикого человека» (иначе «безумца»), который вместе с новым статусом приобретает характерное «косматое» обличие: таковы Суибне Гельт и близкие к нему персонажи, описанные и исследованные Т. А. Михайловой. Например, в повести о Мис из Мунстера говорится: «...так выросли перья и волосы на ней, что они волочились по земле вслед за нею» [22, с. 121]. К этим персонажам можно отнести старинную ирландскую глоссу к Книге пророка Исайи: «...волосатые, то есть демоны типа гельт» [22, с. 123]. В Ирландии и Шотландии хорошо известны создания, именуемые «уриск» и «груагах», а на острове Мэн — «финнодери», к которым также подходит эта глосса (см. «Финнодери» в наст. изд.).

У бриттского историка Гильдаса (VI в.) о самих скоттах (гэлах) говорится, что им присуще «обыкновение более прикрывать свои грубые лица волосами, чем свою наготу лохмотьями» [2, с. 216].

...при осаде Людей Фалга... — Три косматых великана, описанные в данном тексте, отождествляются с защитниками «дуна на острове», который взяли и опустошили ульстерцы во главе с Кухулином (см. «Гибель Курои» и «Осада Острова Фалга» в наст. изд.). Наружность этих великанов говорит за то, что они — фоморы. Возможно, догадка о фоморах как о «податном сословии» или подневольной расе на острове Мэн не лишена смысла. Джон Рис писал, что по-мэнски «великан» — foawg: слово, эквивалентное ирландскому fomhog в современной оглазовке [71, p. 286].

В сказании «Сватовство к Эмер» описан еще один случай, когда Кухулин сразился с тремя фоморами где-то на Гебридских островах, возвращаясь из Альбы от Скатах; однако там говорится, что он убил их. В этом сказании отмечено, что «в те времена Острова Чужеземцев [Гебриды] платили дань уладам [ульстерцам]». Фоморы же, которых убил Кухулин, спасая дочь короля островов, приходят с одного «дальнего острова», расположенного в тех же широтах [27, с. 54—55].

В «Преследовании Диармайда и Грайне» содержится описание юноши из Племени Богини Дану, оставленного в Ирландии сторожить «древо жизни»: он «был широкоплечим, длинноносым, красноглазым и темнокожим великаном... Был у него лишь один глаз посреди его черного лба, и толстый железный обруч опоясывал его гигантское туловище» [7, с. 745]. «Юноша» этот описан как фомор.

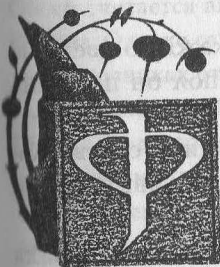
Во многих версиях путешествия Гвалхмэя (Гавейна) либо его «аналога» на чудесный остров властитель острова — обладатель девы — представлен как «feag mog», великан [52, p. 23]. Именно Гвалхмэй («Ястреб Мая») является самой близкой бриттской параллелью к Кухулину: его «приключениями» [52, p. 27].

Эдвард Феархар (1899) приводит рассказ мэнского рыбака о видении, случившемся с ним и его товарищами на море. Заметим, что

вряд ли эти рыбаки были знакомы с преданиями о башне, построенной фоморами на островке Тори у северо-западного побережья Ирландии. «Случилось ему заглянуть под парус, рассказывал он, и увидел он свет перед носом лодки; и он побежал на нос, чтобы рассмотреть его, но свет вмиг оказался вблизи от них с другой стороны. Затем показалась огромная башня, очень высокая и с огнем, пылавшим на ее вершине, а другая башня [тем временем] поднималась из пламени. И был там большой человек, подобный великану, — он стоял посреди пламени и размахивал палицей, огромной, будто мачта корабля... и все море вокруг было объято пламенем». Видение это длилось час или более, а потом исчезло [41, р. 166—167].

ФИНН И ОЙСИН

Финн и Ойсин отправились на охоту с благородною свитой из мужей и собак, числом не менее сотни молодцев, столь резвых в ногах и смысленых, что подобных им не было. Со сворою псов свирепых пустились они через холм и долину, чтобы учинить великое опустошение.

Кого они тогда оставили дома, как не юного Орри, что спал, схоронившись в тени под скалою. Оставили они всех борзых щенков — трижды по двадцать, и ни одним меньше, — с тремя старыми женщинами, чтобы те присмотрели за ними.

Финна прекрасная дочь с презрением и пренебрежением спросила: «Как бы нам выместить злобу на юном Орри?»

Дочь Ойсина ответила: «Крепко к зубьям бороны привяжем мы его волосы, а к проворным его ногам приложим горящий жгут».

Вскочил тогда Орри проворным прыжком, чувствуя, как жаром печет ему ноги.

С проклятьями страшными дал он обет уничтожить тех, кто осмелился оскорбить сына короля. Крепко-накрепко поклялся он солнцем и луной сжечь их самих и все их жилища.

Затем поспешил он скорее в горы; на плече у него лежал тяжелый топор для [рубки] дрека. Восемь многопудовых нош оттуда он вынес, и восемь больших вязанок набилось в каждую ношу. Восемь таких мужей, какие на свете нынче, не смогли бы поднять с земли и одну лишь из этих нош.

В каждое окно швырнул он по ноше и в каждую дверь по такой же; но наибольшую ношу горящую на пол он положил в главном зале и предал его огню.

Меж тем герои, помянутые Финн и Ойсин, со своими мужами отважными гнались за дичью, — нетерпеливые, потом и пылью покрытые все.

Тут показались громадные тучи, наплывающие с запада подобно, как я полагаю, ужасным валам.

Финн тогда побежал; побежал также Ойсин, и бежал он, пока, обессилев и выдохшись, не сел он на землю.

Финн, отважный вождь, однако, выдержал бег, а затем он возвысил свой голос жалостный, взывая к Ойсину, что был далеко позади: «Ничего не осталось нам, кроме унылых обрушенных стен! Кто совершил злодеяние это?»

«Кто, как не юный Орри, который бежал и сокрылся в скальной пещере!»

Тогда, задушив его дымом, его вытащили за пятки и, говорят, разорвали на части дикими лошадьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Финн и Ойсин» — одно из старейших произведений на мэнском языке, дошедшее до нас.

Это сохранившаяся часть поэмы, примыкающей к т. н. циклу Финна (иначе циклу Ойсина), который создавался и распространялся в гэльской «ойкумене» — Ирландии, Шотландии и на Островах, — начиная, быть может, с V века, когда сын Финна Ойсин, возвратившись из Страны Юности (Тир на н-Ог), встретился со св. Патриком и пересказал ему свою жизнь в Фианне — легендарном воинстве Финна. Ойсин считается автором древнейших поэм, входящих в цикл Финна—Ойсина. Однако самое раннее упоминание о Финне и Ойсине в письменных источниках относится лишь к VII веку (в поэме Сенхана Торпейста, «короля поэтов» Ирландии). Историчность этих персонажей, живших в III веке, подтверждается хрониками: в «Анналах Тигернаха» под 283 г. отмечена смерть Финна Мак Кумала [60].

Данная поэма, или баллада, записана в 1762 году двумя мэнскими клириками из уст древней старухи-сказительницы (округ Kirk Michael). Старуха говорила, что балладу эту она выучила от своей матери, мать знала ее от бабки и так далее в глубь поколений; женщины напевали ее, работая по хозяйству. В 1789 году запись была помещена в Британский Музей (Add. MS. 11215).

Несомненно, что до этого поэма, подобно «Балладе о Мананнне», много веков существовала в устной форме [58]. Поэма совершенно традиционна: в середине XX века Джон Лорн Кэмпбелл записал на острове Южный Уист (Гебриды) «повесть» с той же фабулой и теми же героями, только вместо «Орри» в ней фигурирует «Гарри» (Гара), соратник Финна [79, р. 14—16]. Русский перевод этой версии («Гарри и женщины») см. в [33]. Известно также, что версия сказания о Финне,

тождественная мэнской поэме, бытовала на севере Шотландии — в Кромарти и Каитнессе [53, р. 182].

Перевод сделан по изданию: Moore A. W. *The Folklore of the Isle of Man, being an account of its myths, legends, superstitions, customs and proverbs, collected from many sources; with a general introduction, and explanatory notes to each chapter.* Douglas (Isle of Man): Brown and Son; London: David Nutt, 1891.

...отправились на охоту... — Основными занятиями фениев были охота и война (оборона страны от чужеземцев, которые в традиции чаще всего представлены скандинавами).

В период от Бельтана (1 мая) до Самайна (1 ноября), т. е. в летнюю половину года, фениев приходилось рассчитывать только на свою охотничью добычу: жалованья от верховного короля Ирландии им не полагалось. В пищу шло мясо, а вместо жалованья — шкуры добытых зверей [54, II, р. 327—329].

...юного Орри... — По нашему мнению, в исходном варианте речь шла не об Орри (Горри), легендарном родоначальнике скандинавской линии королей Мэна, а о Гарри, правильнее Гаре, одном из фениев-соратников Финна, упоминаемом в гэльских поэмах Шотландии и Островов. Версия, записанная в середине XX века на острове Южный Уист («Гарри и женщины»), ближе к изначальной традиции. Гарри (Гара) превращается в Орри (Горри), «сына короля Дании и Норвегии», уже на мэнской почве. Об Орри см. примечание к «Балладе о Мананнане» в наст. изд.

В данной поэме Орри представлен как враг Финна, находящийся у него в плену. Впрочем, в гэльских поэмах и сказаниях из цикла Финна—Ойсина постоянно действуют персонажи из Лохланна, т. е. Скандинавии, хотя это анахронизм, так как скандинавы появляются на Британ-

ских островах в конце VIII века, а отнюдь не в III веке, когда, согласно традиции, жили Финн и его фении.

Финн оставался популярным героем мэнского фольклора вплоть до XX века. В традиции Мэна он неоднократно посещает остров и предстает в виде исполина и могучего чародея (см. «Зачарованный остров у Порт Содерик» в наст. изд.).

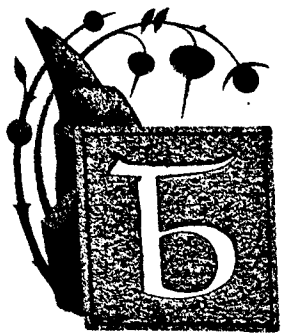
«Ареал» деятельности Финна и его фениев охватывал всю гэльскую ойкумену — Ирландию, Шотландию и Острова. В старинном сказании «Охота у СиднамБан и Смерть Финна» говорится: «Тогда поднялся царственный вождь фениев Ирландии и Шотландии, саксов и бриттов, [Острова] Льюис, и Лохланна, и ближних островов...» [68, р. 85]. Власть его была «на востоке через море» не меньше, нежели в Ирландии [там же, р. 69].

Как бы нам выместить злобу на юном Орри? — Причину этой злобы Артур Мур объяснял тем, что «юный Орри», будучи пленником Финна, ухаживал одновременно за обеими женщинами [58].

В версии с острова Южный Уист женщины ополчаются на Гарри за то, что он подсмотрел, как они собирают моллюсков, дабы съесть их тайне от своих голодающих мужчин, которым не везло на охоте [33].

ЗЕМЛЯ КИТТЕРА

ыло это больше чем восемьсот лет назад, в дни Олафа Годдардсона, когда жил на Мэне барон Киттер, норвежец. Он имел на вершине Барруля замок и все свое время проводил, охотясь на туров и лосей, что водились тогда на острове, пока не перебил их всех. Тогда люди начали бояться, что он станет охотиться на их скот и на горных свиней и не оставит им зверей вовсе, поэтому они пошли к мудрейшим ведьмам острова, дабы посмотреть, что те могут сделать.

Однажды барон Киттер переправился на Кальф, чтобы поохотиться там на красного оленя, оставив своего повара, Эоха Громкоголового, в замке готовить обед. Эоха поставил котел на огонь, а затем заснул за работой. Покуда он спал, женщина-ведунья по имени Ада наложила на котел чары, и жир выплеснулся на огонь. Вскоре дом был объят пламенем.

Эоха пробудился и что было силы в голосе стал звать на помощь, и крики его были столь громкими, что достигли ушей Киттера и его приятелей-охотников за десять миль на Кальфе.

Когда Киттер услышал крики и увидел на вершине Барруля пламя, он быстро как мог добрался до взморья и в маленьком куррахе отправился к острову с большею частью своих молодых. Когда они, пересекая пролив, на полпути попали в сильное течение, лодка ударилась о скалу, и все они утонули, а скала с тех пор была названа Землею Киттера. Прочие же друзья Киттера, которые остались на Кальфе и тем спасли свои жизни, полагали, что повар Эоха сговорился с ведьмами острова истребить всех норвежцев на Мэне. Поэтому они привели его на суд к королю Олафу, и он был приговорен к смерти. Но, согласно обычаю норвежцев, ему позволили выбрать, какую смертью он хочет умереть.

Тогда он сказал: «Я желаю, чтобы мою голову положили поперек бедра вашего величества и отрубили на нем мечом вашего величества Макабуйном, что был изготовлен Лоаном Маклибуйном, Темным Кузнецом из Дронтхейма!»

Каждому было известно, что меч короля мог разрубить крепчайший гранит, едва коснувшись того своим острием, и все умоляли Олафа не делать так, как просил хитрый Эоха. Но король не нарушал своего слова, и он отдал приказ, чтобы все было сделано, как сказал повар.

Однако была там Ада-ведунья, и велела она им взять жабы кожи, ветви рябины и яйца гадюки, девять раз по девять всего, и положить меж бедром короля и головой повара. Это было сделано, и тогда великий меч Макабуйн, изготовленный Лоаном Маклибуйном, был с величайшей

осторожностью поднят одним из верных слуг короля и плавно опущен на шею повара. Но прежде чем меч смог остановиться, голова Эохи была отрублена от тела, яйца гадюки и ветви рябины также были разрублены, — только жабьи кожи спасли бедра короля.

Когда Темный Кузнец услышал, что могуществу великого меча Макабуйна был поставлен предел колдовством, он весьма рассердился и призвал своего молотобойца, Хиаллуса-нанурда, который потерял одну ногу, когда помогал делать меч. Лоан сразу же послал его к Замку Пил, чтобы вызвать короля Олафа или кого-нибудь из его людей на состязанье в ходьбе от Пила до Дронтхейма. Король Олаф сам принял вызов, и они вышли в путь. Через горы и ущелья шли они быстро как могли, и одноногий был столь же скор, как и король. Когда они пересекли остров, каждый пустился в море на парусной лодке, и они приблизились к Дронтхейму в одно и то же время. Когда они подходили к кузнице, молотобоец, который был впереди, крикнул Лоану, чтобы тот открыл дверь; Олаф же велел закрыть ее, а затем, оттолкнув Хиаллуса, вошел в кузницу первым.

Чтобы показать, что он вовсе не утомлен ходьбой, Олаф взял из горна огромный молот и ударил по наковальне таким могучим ударом, что расколол ее и камень под нею тоже. Когда Эмергайд, дочь Лоана, увидела силу и мощь Олафа, она полюбила его. И покуда отец ее ставил заново камень и наковальню, она шепнула королю: «Мой отец делает это, чтобы закончить меч, над которым работает. Было предсказано, что первая кровь, которую прольет меч, будет королевской кровью, и отец поклялся, что это будет твоя кровь».

«Но не седьмой ли сын Старого Пустого Колпака, короля Норвегии, твой отец!» — вскричал Олаф.

«Это так», — сказала Эмергайд.

«Тогда пророчество будет исполнено», — сказал Олаф и вонзил меч в сердце Лоану, а затем убил им и молотобойца.

Он сделал Эмергайд своей королевой, и они правили вместе, и от них произошла долгая череда королей Мэна.

ПРИМЕЧАНИЯ

Традиционная «повесть», связанная с именем одного из скандинавских королей Мэна (одного из «Орри», как их величала мэнская традиция). Записана в 40-е годы XIX века Джозефом Трейном, вторым после Вальдрона автором наиболее ценного и богатого сведениями труда, посвященного острову: Train J. *Historical and Statistical Account of the Isle of Man from the Earliest Times to the Present Date; with a view of its ancient laws, peculiar customs, and popular superstitions.* Douglas (Isle of Man), 1844—1845. Vol. 1—2. Трейн, между прочим, был другом и корреспондентом Вальтера Скотта, живо интересовавшегося обрядами и преданиями острова Мэн.

Почти дословно эта «повесть» совпадает с той, что записана Софией Моррисон в ее собрании мэнских преданий, составленном в начале XX века. Из-за отсутствия каких-либо серьезных разночтений между двумя текстами мы выполнили наш перевод по изданию Софии Моррисон, где текст содержится в виде отдельного повествования: *Morrison S. Manx fairy tales.* London: David Nutt, 1911.

Олаф Годдардсон. — *Chronica Regum Manniae et Insularum*, составленная монахами аббатства Рушен на Мэне в XV веке, сообщает:

«В году 1102 Олаф, сын Годреда Крована, начал править над всеми островами [включая Мэн и Гебриды], и правил он сорок лет. Был он человеком мирным и находился в столь тесном союзе со всеми королями Ирландии и Шотландии, что никто во дни его не отваживался тревожить державу короля островов» [80].

Барон Киттер, норвежец. — Вместе с чередой скандинавских королей Мэна (X—XIII вв.) остров воспринял за три с лишним века их владычества большое число поселенцев из Норвегии. В нескольких округах острова образовалась даже смешанная кельто-скандинавская раса [58]. Однако двуязычие на острове не прижилось; немногие «следы», оставленные норвежцами в языке, — некоторые топонимы (например, *Snaefell*, *Tynwald*). До XIX века большинство мэнцев говорило единственно на мэнском (гэльском) наречии [59].

Барруль. — См. примечание к «Балладе о Мананнэне» в наст. изд.

...пошли к мудрейшим ведьмам острова... — В «Пениартском Манускрипте» из Уэльса (XVI в.) об острове Мэн говорится: «Велики были прежде навыки чар и волшебства на сем острове; ибо там водились женщины, творившие ветер для моряков, а ветер сей заключали они внутри трех узлов, завязанных на нити. И когда они имели нужду в ветре, то развязывали один из узлов на нити» [71, р. 330]. То же самое писал Ранульф Хигден в «Полихрониконе» [38, р. 5].

Джон Рис отмечал в конце XIX века, что подобная практика сохранялась на Мэне и в его время. Он сравнивает мэнских ведьм с древними галльскими друидессами на острове Сена, описанными Помпонием Мелой [71, р. 331].

Чтобы составить впечатление о мэнской ведьме, стоит привести один фрагмент из книги Джона Риса «*Celtic Folklore, Welsh and Manx*» (1901): «Мужчина средних лет из округа Андреас рассказывал мне, как он трижды или четырежды натыкался на женщину, славившуюся как

ведьма, когда она занималась своими дурными делами на перекрестках дорог или на границе трех межей. Однажды это случилось ранним утром на Старый Первомай, а впоследствии он встречал ее несколько раз, возвращаясь домой от своей возлюбленной. Он пригрозил ведьме, что если опять застанет ее, то прибьет, — вот что он рассказывал мне. Ладно, спустя какое-то время он снова застал ее за работой у скрещенья четырех дорог, где-то близ Лезайра. Вокруг нее, говорил он, был начисто выметен круг, такой же большой, как тот, что делают кони при молотье. Он ударил ее и отнял у нее метлу, которую припрятал до полудня. Затем он заставил мальчишек с фермы принести сухого дрова, и положил метлу ведьмы на вершину кучи. Потом дрок подожгли, и, странно сказать, — метла, покуда горела, трещала так, как будто стреляли из ружей. Шум и вправду можно было слышать у церкви Андреас, то есть за несколько миль оттуда. На метле было „семнадцать разного рода узлов“, заявил он, и сжигали как бы саму эту женщину: в самом деле, добавил он, „она ненадолго пережила свою метлу“» [71, р. 295—296].

В XX веке Сесил Уильямсон, хранитель «музея ведьм» на острове Мэн, воздвиг памятник жертвам охоты на них [25, с. 358].

См. также балладу «Бурый Берри» в наст. изд.

Кальф. — См. примечание к «Приходу св. Патрика» в наст. изд.

Куррах. — См. примечание к «Осаде Острова Фалга» в наст. изд.

Земля Киттера (Скала или Утес Киттера) — находится в проливе, отделяющем островок Кальф от южной оконечности Мэна, Spanish Head. Пролив этот называется Kitterland Sound.

Тогда он сказал... — В данной «повести» Эоха отчасти играет роль Гарри, а король Олаф — роль Финна из сказания «Гарри и женщины» с острова Южный Уист [33, с. 47—52]. Меч Олафа, Макабуйн, — это меч Финна, Мак а'Луин, и весь фрагмент, повествующий о том, как Эоха

выбирал свою смерть, с описанием чудесного меча и отрубанием головы, взят, очевидно, из общих «запасников» гэльской традиции.

Лоан Маклибуйн, Темный Кузнец из Дронтхейма. — В поэме, записанной Дж. Лорном Кэмпбеллом на острове Южный Уист, Ойсин, сына Финна, рассказывает:

Мы увидели, как со склона холма спускается

Длинный темный человек с одной ногой,

В капюшоне из темной серой кожи

И с сумою из того же материала.

Незнакомец представляется Финну и его спутникам как «Лунн Мак Лиобайн», он говорит, что пас коз для короля Норвегии; затем он ведет их в свою демоническую кузницу (причем движется он, несмотря на свою одноногость, со сверхъестественной скоростью), и там каждый фений получает по чудесному мечу, а Финн закаливает меч Мак а`Луин в крови [79, р. 16—19].

Фигура Кузнеца из Иного Мира типична для гэльской традиции, а одноногость его (как у фоморов) подтверждает, что он «одной ногою здесь, а другою — там», то есть, что такие существа доступны человеческому восприятию лишь «наполовину». В «Земле Киттера», впрочем, одноногим представлен не сам кузнец, а его помощник, Хиаллус-нан-урд.

Дронтхейм — средневековая столица Норвегии; здесь находилось архиепископство, откуда утверждали епископов Мэна. Таким образом, путь короля Олафа и молотобойца пролегает по морю, от острова Мэн к Норвегии.

Меч короля. — Кроме чудесных Котлов и Чаш, особое место в кельтской «чудесно-вещной» традиции занимают Мечи и Копья. В древнеирландской «Битве при Маг Туиред» говорится о неотразимом мече Нуаду из Племени Богини Дану и мече Тетры, короля фоморов, вешающем о своих подвигах [27, с. 33 и 47].

У всех прославленных воителей кельтской традиции были мечи, обладавшие душою и именем, волшебным происхождением и сверхъестественными способностями.

Таковы меч Фергуса, Каладболг, и меч Кухулина, Круайдин Крепкоголовый [69, II]; меч Финна, Мак а' Луйн [79]; меч Артура, Оскалибур, он же Каледвулх, или Каладболг [72] и т. д.

«В древнем гэльском Житии святого Колумкилле говорится о мече, святость коего была такова, что никто не мог умереть в его присутствии» [52, р. 24—25].

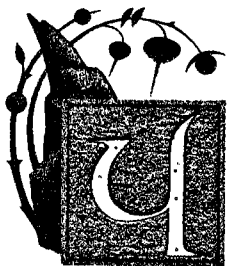
Эти примеры можно умножить. См. также «Теваль, королева океана» в наст. изд.

Старый Пустой Колпак, король Норвегии. — Какой норвежский конунг имеется в виду, неясно.

Он сделал Эмергайд своей королевой... — Согласно хронике, Олаф женился на дочери Фергуса, властителя Галлоуэя (Шотландия), которую звали Аффрика, но имел также много наложниц; у него было несколько сыновей и дочерей [80].

ТЕХИ-ТЕГИ

С еловек, посетивший сей остров впервые, бывал весьма изумлен, сколь мало снисходительности оказывают здесь слабейшему полу. Мужчины всегда едут на рынок конные; по бокам лошадей их висят корзины, полные птицы, масла, яиц и всего того, что они везут туда на продажу. Женщины же следуют за ними пешком по горам и скалам, топям и болотам, через самые глубокие реки, идя все это время без башмаков и чулок, — эти излишние, как они говорят, покровы они несут в руках, покуда не дойдут до рынка. Тогда они садятся все вместе на склоне холма и одеваются на обычный манер, а также спускают вниз свои юбки, которые прежде были подобраны выше колен, дабы удобнее переходить вброд реки и уберечь их от грязи топей и болот.

Однако причина, по которой женщин понуждают к этим лишениям, весьма причудлива, и она, я полагаю, не может не развлечь моего любопытного читателя. Я должен, следовательно, рассказать о ней тем же образом, как о ней рассказывал мне один старик островитянин, до которого она дошла через множество поколений как несомненная истина.

Он сообщил мне, что одна славная чародейка, гостившая на этом острове, но в каком году, он не ведает, своим дьявольским искусством сделала себя столь прелестной в глазах мужчин, что ловила в западню сердце всякого, кто взглянул на нее.

Страсть, которую они возымели к ней, так захватила сердца их всех, что они совершенно забросили свои повседневные занятия: не пахали, не сеяли; не строили домов, не поправляли их; сады их сплошь заросли сорняками, а поля их, некогда плодородные, покрылись камнями; скотина их дохла без выпаса; торф их лежал на лопатах, не собранный с земли; и все вокруг имело вид крайнего запустения. Прекратилось даже деторождение, ибо ни один мужчина не мог иметь малейшей склонности к какой-либо женщине, кроме их всеобщей чаровницы, которая смеялась над ними, позволяла им следовать за ней и восхищаться ею; и каждому она оставляла надежду, что в конце концов будет счастлив именно он.

Когда она обольстила таким образом мужское население острова, то собралась однажды будто бы проехаться по провинциям; и все ее обожатели сопровождали ее пешком, сама же она ехала на молочно-белом скакуне во главе их наподобие триумфатора. Она завела их в глубокую реку, которую сделала своим искусством якобы проходимой, и когда все они зашли

в реку довольно далеко, она вызвала **внезапный** порыв ветра, который согнал такое обилие вод в одно место, что река поглотила бедных влюбленных, числом до шести сотен, в своих бушующих волнах. После этого несколько людей, оставшихся на берегу, видели, как колдунья **обратилась** в летучую мышь и летела по воздуху, покуда не **скрылась** из виду, и как скакун ее обратился в морскую свинью и мгновенно погрузился на дно реки.

Дабы предотвратить всякое происшествие такого рода в будущем, эти мудрые люди предназначили своим женщинам ходить пешком и следовать за своими господами-мужчинами, куда бы те ни вели. И сей обычай соблюдается столь же ревностно, как и все вообще их традиции; так что если женщина случайно окажется впереди, то кто бы ни увидел ее, немедленно кричит: «Техи-Теги! Техи-Теги!» Таково, кажется, было имя той чародейки, что была виновницей этого закона между ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

Один из важнейших текстов, представляющих мэнскую традицию и записанных Георгом Вальдроном в начале XVIII века со слов ее носителей. Как и «Огонь фэйри», текст этот проливает свет на легендарную историю острова, а также на традиционное мышление его коренных обитателей.

Следующий текст, помещенный в наст. изд. — «Охота на крапивника» из книги Дж. Трейна, — отражает, вероятно, ту же «память» о Владычице острова, что и «Техи-Теги».

Перевод сделан по изданию: Waldron G. *A Description of the Isle of Man with some useful and entertaining reflections on the laws, customs, and manners of the inhabitants / Ed., with an introductory notice and notes by W. Harrison, Esq. Douglas (Isle of Man), 1865. (Manx Society Publications; Vol. 11).*

...слабейшему полу. — К женщинам кельтской расы это определение никогда не относилось. Например, Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) писал: «Женщины у галлов не только почти равны мужчинам ростом, но и могут соперничать с ними в силе» (Историческая Библиотека, V, 32). Страбон, его младший современник, отмечал в обычаях кельтских племен «мужество женщин, так же как и мужчин. Например, эти женщины обрабатывают землю, а после родов укладывают своих мужей вместо себя и ухаживают за ними; нередко они рожают во время полевых работ и тогда отходят в сторону к какому-нибудь источнику и сами моют и пеленают ребенка» (География, III, IV, 17). Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) еще более красноречив: «Когда один из них [галлов] поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеша зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил» (Римская История, XV, 12, 1).

Что касается женщин острова Мэн, следует привести один исторический факт, попавший в Британскую Энциклопедию. В 1093 году на острове вспыхнула война между южанами во главе с Макманусом и северянами во главе с Октаром. В решающей битве у Сантварта, когда победа уже клонилась на сторону южан, на поле боя ворвались женщины севера; они полностью изменили исход сражения, правда, не раньше чем оба вождя были убиты [81, p. 453].

...*чародейка, гостившая на этом острове...* — Фигура Женщины-владычицы волшебного острова известна не только в кельтской традиции: достаточно вспомнить Калипсо на острове Огигия.

В древней Европе, писал Р. Грейвс с поэтической категоричностью, «женщина властвовала над судьбой мужчины — преследуя, вместо того чтобы быть преследуемой, насилуя, а не подвергаясь насилию... На различных островах, находившихся под властью женщин, существовала опасность для явившегося туда мужчины подвергнуться сексуальному насилию, грозившему смертью» [3, с. 462—463].

Античные писатели оставили несколько любопытных свидетельств о подобных островах у побережья Галлии и Британии. Страбон, например, писал: «В океане, говорит Посидоний, лежит островок, находящийся не особенно далеко в открытом море, прямо перед устьем реки Лигера [Луары]; на острове живут самнитские женщины, одержимые Дионисом; они умиляют этого бога мистическими обрядами, так же как и другими священнодействиями; и ни один мужчина не вступает на остров, хотя сами женщины отплывают с него для общения с мужчинами и затем возвращаются обратно. Существует обычай, продолжает Посидоний, раз в год снимать крышу святилища и затем крыть ее снова в тот же день перед заходом солнца, причем каждая женщина приносит свой груз соломы для крыши; но женщину, у которой груз выпадет из рук, остальные разрывают на куски; они носят куски жертвы вокруг святилища с криками „эу-а“ и не прекращают хождения, пока не утихнет их неистовство; по его словам, обыкновенно кто-нибудь поражает [на смерть] обреченную женщину» (Страбон, География, IV, IV, 6). Речь идет, напомним, об острове у западного побережья Галлии.

Особую «женственность» кельтской традиции отмечали Алвин и Бринли Рис: «Если взглянуть на описываемые нами события с точки зрения современного человека, непременно бросится в глаза та важней-

шая роль, которую в мире, населенном фоморами, Туата Де Дананн и иными сверхъестественными существами, играли женские персонажи. С точки зрения средневекового человека, в таких местах, как волшебные холмы или острова бессмертия, главенствующая роль женщин не вызывала никаких сомнений. В прекрасном Ином Мире, описанном в саге „Приключение Конлы“, вообще живут одни лишь женщины и девушки» [28, с. 44].

Поскольку остров Мэн и в ирландской, и в местной традиции рассматривался порой как «иномирный», то данная цитата может служить комментарием к «Техи-Теги» и к «Охоте на крапивника» в наст. изд.

...обратилась в летучую мышь... — «Старинное шотландское поверье утверждает: если летучая мышь взлетает и снова падает к земле, — значит, наступил ведьмовской час» [34, с. 227].

На острове Мэн, по свидетельству Джона Риса, ведьмы охотнее всего обращались в зайцев, «притом в таких быстрых и толстокожих зайцев, что никакая борзая не может поймать его, кроме черной без единой белой шерстинки, и никакая пуля не может пронзить его тело, только серебряная монетка. Обе эти особенности хорошо известны также и в Уэльсе» [71, р. 294].

Ср.: «Корнуольское суеверие гласит, что девица, которая слишком сильно влюблена в парня, может умереть, если он бросит ее, а затем будет преследовать его в облике белого зайца. Считалось, что это видение является изменнику повсюду, и его не видит никто, кроме него. Это одно из древнейших корнуольских суеверий, и существует множество историй о мужчинах, доведенных белым зайцем до самоубийства» [34, с. 143].

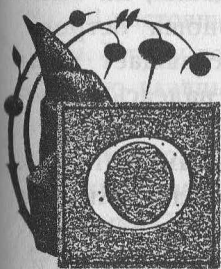
Морская свинья — теплокровное животное, подобное дельфину. Роберт Грейвс пишет: «Она ведь не обычная рыба, потому что морские

свиньи-мужчины и морские свиньи-женщины соединяются в пары. А как по-царски она wpłyвает в реку из моря! Внизу она светлая, наверху темная, и морда у нее темная. А еще у нее великолепные светлые плечи и ласты, широкие, как весла» [3, с. 407].

...что была виновницей этого закона между ними. — Сам Вальд-рон комментирует это сказание так: «...как бы много уроженцы Мэна ни предавали себя некогда воле и прихоти своих хозяек, ныне они обращаются с ними столь бесцеремонно, что я удивляюсь, как эти бедные создания могут еще находить какую бы то ни было радость в любви» [87, р. 76].

ОХОТА НА КРАПИВНИКИ

хота на крапивника была досужим занятием на острове Мэн с незапамятных времен. В дни Вальдрона она наблюдалась на двадцать четвертое декабря, хотя столетием позже — на день святого Стефана.

Эта странная церемония основана на предании, что в давние времена одна необычной красоты фея возымела над мужчинами острова такую непомерную власть, что время от времени своим сладостным голосом она побуждала толпу их следовать за нею по пятам, покуда, шаг за шагом, не заводила в море, где они погибали.

Это варварское упражнение во владычестве продолжалось весьма длительное время, покуда не стали опасаться, как бы остров не лишился всех своих защитников.

Тогда явился один странствующий рыцарь, который отыскал некое средство противодействовать чарам этой сирены, а также замыслил истребить ее, чего она избежала в момент крайней опасности единственно потому, что приняла облик крапивника. Однако, хоть и спаслась она в тот миг от гибели, на нее наложено было заклятие, которым ей суждено было во всякий последующий канун Нового года вновь оживать в том же облике, с тем приговором, что она должна в конце концов погибнуть от руки человека.

Как следствие этого доподлинного предания, на означенную годовщину каждый мужчина и юноша острова, кроме тех, кто сбросил путы суеверия, посвящает часы между восходом и закатом солнца поискам, надеясь истребить фею. И горе отдельным крапивникам, которые в роковой этот день попадутся на глаза деятельным врагам их рода: их преследуют, забрасывают камнями, подстреливают и истребляют без жалости, а перья их сохраняют с религиозным тщанием, — они верят между прочим в то, что всякий из останков, добытых в этом достохвальном преследовании, есть действительное средство, предохраняющее от кораблекрушения на год, и тот рыбак, который отправился бы на свой промысел без такого оберега, считался бы самым безрассудным глупцом.

Когда охота заканчивалась, одну из маленьких жертв с распростертыми крыльями закрепляли на вершине длинного шеста и несли впереди охотников, которые двигались процессией от дома к дому, распевая следующий стих:

*Мы добыли крапивника для Робина-Бобина,
Мы добыли крапивника для Джека-из-Банки,*

Мы добыли крапивника для Робина-Бобина,

Мы добыли крапивника для всякого человека.

Сделав привычный круговой обход и собрав все деньги какие смогли, они клали крапивника на дрожки и несли процессией на двор приходской церкви, где с причудливой торжественностью рыли могилу, хоронили птицу и пели над нею плачи на мэском языке, — это называлось ее отпеванием. После того как похороны завершались, общество образовывало за церковной оградой круг и танцевало под музыку, заготовленную на этот случай.

В настоящее время нет особого дня для охоты на крапивника. Птицу добывают одни мальчишки, кои следуют старому обычаю главным образом для развлечения. На день святого Стефана ватага мальчишек ходит от двери к двери с крапивником, который подвешен за ноги в центре двух обручей, перекрещивающихся под прямым углом, и украшен хвоей и лентами. При этом они поют стих под названием «Охота на Крапивника».

Если, допев этот стих, они достаточно удачливы и добывают какую-нибудь мелочь, то дают взамен перышко крапивника, и еще до конца дня подвешенную птицу можно видеть почти без перьев.

Церемония погребения этой птицы на исходе дня святого Стефана на церковном дворе давно оставлена, — его заменял берег моря или какой-нибудь пустырь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга Джозефа Трейна, из которой взят данный текст, является, наряду с книгой Вальдрона, основным источником по устной традиции острова Мэн.

Перевод сделан по изданию: *Train J. Historical and statistical account of the Isle of Man from the earliest times to the present date; with a view of its ancient laws, peculiar customs, and popular superstitions. Douglas (Isle of Man), 1844—1845. Vol. 1—2.*

Крапивник (королек) — маленькая певчая птичка, ловкая охотница за бабочками. У нее золотой хохолок, длинный клюв, округлые крылышки и короткий хвост торчком.

Есть сведения, что у древних кельтов эта птица содержалась в клетках для магических целей. Археологи полагают, что на многих золотых предметах, найденных в кельтских могильниках, изображен крапивник. «Английский ученый Армстронг, внимательно изучавший процессии с крапивником, считает, что культ крапивника мог проникнуть в Британию с западного побережья Франции еще в бронзовом веке» [4, с. 90—91].

В «Словаре Кормака» (ок. 900 г.) крапивник называется «колдуном птиц» (*magus avium*), птицей друидов. В Ирландии, писал Юджин О'Карри, щебет крапивника, наряду с карканьем ворона, был предметом для гаданий [69, II, p. 224].

В ирландском фольклоре крапивника звали «королем птиц», но также и «слугою дьявола». Можно было наблюдать порой, как народ целого округа, словно обезумев, носится по зарослям, охотясь на крапивника, — писал Джон Обри об ирландцах XVIII века [38, p. 198].

Обряд охоты на крапивника в XIX—XX веках бытовал кое-где в южной Франции, Бретани, Ирландии и Уэльсе. «К сожалению, — пишут Эдвин и Мона Рэдфорд (1947), —эта охота на крапивников продолжалась на острове Мэн еще в 1933 г.» [34, с. 324].

В канун Рождества, писал Грейвс, «судя по британскому фольклору, красногрудый Робин-малиновка, как Дух Нового Года, выходит с березовым прутом убить своего предшественника, королька золотоголового, Духа Старого Года, который прячется в плюще» [3, с. 208].

«В некоторых местностях Уэльса крапивника не убивали, а ловили и сажали в особый домик — „дом крапивника“, деревянный, с окнами и дверью. Домик укреплялся на четырех шестах, и несли его четыре человека. Группа юношей с таким домиком обычно посещала дома молодоженов или новоселов. Их встречал на пороге молодой хозяин и угощал пивом, а его жена дарила для крапивника ленту. Процессию сопровождали музыканты» [4, с. 90—91].

В дни Вальдрона... — Георг Вальдрон, живший на острове с 1710 по 1730 год, посвятил этому обряду лишь несколько строк. Он пишет, что в ночь с 24 на 25 декабря вся челядь острова отправляется охотиться на крапивника; отыскав и убив одну из сих несчастных птиц, они несут ее к церкви, торжественно хоронят и отпевают ее плачем на мэнском языке: «после чего Рождество начинается» [87, р. 49].

Все традиционные праздники на острове Мэн предпочитали отмечать по старому стилю, т. е. по юлианскому календарю: «Старое» (или «Большое») Рождество, «Старый» Первомай (Бельтан), «Старый» Хеллоуин (Самайн) и др.

День св. Стефана — 26 декабря. Интересно, что «в некоторых областях Уэльса в этот день мужчины большими связками колючего падуба хлестали обнаженные руки и ноги женщин — до тех пор, пока не появлялась кровь» [4, с. 95]. Возможно, это лишь случайное совпадение.

Однако вот что писал о своем родном Уэльсе Джон Рис (1901): сельская «застенчивая девушка предоставляет влюбленному в нее парню пылко изъяснить совершенную его готовность «свану ол еи тхраед», то есть проделать на коленях за нею весь путь через луг, целуя землю везде, где та удостоилась прикосновения ее милой ножки» [71, р. 304].

Это варварское упражнение во владычестве... — Ср. с рассказом о Техи-Теги в наст. изд.

...средство, предохраняющее от кораблекрушения... — «Шотландская энциклопедия Галлоуэя» отмечала в начале XIX века: «Мэнские рыбаки не дерзают выходить в море за сельдью, не взяв с собою одну из этих мертвых птиц, ибо страшатся бедствий и бурь. У них есть предание о духе моря, который следовал за косяком сельди, всегда сопровождаемый бурями, а под конец принимал облик крапивника и улетал прочь. Поэтому, полагают они, когда у них с собою мертвый крапивник, все будет в порядке» [38, р. 199].

...это называлось ее отпеванием. — В обряде похорон крапивника сохраняется воспоминание об их любимой некогда и ненавидимой Госпоже. Скорее всего, предание о Техи-Теги (см. в наст. изд.) и рассказ Трейна восходят к одной и той же традиции о Владычице острова. Джозеф Кэмпбелл, автор «Тысячеликого героя», писал, что «коллективное бессознательное», которое питает мифы и легенды, отражается «в образах, предполагающих угрозу насилия и воображаемое опасное наслаждение, — не только в фигурах великанов-людоедов, но и в виде сирен загадочно обольстительной, ностальгической красоты» [12, с. 85].

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ЗАМКА РУШЕН

Есть в глубине замка помещение, которое никогда на памяти людей не бывало открыто. Люди, принадлежащие к замку, весьма осторожны, когда говорят о причине этого. Но уроженцы острова, кои до крайности суеверны, утверждают, что тут не обошлось без волшебства. Они рассказывают, что сперва замок был населен феями, а впоследствии великанами, кои продолжали владеть им вплоть до дней Мерлина, который силой магии изгнал наибольшую часть их, возложив на остальных нерасторжимые, как они полагают, до конца света чары. В подтверждение этому рассказывают весьма необычную историю.

Говорят, под землю находится великое множество прекрасных покоев, превосходящих великолепием любую из верхних комнат. Несколько человек, храбрости более чем

обычной, отважились в прежние времена спуститься вниз, дабы исследовать тайны подземных жилищ, но ни один из них не вернулся назад рассказать о том, что он видел. Было вследствие этого решено, что все проходы туда должны быть всегда закрыты, дабы никто больше не пострадал от своего безрассудства. Пятьдесят, быть может, или пятьдесят пять лет тому назад человек, обладавший необычайной дерзостью и решимостью, усердно добивался у тех, кто имел власть пожаловать оное, позволения посетить эти мрачные жилища. Он наконец добился своего: спустился вниз, с помощью веревки, которую взял с собой, и возвратился назад, чего ни один человек до него не сделал. И принес он вот какое удивительное открытие.

Пройдя через великое множество подвалов, он попал в длинный узкий проход. Продвигаясь по нему все дальше, он заметил, что спускается глубже и глубже. Пройдя, как он предполагал, с милю, он стал видеть свет, который — хотя светил он, казалось, издалека — был самым восхитительным зрелищем, что он когда-либо созерцал. Завершив наконец этот переход во мраке, он узрел большой великолепный дом, освещенный множеством свечей, — от него-то и исходил свет, который он видел. Изрядно подкрепившись бренди, прежде чем начать экспедицию, он имел довольно смелости, чтобы постучать в дверь, которую на третьем стуке открыл слуга, спротивший, чего ему надобно.

«Я хотел бы пройти так далеко, как смогу, — отвечал искатель приключений, — поэтому, будь так любезен, укажи, как мне исполнить мое намерение, ибо я не вижу иного пути, кроме темной пещеры, через которую я пришел».

Слуга сказал ему, что он должен пройти через этот дом; он повел его длинным переходом и вывел через заднюю дверь. Затем наш герой прошел значительное расстояние, прежде чем увидел другой дом, еще более великолепный, чем первый. Все окна в доме были открыты, и он увидел бесчисленное множество ламп, горевших в каждой комнате. Здесь он также намеревался постучать, но возымел любопытство взойти на бугор, с которого открывался вид на небольшую гостиную. Рассматривая ее, он увидел посреди комнаты из черного мрамора громадный стол, а на нем — распростертого во весь рост человека, или, вернее, чудовище, ибо, по его рассказу, был тот не менее четырнадцати футов в длину и десяти или двенадцати — в обхвате туловища. Этот громадный человек возлежал, как если бы спал, головой на книге, а рядом с ним был меч, соразмерный руке, которой надлежало пользоваться им.

Зрелище это устало нашего путешественника больше, чем все мрачные и угрюмые помещения, через которые ему пришлось пройти. Он решил поэтому не пытаться войти в место, населенное личностями столь чудовищного роста, и счел за благо возвратиться к первому дому, где тот же самый слуга препроводил его и сообщил, что, постучав в ту дверь, он увидел бы изрядное общество, но никогда не смог бы вернуться. Тогда он пожелал узнать, что это за место и кто им владеет. Слуга отвечал, что о таких вещах не откровенничают. Тогда он оставил это место и тем же мрачным переходом попал в подвалы, а вскоре после этого поднялся наверх, к солнечному свету.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данный текст — извлечение из «Описания острова Мэн» Георга Вальдрона.

Перевод сделан по изданию: *Waldron G. A description of the Isle of Man / Ed., with an introd. notice and notes by W. Harrison, Esq. Douglas (Isle of man), 1865. (Manx Society Publications; Vol. 11).*

Замок Рушен (ныне Castletown) — древняя столица острова Мэн, расположенная на южном побережье. В 1815 году на одной из дубовых балок замка обнаружили предполагаемую дату его возведения: «947». В 1863 году, пишет Вильям Харрисон, здесь были найдены неизвестные ранее подземные помещения.

Георг Вальдрон отмечал: «Древние обитатели острова, кажется, питали особое пристрастие к подземельям, ибо нет на нем ни одного старинного строения, которое не имело бы, по меньшей мере, столько же помещений под землю, сколько и наверху, а порой даже больше, — они богато украшены резьбою, а полы в них покрыты разноцветным камнем наподобие мозаики, великолепной для глаза». Вальдрон писал, что подземное жилище было и в Крепости Дуглас, что на восточном побережье острова; и оно называлось «Покоем Великана» [87, р. 47].

...замок был населен феями... — Для сравнения приведем свидетельство, относящееся к Рат Круахан на западе Ирландии — крепости легендарной королевы Медб (I в. н. э.). Джон О'Донован (1854) писал, что от крепости остался зеленый ров, в центре коего есть пещера, а в пещере — большая круглая зала с конической крышей. Местные жители верят, что Медб (Мейв), ставшая Королевой фей, по-прежнему обитает там вместе со своею свитой; повсюду вокруг рва есть

отверстия, пропускающие воздух и свет в это сокровенное жилище [36, III, р. 204].

См. также «Огонь фэйри» в наст. изд.

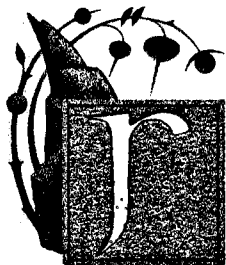
...а впоследствии великанами... — В другом месте своей книги Вальдрон пишет: «...сколь странным ни казалось бы их предание о том, что остров был некогда населен великанами, я своими собственными глазами видел немалое сему доказательство. Когда они рыли новую могилу на кладбище Кирк Брэддан, то нашли человеческую кость длиною почти в четыре фута от лодыжки до колена; лишь увидев ее воочию, мог я убедиться в истинности этого; но жители, казалось, мало обратили на нее внимания, ибо часто, по их словам, выкапывали кости такой же величины. Они рассказали мне, что лишь за несколько месяцев до моего приезда на кладбище Кирк Кабра выкопали человеческий череп столь чудовищной величины, что его едва ли покрыл бы бушель; и когда они копают, то самое обычное дело у них — вырыть ребро или руку, соразмерные той ноге, что я видел». Вальдрон упоминает также о находке глубоко под землею пары башмаков, сделанных из латуни и подходящих разве что великану [87, р. 61, 72].

Джон Рис, посетивший остров в конце XIX века, писал (1901): «Честно говоря, я слышал лишь об одном великане, но уж это был великан! Я видел отпечатки его громадных рук, оставленные на вершинах двух массивных монолитов. Они стоят в поле у Балла Кейл Перик... Мне рассказали, что изначально этих камней было пять; они стояли, образуя круг, и все были также помечены тем великаном, когда он швырнул их вниз оттуда, где стоял, — с вершины горы, именуемой Кронк-ин-Ирре-Ла, что на расстоянии в несколько миль» [71, р. 285—286]. Ср. известие Гальфрида Монмутского о великанах как о первых обитателях Британии [1, с. 17—18] и «Чертог трех мэнских великанов» в наст. изд.

...до дней Мерлина... — У нас нет сведений, подтверждающих приводимое Вальдроном деяние Мерлина-Мирддина (VI в.). Гальфрид Монмутский в «Истории бриттов» (XII в.) также приводит рассказ о деянии Мерлина, почерпнутый из неизвестного источника: речь идет о перенесении Мерлином из Ирландии в Британию «Кольца Великанов», т. е. камней знаменитого Стоунхенджа. «Некогда великаны вывезли их из крайних пределов Африки и установили в Ибернии [Ирландии], где тогда обитали»; Мерлин же своим искусством низвел камни с горы Килларао и переправил их на юг Британии [1, с. 87—88]. Джон Рис (1886), а впоследствии Дж. Хокинс и Дж. Уайт (1966) считали, что в этой легенде Гальфрида может быть доля правды [31, с. 18—19].

РУСНАКИ

I.

оворят, в то время, когда Оливер Кромвель захватил протекторат над Англией, остров сей почти не посещался кораблями; и такая безмятежность и одинокость моря давала морским мужам и девам — врагам всякого общества, кроме общества себе подобных, — возможность часто наведываться на берег, где в лунные ночи можно было видеть, как они сидят, расчесывают свои волосы и забавляются друг с другом. Но как только они замечали, что кто-нибудь приближается к ним, то прыгали в воду и тотчас пропадали из виду.

Несколько человек, живших у побережья и наблюдавших за их поведением, растянули по земле большие сети, сделанные из тонких, но очень прочных веревок, и стали поджидать на подходящем расстоянии, когда те приблизятся. В ту ночь, когда

разложили эти силки, случилось явиться из моря лишь одному созданию, и не успело оно присесть, как те, кто держал сети за концы, внезапно и резко стянули их и захватили свою добычу, не оставив ей никакой возможности бежать.

Раскрыв сети и осмотрев своего пленника, они нашли, по величине груди и красоте облика, что это женщина. Не бывало существа более прелестного, более искусно сложенного: по-верх талии она всем телом совершенно походила на молодую женщину, однако ниже все было рыбье, с плавниками и огромным простертым хвостом. Ее принесли в дом и обходились с ней очень бережно, не отказывая ей ни в чем, кроме свободы. Но хотя они ставили перед ней лучшую снедь, доставляемую этой местностью, ее нельзя было склонить ни поесть, ни попить, равно как не смогли они услышать от нее ни слова, хотя и знали, что создания эти не лишены дара речи, ибо слышали, как они разговаривают друг с другом, сидя и угощаясь на взморье.

Они продержали ее таким образом три дня, но, заметив, что она стала в заточении выглядеть весьма плохо, и боясь, как бы на остров не пало какое-нибудь бедствие, если станут держать ее, пока она не умрет, они согласились дать ей вернуться в ту стихию, которую она любит более всего, и на третью ночь оставили дверь открытой. Как только она заметила это, то поднялась с места, где тогда лежала, и с невероятной быстротой заскользила на своем хвосте к берегу моря.

Люди издали следовали за ней и видели, как она нырнула в воду, где была встречена большою толпой своих соплеменников, один из которых спросил, что она повидала среди людей земли. «Ничего особенно удивительного, — отвечала она, —

разве что они настолько невежественны, что выплескивают прочь воду, в которой варили яйца». Вопрос сей и ответ ее были отчетливо слышаны теми, кто стоял на берегу и следил за происходившим.

II.

Рассказывают также, что морских мужей и дев часто видели в заливе меж двумя скалами, которые выступают в море на этом побережье острова. Много удивительных историй о сих земноводных созданиях довелось мне услышать там, равно как и в Порт Айрон; однако самая странная из всех вот какая.

Говорят, одна прекрасная русалка столь сильно влюбилась в молодого человека, который имел обыкновение заниматься у этих скал своею лодкой, что она часто приходила посидеть с ним, принося ему куски коралла, лучшие жемчужины и еще большие редкости, бесконечно более дорогие, попадавшие в руки к человеку, который знал им цену, — раковины различного вида и образа, так великолепно расцвеченные и сиявшие, что слепили взор, устремленный на них.

Подарки ее сопровождаемы были улыбками, поцелуями и всеми знаками самой искренней и нежной страсти. Но однажды, когда ее руки обхватили его с большей пылкостью, чем обычно, он устрасился, что она намеревается утащить его в море; он боролся с ней, пока не высвободился, а затем отбежал от нее на изрядное число шагов. Такое поведение, кажется, прогневало ее столь сильно, что она, схватив камень, бросила в него и скользнула в стихию, ей более сродную; на земле ее больше никогда не видели.

Но бедный юноша, хотя камень лишь слегка ударил его, почувствовал с того момента такую мучительную боль во внутренних, что изо рта его не раздавалось крика в течение семи дней, на исходе которых он умер.

ПРИМЕЧАНИЯ

Два рассказа, записанных Вальдроном (1726) в разных частях острова от старых рыбаков.

Перевод сделан по изданию: *Waldron G. A description of the Isle of Man / Ed., with an introd. notice and notes by W. Harrison, Esq. Douglas (Isle of man), 1865. (Manx Society Publications; Vol. 11).*

Оливер Кромвель (1599—1658) — диктатор («лорд-протектор») Британии в период гражданской войны; известен между прочим террором и карательными экспедициями против Ирландии, Шотландии и Уэльса.

В ту эпоху, как писал Грейвс, «англо-саксонско-датский юго-восток [Британии] был в основном парламентским, а кельтский северо-запад — монархическим» [3, с. 471].

...*морским мужам и девам*... — В кельтской традиции известны особи и того и другого пола, хотя чаще речь идет о морских девах (по-бретонски — «морганах»).

В одном из ирландских преданий «о старине мест» рассказывается, как корабли королевича Руада встали однажды в море, «словно держали их якоря. Тогда перелез Руад через борт своего корабля, дабы узнать, в чем дело. Проплыл он под кораблем и увидел девять прекраснейших во всем свете женщин, которые по трое держали каждый корабль. Увели с собой женщины Руада, и по одной ночи

провел он с каждой из них на сухой земле или ложах из бронзы» [27, с. 219].

Как пишет С. В. Шкунаев, «морские девы, по поверьям, обитали на дне моря во дворцах и вели обычный человеческий образ жизни, стремясь привлечь приглянувшихся им смертных, прежде всего моряков; иногда, щедро одарив, они отпускали их» [19, с. 480].

В Шотландии, как писал Роберт Чэмберс (1826), «морские девы были и благодетельными, и опасными персонами» [42, р. 330].

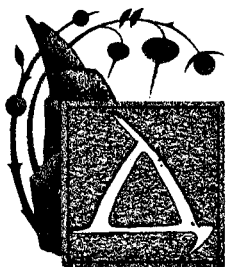
Вальдрон в своей книге приводит рассказ о том, как некие охотники за подводными сокровищами опустили рядом с островом Мэн на огромную глубину специальный аппарат с человеком внутри; человек этот обнаружил на дне моря чудесный град из драгоценных камней, а также увидел его обитателей — красивых морских мужей и дев. После этого он потерял вкус к жизни и вскоре умер [87, р. 56—57]. Новелла Герберта Уэллса «В бездне», вероятно, написана под влиянием этого рассказа из книги Вальдрона.

В самом конце XIX века мэнский поэт Эдвард Феархар писал в своих воспоминаниях: «...Один старик рассказывал мне, как он с двумя своими сестрами видел у Касс Строан русалку, сидевшую на скале; у нее были огромные груди. Как только она заметила их, то прыгнула в море, и они ее больше не видели. В наше время русалки, однако, пропали, так же как и фэйри» [41, р. 139].

См. также примечания к «Теваль, королевне океана», «Кутлару МакКуллоху» и к «Зачарованному острову у Порт Содерик» в наст. изд. ...на этом побережье острова. — Т. е. на восточном.

Порт Айрон (Port Iron). — Вероятно, Вальдрон имел в виду Порт Эрин на юго-западном побережье острова.

ФИННОДЕРИ

ругой излюбленный фантазм мэнского суеве-
рия — финнодери. Это создание воображе-
ния представляется как падший фэйри, кото-
рый был изгнан королем эльфов из Чудесной
страны за то, что ухаживал за хорошенькой мэнской девушкой,
что жила в домике под голубым деревом в Глен Альдин, и за то,
что покинул двор фэйри во время осеннего полнолуния, чтобы
танцевать в веселой долине Рушен. Ему суждено оставаться на
острове Мэн до конца времен, превращенному в дикое подобие
сатира, покрытому, как козел, длинными косматыми волоса-
ми, почему его и прозвали финнодери, или волосатик.

*Это его, чародея, рука трудилась
В полночный час ведьмовской,
Прибирала овец от наступающей бури,
Прежде чем видел пастух, что смерклось.*

*Притом не просил он платы —
Разве что раскиданный сноп
Из припасов крестьянской житницы
Или чашу сливок, что пригубила девица, —
Дабы и впредь он оставался в хозяйстве.*

Финнодери также косил и собирал на лугу траву, которая пострадала б, если б ее оставили без укрытия от наступающей бури. Как-то раз фермер выразил финнодери свое неудовольствие за то, что тот скосил его траву недостаточно близко к земле, — на следующий год волосатик позволил недовольному фермеру косить самому, однако шел вслед за ним и так ретиво забирал под корень, что фермер еле избежал того, чтоб рассерженный дух скосил ему ноги.

Несколько лет после этого не могли найти никого, чтобы косить луг, покуда наконец за дело не взялся бесстрашный солдат из одного гарнизона. Он начал косить в центре поля, и косил вокруг себя, по окружности, следя одним глазом за движением косы, тогда как другой его глаз —

*озирался вокруг с благоразумной осторожностью,
дабы финнодери не застал его врасплох.*

Он завершил свою работу спокойно. Это поле, расположенное в округе Мароун, близ руин старой церкви св. Триниана, по сему обстоятельству зовется до сих пор Круглым Лугом.

Вот одна из многих показательных историй, что рассказывали мэнские крестьяне о громадной силе финнодери.

Джентльмен, решивший построить на своей земле, у основания горы Снайфелл, в местечке, называемом Шолт-е-вилл, большой дом со службами, велел, чтобы с побережья достави-

ли необходимое количество камней. Но один громадный белый валун, который он облюбывал для особенной части намеченного строения, не могли сдвинуть с места, несмотря на общие усилия всех мужчин округи. К вящему изумлению всех, однако, не только этот валун, но также все добытые камни, заполнившие более ста возов, были за одну ночь доставлены с берега к намеченному участку не знающим устали финнодери, и в подтверждение этого замечательного подвига любопытно-му посетителю до сих пор указывают на белый валун.

Джентльмен, для которого весьма кстати была исполнена эта работа, желая вознаградить нагого финнодери, велел положить для него в его обычное убежище несколько предметов одежды. Волосатик, заметив одеяния, поднимал их одно за другим, так выражая по-мэнски свои чувства:

*Шапка для головы, — увы, бедная голова,
Платье для спины, — увы, бедная спина,
Штаны для ног, — увы, бедные ноги;
Пусть все это будет твоим,
Но твоей быть не может
Веселая долина Рушен.*

Повторяя эти слова, он удалился с печальным причитанием, и теперь —

*Ты можешь слышать его голос на пустынном холме,
Когда горные ветры имеют силу, —
Это дикий плач по его погребенной любви,
По его давно погибшему чудесному домику.*

Многие старые люди оплакивают исчезновение финнодери, ибо говорят: «С тех пор как он лишился своей земли, мир перестал быть веселым».

ПРИМЕЧАНИЯ

Кельтская традиция, и в частности, традиция острова Мэн, изобилует разного рода странными и чудесными созданиями, которые с трудом умещаются под безразличной английской вывеской: «fairy». Одно из таких созданий — rhyppnodderee, — описанное Джозефом Трейном, кажется специфически мэнским, хотя оно имеет близких родичей в других гэльских землях.

Перевод сделан по изданию: *Train J. Historical and statistical account of the Isle of Man from the earliest times to the present date; with a view of its ancient laws, peculiar customs, and popular superstitions. Douglas (Isle of Man), 1844—1845. Vol. 1—2.*

Финнодери. — В Ирландии и Шотландии известно несколько персонажей, которых можно считать близкими родичами финнодери. Например, Уриск (Uruisg) — человекоподобное и козловидное чудище с длинными косматыми волосами и бородой, обитающее в горных ущельях поблизости от рек и водопадов. Как и финнодери, оно обладает нечеловеческой силой, способно быть полезным другом и опасным врагом. Кое-где эти же качества приписывались Груагах (Gruagach), или «Длинноволосой Девушке» [86, р. 296—297]. См. также тексты «Уриск из Ущелья Завываний», «Уйсден Мор и Желтая Безрогая Коза» в нашей книге «Шотландская старина» [33].

Феномен «geilt», описанный Т. А. Михайловой, внешне подобен таким существам: «...Во множестве текстов можно найти примеры реализации мотива изоляции индивида, сопровождающейся утратой человеческого сознания и маркированной волосяным покровом на теле» [22, с. 247]. В ирландской традиции «мотив шерсти, покрывающей тело человека, превратившегося в гельт, встречается

и в саге о Суибне, и в легенде о Мис, и в фольклорных повестях» [22, с. 240].

Наш финнодери, кроме внешнего сходства, близок geilt еще и тем, что он — изгой: он приобретает характерный косматый облик вследствие изгнания из «своего» пространства в «чужое».

Глен Альдин — долина, расположенная к северу от горы Снайфелл (см. примечание ниже).

Осеннее полнолуние — полнолуние, ближайшее ко времени осеннего равноденствия (23 сентября) в «месяце винограда» (Muin). Это подходящее время для языческих мистерий и пиршеств.

Долина Рушен (Глен Рушен) — одна из самых уединенных долин острова, расположенная у западного побережья, к югу от Замка Пил.

Округ Мароун (Кирк Мароун) — округ в центральной части острова, названный в честь одного из первых мэнских епископов, наследников св. Патрика, — Марона (см. прим. к «Балладе о Мананнине» в наст. изд.).

Руины церкви св. Триниана — находились на зеленом лугу у подножья гор Гребя (Greeba) в округе Мароун. Согласно преданию, записанному С. Моррисон (1911), эта церковь была разрушена «бугганом» — чудищем, обитавшим в горах, которое трижды сносило крышу церкви. Буггана одолел храбрый портняжка, однако церковь так и не восстановили [67].

Гора Снайфелл (Snaefell) — самая высокая гора на острове; находится в северном округе Лезайр.

Вальдрон писал: «Есть у них множество гор весьма большой высоты, однако три горы превосходят прочие. Первая называется Снайфелл, с вершины которой можно увидеть Англию, Шотландию и Ирландию, следующая — Барруль и третья — Каррахан. Рассказывают, что под сими горами лежат тела трех королей, по чьим именам

горы и прозываются, ибо поднялись после погребения их. Ведь в те дни не имели понятия об архитектуре или о возведении монументов; единственным способом увековечить память об усопших было набросать над ними огромный холм из земли. Всякий прохожий, чувствуя себя обязанным внести вклад в благочестивый труд, бросал немного земли, согласно силе или времени, коими располагал, и за великое множество лет горы вознеслись на ту громадную высоту, которой достигли ныне; особенно Снайфелл, под которой, как можно предполагать, лежит величайший, либо наиболее древний, или же самый любимый монарх» [87, р. 58].

Таким образом, согласно мэнской традиции, горы эти были огромными каирнами, погребальными курганами. Нужно отметить, что на самом деле третьей высотой острова, после гор Снайфелл и Северный Барруль, является не Каррахан, а Клах Ойр.

...он удалился с печальным причитанием... — Ср. рассказ Роберта Чэмберса (1826) о шотландском «browlie»: «Это было самое бескорыстное существо. Предложить ему плату или даже подарить что-нибудь по случаю значило наверняка разгневать его и, быть может, вынудить его покинуть хозяйство. Множество историй рассказывают о том, как он негодовал, будучи оскорблен таким образом. Например, хозяин фермы в округе Глендевон однажды ночью оставил для брауни кое-что из одежды; слышно было, как тот ушел той же ночью, приговаривая весьма оскорбленным тоном:

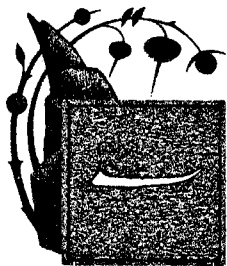
Дал брауни платье, дал брауни блузку, —

Не дождешься ты больше работы от брауни!»

[42, р. 325].

То же рассказывали о валлийских и корнских «pixies».

КУТЛАР МАККУЛЛОХ

Поторопись, хозяйка, — укладывайся, и уходим. Нынче здесь будет Кутлар МакКуллох.

— Галлоуэйский вождь? Не может этого быть. Он охотится за рыбацкими судами далеко в море. Ветер свеж и дует он с суши, — морской король занят другою работой.

— Поспеши, хозяйка! Так же верно, как то, что я грешник, — МакКуллох будет первым к обеду. Я видел его широкий парус, когда стоял на утесе; я уверен, он будет здесь очень скоро. Так что поднимайся, и уносим ноги, пока еще можем. Его корабли встают на якорь в Заливе Рэмси.

— Ах, ветер дует свежий и море штормит, до завтра у нас довольно времени! Бен Варри оградила весь берег цепью. И сегодня свадьба у Милехарана! Есть суп, есть баранина, чтобы поставить на стол, и пол в амбаре выметен для плясунов.

— Слушай, что я говорю! Ведь это не шутка. Кутлар МакКуллох приметил дымок. Если ты будешь медлить и дальше, нам станет темно от галлоуэйцев в дверях. Припасы хватай, поднимай скотину и прибей тех малых, которые хорохорятся.

— Ладно, тогда поспешим из церкви, и я поскорее устрою пир. Мы съедем все что сможем, выпьем самое лучшее. Пусть тогда бродяги сходят с приливом на берег — добро пожаловать на кости с приправой из тяжелых тумачков. У нас Дони Мор, ты сам и еще два десятка; вы пригвоздите бродяг этих к полу.

— Совет твой хорош, и дух твой отважен. Пусть не скажет никто, что у мэнцев робкие сердца. Шиш МакКуллоху! Так что выноси вино и проси Дони Мора сюда обедать. Он сядет рядом с Джен, королевой его сердца, и выпьет эля за свою дорогую малышку. Я позабочусь о жите, об овцах и о бычке, схороню их от ведьм и от МакКуллоха. Долго ль будет являться за данью разбойничий вождь и уносить все не слишком горячее и не слишком тяжелое? Однако поздно бежать, когда Кутлар у порога.

— О, Бен Варри в море, и она будет править волнами.

— Может, смягчится сердце человека, полное гневом, при взгляде на твое доброе личико и от запаха твоего отменного супа. Однако сюда едет свадебный поезд, веселый и людный. Все для обеда готово, поэтому дай мне руку и закрепи здесь стол. Мы съедем все что сможем, а МакКуллох пускай по канату отправляется к рыбам.

Чашки с супом весело пошли по кругу, черпак тотчас глубоко погрузился в хаггис, всяк протянул свою миску за долей снеди, когда — «Слышите топот, МакКуллох здесь! Парни, вскочили! Девки, прячьте все мясо! Мы заставим этих бродяг быстро сыграть отбой».

МакКуллох перешагнул порог, с улыбкой оглядел изобильный стол:

— Слишком поздно торопитесь, добрые люди, — МакКуллох пришел, и корабль его в бухте у Ята. Суп его не волнует, без супа он обойдется, зато хаггис с бараниной — это доля МакКуллоха.

Пиратов было много, свадебных гостей мало, так что пираты уселись за баранину и за тушенку.

Но с того дня по сей день, как велит наш северный обычай, не доверяем мы ни ветру, ни чарам морской девы, а едим первым делом наше любимое мясо и за супом толкуем о деяньях МакКуллоха.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Кутлар МакКуллох» — баллада, сочиненная в первой половине XIX века «одним старинным жителем» острова Мэн (имя его неизвестно), вероятно, англичанином, который был хорошо знаком с преданиями и обычаями мэнцев [63, р. 49].

Во всяком случае, впервые баллада эта напечатана на английском языке в собрании мисс Э. Куксон «Legends of Manxland. Douglas, 1859». В основе баллады лежит устное предание, которое может восходить к XVI веку, когда свежа была память о визитах на остров шотландского пирата Кутлара МакКуллоха. Баллада построена в форме диалога между мэнским фермером и его женой и должна объяснить происхождение обычая, бытовавшего на севере острова, в округе Кирк Бриде: есть за обедом сначала мясо, а потом уже суп.

Перевод сделан по изданию: *Mona Miscellany. A selection of proverbs, sayings, ballads, customs, superstitions and legends, peculiar to the Isle of Man /*

Collect. and ed. by W. Harrison. Second series. Douglas (Isle of Man), 1873. (Manx Society Publications; Vol. 21).

Кутлар МакКуллох — могущественный пират из Галлоуэя, области на юго-западе Шотландии; в самом начале XVI века (ок. 1507 г.) неоднократно совершал грабительские рейды на северную оконечность острова Мэн, унося с собою все, на что мог наложить руку. Именно поэтому северяне привыкли съедать мясо прежде супа, боясь, как бы внезапный налет Кутлара МакКуллоха не лишил их самой существенной части обеда [62].

Галлоуэйский вождь. — Галлоуэйцы издавна считались «дикими» шотландцами: испокон веку славились они жестокостью нравов и ужасностью внешнего облика. Они носили кильт, оставляя ноги ниже колен голыми; плечи покрывали звериными шкурами, сменяя их изредка на алые накидки; отпускали волосы и бороды непомерной длины. У них были длинные копья и щиты из грубой бычьей кожи. В шотландском войске галлоуэйцы имели опасную привилегию зачина битвы. Поднимая свой боевой клич — «Альбаних! Альбаних! Альбаних!» [«шотландцы!»], — они устремлялись в сражение [33, с. 83].

Залив Рэмси (Ramsey) — находится у северо-восточного побережья острова, где расположен одноименный порт.

Бен Варри — морская дева. Согласно традиции, «солнечные блики на волнистой зыби моря, которое разбивается с приливом о каменистый берег, суть драгоценности, предназначенные украшать волосы морских дев по случаю всякого праздника. Когда эти „цепи“ сверкают полным блеском, с близлежащих утеса или скалы во все глаза следят, дабы ни один расхититель не приблизился незамеченным. Если какое-либо чудище моря или земли окажется слишком осторожным, чтобы русалки своими чарами увлекли его прочь, или же слишком сильным, чтобы его

успешно отразили, — тогда русалки немедленно погружаются в свои потайные пещеры, драгоценности исчезают, а волны покрываются мрачной тенью. В редких случаях эти водяные и фэйри могут объединяться, преследуя какой-нибудь взаимный интерес, — движимые, например, враждою к таким грубым оскорбителям русалок, как Кутлар МакКуллох, или прихотью дружбы к одной из прекрасных дочерей земли; и тогда к зачарованному берегу невозможно приблизиться. Однако благосклонность их непрочно, как стихия» [63, р. 48—49].

См. также «Теваль, королева океана» и «Русалки» в наст. изд.

Милехаран (Mylecharaine) — прославленный герой одноименной баллады XVI—XVII веков, из которой известно, что он был первым мужчиной на Мэне, который дал за своей дочерью приданое и подвергся за это проклятию: ведь, согласно древнему обычаю, выкуп отцу невесты (ирл. coibhe) должен был платить жених [63, р. 103—105].

Милехаран жил, вероятно, в начале XVI века в северной части острова и был соседом героев нашей баллады.

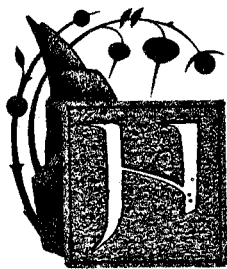
Кутлар МакКуллох заметил дымок. — Дым из очагов округа Кирк Бриде на севере острова Мэн можно было видеть в ясный летний день с противоположного шотландского берега (Галлоуэй). Кутлар МакКуллох и его пираты следили, не появится ли дымок — знак того, что на Мэне готовится вкусный обед, — и, завидев его, тут же отплывали [63, р. 49].

Дони Мор — вероятно, будущий зять героев нашей баллады, либо зять Милехарана: неясно, кому приходится дочерью Джен, «королева его сердца».

Хаггис (haggis) — шотландское блюдо из потрохов овцы или телянка, тушенных вместе с жиром, специями и овсянкой в оболочке из желудка.

Ят (Yate) — гавань на северном побережье острова Мэн.

БУРЫЙ БЕРРИ

у, Бурый Берри, где ты бродишь, если не обходишь Барруль по зеленому склону? Ну, Бурый Берри, где ты бродишь? Не спрятана ли твоя шкура в Куррахе Тростника?

Ну же, гони прочь долгую зиму и дай нам немного жита на лето.

Мы пойдем в горы собирать торф и посмотрим, не идет ли Бурый Берри домой в свое стойло.

Я бродил по горе Каррахан и по горе Снайфелл; а Берри лежал за дверью с крышкой на голове.

Я бродил по горе Каррахан и по горе Слиав Бег; а Берри лежал за дверью, тверд как валун.

Я бродил по горе Пенни-Пот и по горе Слиав Ойр; а Берри лежал за дверью в бочке под обручами.

Бурый Берри, да будь он проклят, — велика была четверть, лежавшая там. Четверть Бурого Берри перешла через реку у Омута. Четверть Бурого Берри дошла до Корнаа. Четверть Бурого Берри дошла до Рэмси. Полпечени и полсердца пошли к лорду и леди, что жили в Баллайоги.

Бедняга бродил по дождю и туману, но Ведьма-воровка с мешком — вот кто сожрал жирного вола.

Бедняга бродил по дождю и по суши, но Ведьма-воровка с мешком — вот кто снял шкуру с вола.

Маргайд-в-Переднике с Оврагов Корнаа, — были у нее и чулки, и кофта, чтобы разгуливать. Были у нее и чулки, и кофта, и нарядная желтая юбка, чтобы бродить по ночам.

Пока люди по домам молились, Маргайд-в-Переднике срезала сало. Пока люди сидели за ужином, мелькнула в долине желтая юбка, уносившая шкуру. Спихватились не поздно ль женщины ночью?

Послали ее на виселицу, но она получила отсрочку и ушла по Дороге Ойр, утащив с собою козу.

Будут в Долли Воар пшеница и солод, когда мясники Бурого Берри обмякнут на виселице.

Будут в Долли Воар пшеница и ячмень, когда у мясников Бурого Берри станут узкими шеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Традиционная песнь, обе версии которой содержатся в манускрипте Мэнского Музея, датируемом приблизительно 1830—1840 гг. Первая версия песни состоит из семи строф с рефреном, вторая — из пятнадцати строф. В краткой версии отсутствует «тема» Маргайд-в-Переднике,

зато рефрен и две последние строфы ее являются «ключом» ко всей песне, — однако их нет во второй, пространной версии. Поскольку два этих текста дополняют друг друга, мы сочли возможным соединить их в нашем переводе.

В упомянутый манускрипт песнь могла попасть из «старшей» рукописи либо прямо из устной традиции, где она бытовала и в начале XX века [39, S. 194]. Традиция эта достаточно древняя: в 1700 году перед церковным судом в округе Мароун предстала женщина, которая называла священника «воровским отродьем и семенем Бурого Берри» [39, S. 198—199].

Содержание песни вкратце таково. Хозяин пропавшего вола (Бурого Берри) напрасно обходит горы: ведьма по имени Маргайд-в-Переднике уже зарезала и освежевала вола, распределив мясо по разным местам. Песнь заканчивается пожеланием, дабы «мясники» Бурого Берри, т. е. Маргайд и ее сообщники, были повешены, иначе в тех краях не будет урожая. Это позволяет предположить, что вол Бурый Берри был каким-то образом задействован в календарно-аграрных обрядах на севере острова. Об этом свидетельствует и обращение (рефрен) в начале песни: «Ну же, гони прочь долгую зиму и дай нам немного жита на лето».

Перевод сделан по изданию: *Broderick G. Berrey Dhone — A Manx Caillech Berri? // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1984. Bd. 40.*

Бурый Берри (Berrey Dhone). — По нашему мнению, это был вол, предназначенный хозяином и его ближними (или соседями) в жертву. Такое жертвоприношение, как писал Джон Рис, происходило на острове Мэн, притом в северных его округах, на Старый Первомай (кельтский Бельтан), когда теленка или овцу сжигали ради спасения остального поголовья. Этот же обычай имел место в Девоншире, Уэльсе, Корнуолле

[71, р. 305—308]. Эдвин и Мона Рэдфорд (1947) отмечали: «Обычай сожжения телят заживо дольше, чем везде, сохранялся на острове Мэн. Еще несколько лет назад на острове были живы люди, которые когда-то видели на полях дымящиеся остовы жертв. Одно место на острове называется «Cabbal yn Oural Losht», что значит «часовня огненной жертвы». Мур в своей книге о географических названиях острова Мэн говорит, что это название — память о реальном событии, случившемся в XIX веке. Один фермер, у которого от ящура пало много скота, сжег теленка, пожертвовав его Богу, а затем на этом месте была построена часовня» [34, с. 417].

В нашей песни, однако, эпидемия не упоминается. Бурого Берри должны были принести в жертву ради урожая. Маргайд-в-Переднике, украв и зарезав вола, лишила народ той округи возможности принести его в жертву. Быть может, она сама совершила жертвоприношение, только с противоположной целью — хотела навести голод? Теперь спастись от неурожая можно лишь в том случае, если «мясники Бурого Берри обмякнут на виселице».

В кельтской традиции известны разные варианты ритуальных жертвоприношений: например, «праздник быка» в столице верховных королей Ирландии, Таре. «Праздник этот представлял собой сложный гадательный обряд, в ходе которого приносили в жертву священного быка. Из мяса этого быка варили затем особую похлебку, над которой друиды пели заклинания. После этого специально избранный муж, над которым пели заклинание правдивости, должен был отведать похлебки и мяса быка и лечь спать, а во сне ему явится будущий король» [28, с. 280].

Впрочем, для чего именно Маргайд укראה вола, можно только гадать. Дж. Бродерик стремился найти в образе Berrey Dhone черты сходства с известным персонажем гэльской традиции — Старухой из

Берри (Caillech Berri). С этой Старухой, конечно, имеет сходство не сам вол, а его «мясник», Маргайд-в-Переднике. Самого же Бурого Берри можно сопоставить с Бурым из Куальнге — Быком, который стал главным «виновником» ирландской эпопеи «Похищение Быка из Куальнге» [26].

Барруль (северный) — гора на северо-востоке острова, в округе Моголд; вторая, после горы Снайфелл, высота острова. Не путать с Южным Баррулем (см. «Балладу о Мананнана» в наст. изд.).

Куррах Тростника — «Тростниковые Болота», значительная по площади низина на севере острова, местность, богатая растительностью и птицей.

...и дай нам немного жита на лето. — В краткой версии песни эта строфа является рефреном. Такое обращение к Бурому Берри позволяет считать эту песнь весенне-обрядовой, а самого вола — главным участником весенней обрядности. Лето у кельтов начиналось с Первомая, или Бельтана (см. «Бельтан» в наст. изд.). Жертва Бурого Берри на Бельтан, как предполагалось, должна была окончательно прогнать зиму, обеспечить людям пропитание на лето, а осенью принести обильный урожай. Вероятно, такое жертвоприношение не было на севере Мэна ежегодным, а назначалось в особенно трудные времена.

Гора Каррахан — находится южнее горы Снайфелл, в округе Кирк Брэддан.

См. «Маленькая женщина с горы Каррахан» в наст. изд.

Гора Снайфелл. — См. примечание к «Финнодери» в наст. изд.

...лежал за дверью с крышкой на голове. — То есть лежал в бочке, освежаванный и засоленный.

Гора Смав Бег («Маленькая Гора», «Горка») — не локализована.

Гора Пенни-Пот — находится в округе Лезайр, между горами Снайфелл и Каррахан.

Гора Слиав Ойр — находится к востоку от горы Снайфелл, на границе округов Лонан и Моголд на северо-востоке острова.

Четверть Бурого Берри перешла через реку у Омута. — В оригинале именно «перешла», а не «была переправлена». Это подчеркивает ассоциацию Бурого Берри со сверхъестественным. Омут, который так и назывался — *Lhing Berrey Dhone*, был известен тем, что «в омуте этом местные девушки могли увидеть своих будущих мужей, если пройдут босиком по камням брода и исполнят верное заклинание» [77, р. 98]. Дж. Бродерик пишет: в мэнской традиции «Бурый Берри связан с омутом в Долине Корнаа, куда местные девушки ходили в ночь первого осеннего полнолуния, дабы узнать с его [Бурого Берри] помощью, выйдут ли они замуж до конца года. Бурый Берри, полагали также, обитал в Гоб-ни-Скуйт на Барруле в образе призрачного вола, а иногда коровы; и верили еще, что она [эта корова] возглавляла «училище ведьм», двух из которых она обучила приподнимать гору Барруль с ее основания так, чтобы она со своею сворой могла входить внутрь» [39, S. 196].

Поэтому Дж. Бродерик предполагал, что и сам Бурый Берри в своем архетипе — ведьма и даже языческое божество, так как эпитет *Dhone* («Бурый», «Темный»), а также обиталище под северным Баррулем могут указывать на связь с потусторонним миром, как и в случае с «Домом Донна» — островком у южного побережья Ирландии [39, S. 198—199]. «Дом Донна» имел еще другое название — «Бык», и «бык ассоциируется с Донном как атрибут последнего» [9, с. 58].

Мэнская традиция, между прочим, богата примерами призрачных, а также водяных быков и коней. Вальдрон (1726) и Трейн (1844) дают описание этих существ и рассказывают о встречах с ними.

Корнаа. — Имеется в виду Долина Корнаа неподалеку от горы Северный Барруль. Что касается Оврагов Корнаа, где обитала Маргайд-и-Переднике, то они находятся на склонах этой горы. У Омута в Долине

Корнаа Маргайд зарезала Бурого Берри (по одной из версий, сначала она утопила вола в этом омуте, а затем разделала его).

Рэмси — город (порт) на северо-восточном побережье острова.

Баллайоги — селение в округе Кирк Андреас на севере острова.

...Ведьма-воровка с мешком... — то есть Маргайд-в-Переднике.

Маргайд-в-Переднике. — В мэнских преданиях эта ведьма (Caillech) «была грозой фермеров и охотилась в холмах на скотину — опутывала ей ноги веревкой из зеленого тростника и так валила ее с ног». Кроме того, из реки Лакси на северо-востоке острова появлялся водяной бычок (taroo ushtey), который терроризировал скотину с близлежащей фермы, — его называли «Быком Маргайд» [39, S. 196].

Артур Мур (1896) писал, что Маргайд-в-Переднике из Корнаа жила в конце XVIII века и что отец его информанта видел ее, когда был мальчишкой: это была рослая и могучая женщина, она обладала силой двух мужчин и очень дурной репутацией [58].

Известный персонаж ирландской и шотландской традиции, Старуха из Берри, также ассоциировалась с горами и крупным рогатым скотом: ее настоящее имя — Буи — значило «подобная корове», и каждый год на день ее рождения отец этой Старухи резал в Ирландии вола или быка [39, S. 197].

Слово «Caillech» не сразу приобрело значение «Старуха»: сначала оно имело смысл «посвященная» [59]. Образ Старухи из Берри, пишет И. Г. Матюшина, «первоначально ассоциировался с чисто мифологическим персонажем, бессмертной прародительницей родов людских, богиней-праматерью, всеобщей женой, создательницей гор и каменных пирамид». В ирландской «Жалобе Старухи из Берри» (ок. 800 г.) говорится:

*Я проводила дни с королями,
тила мед и вино;*

теперь я пью сыворотку и воду
среди старых сморщенных старух

[18, с. 224].

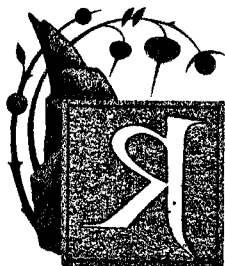
Caillech Berri была «самой значительной фигурой гэльской мифологии. Горы, озера и острова обязаны ей своим существованием, а каменные вымостки — каирны — считаются камнями, выпавшими из ее передника... А еще прожила она свою юность семь раз, так что было у нее много мужей, и каждый проживал с ней свой век до глубокой старости, и поэтому внуки и правнуки ее столь многочисленны, что насчитываются целыми родами» [28, с. 151].

Алвин и Бринли Рис отмечали, что в основе многих «повестей» кельтской традиции лежит один и тот же принцип — «женщина, хоть и в облике смертного существа, по сути своей обитательница Иного Мира» [28, с. 315].

Доли Воар — селение или долина близ реки Салби на севере острова. Вероятно, именно здесь проживал хозяин Бурого Берри.

...станут узкими шею. — То есть, когда они будут повешены. Неизвестный переписчик песни замечает: «Эта песнь была сложена на нескольких людей, повешенных за кражу скота. Помянутая Маргайд не была повешена» [39, S. 195].

ДАРМОТ И ФИР ДАРИГ

слышал о человеке, который жил поблизости много лет назад; люди привыкли звать его Дармотом. В свои молодые годы он объехал весь мир и собрал немного денег. Затем он вернулся туда, где родился и вырос, и купил небольшую ферму в очень уединенном месте. Около четырех-пяти миль оттуда было селение, куда он ходил по своим делам. Между домом его и селением была река, а поперек реки были положены большие камни, чтобы переправляться. Зимой, всякий раз когда шли дожди, он был прикован к своему берегу из-за потока, что покрывал камни.

Как-то зимой долго и сильно дождало. У Дармота вышел весь табак, и когда погода на один вечер установилась, он решил переправиться через реку и достать табака. Но когда он в сумерки подошел к реке, то не смог разглядеть камни за

могучим потоком, что стремился по ним. Вот почему пришлось ему возвращаться домой без табака, и он думал, что лучше бы остался без ужина.

Чтобы убить время, он стал бродить по полю. Пока он ходил взад-вперед, взошла очень яркая луна и осветила все вокруг. В это время Дармот был на верхней половине поля. Он повернулся и пошел по склону вниз, и когда был почти посередине поля, увидел не что-нибудь, а большое войско, собравшееся в роще на другом конце поля, — все воины были конные. Дармот услышал, как их начальник спросил, все ли готовы выступать, и как один из них ответил, что еще не готов, потому что он без коня. «А без Фир Дарига, — сказал он, — вам не стоит и идти, ибо вы не одержите победы над нашими врагами».

Начальник сказал: «Вон там спускается по полю Дармот, — иди и преврати его в коня». Когда Дармот услышал это, он стал молиться и креститься, но был не в силах сдвинуться с места, на котором стоял, ибо был в великом страхе.

Перед ним возник Фир Дариг — он был одет в красное, на его голове была красная шапка, в руке его был остроконечный меч, и он сказал Дармоту: «Я не боюсь твоих молитв и крестов». Он коснулся Дармота мечом, и Дармот вмиг превратился в коня — с Фир Даригом на спине. И Фир Дариг поскакал на нем к войску, и скакал, пока не вернулся к своим.

Тогда начальник отдал им приказ выступать. И вот они стремительно понеслись прочь, и мчались, пока не добрались до моря. Тогда вождь велел им переправиться через море. И вот они поскакали по волнам — с Дармотом, скачущим впереди и Фир Даригом на его спине, — пока не прибыли к чужому

берегу. Казалось, это была весьма плодородная страна, ибо там в изобилии рос табак.

Когда они высадились, то лицом к лицу столкнулись с другим войском и сразу же начали сражение. И долго кони на скакивали на коней, а воины размахивали мечами по сторонам, и нельзя было сказать, кто же победит, до тех пор, пока Дармота слегка не ранил под глаз меч одного из врагов. Дармот тогда пришел в бешенство, рассвирепел, начал трясти, колотить и размахивать хвостом, опрокидывать вражеских коней на землю, и вскоре враги повернулись к ним спиной и помчались прочь, оставляя поле битвы за ними. Так благодаря Дармоту они победили. А когда все враги исчезли, начальник велел им собрать добычу и спешно готовить ужин, с тем чтобы все были готовы возвратиться до рассвета домой.

И вот, пока одни из них собирали добычу, а другие готовили ужин, Дармот в это время отдыхал. Вождь высоко отозвался о нем, потому что он добыл для них победу над врагами. Вскоре вся добыча была собрана, а ужин готов. Тогда все они сели за обильную трапезу. Дармот тоже занял место, чтобы есть и пить вдоволь вино и крепкие напитки; и они ели и пили, покуда не насытились. Затем начальник велел им садиться на коней и приготовиться, когда он прикажет, вновь поскакать через море. «Но чтобы хоть как-то отплатить Дармоту за помощь, которую он оказал нам, — сказал вождь, — захватите для него по горсти табака».

Когда все были готовы, начальник отдал приказ выступать. Тогда они стремительно помчались в море. Они поскакали по вздымающимся волнам и очень скоро оказались дома, на том же поле Дармота, и на рассвете разом исчезли у него

из виду. Тогда Дармот сел на землю, чтобы прийти в себя и поразмыслить обо всем, что случилось с ним этой ночью. А когда рассвело, он услышал, как его кто-то зовет. Он поднялся, чтобы посмотреть, кто это, но никого не увидел.

Однако голос, который он слышал, сказал ему: «Дармот, иди домой и отдохай и не сиди на холодной земле, после того как вспотел, — тебе это вредно. Ты был лучшей скотиной из всех, на которых я ездил, и всякий раз, когда мне снова понадобится конь, я буду знать, что получу хорошего коня. А теперь посмотри на эту грудку табака — это все твое». И Дармот посмотрел на грудку табака, что была рядом с ним на поле, — табак этот воины принесли в горстях из той страны, где они сражались. Дармот тогда ободрился и взял немного табака себе домой.

И когда он дошел до постели, то долго спал, прежде чем проснулся снова. И в чем бы он потом ни нуждался в своей жизни, — табака у него было вдоволь.

Но я никогда не слышал, чтобы Фир Дариг приходил после этого, чтобы снова сделать из него коня.

ПРИМЕЧАНИЯ

Одна из «традиционных» историй мэнского поэта и знатока старины Эдварда Феархара (1831—1908), известного на острове под именем Ned Beg Hom Ruy. В его родном Крегнеше — селении на южной оконечности острова — мэнский язык и старинные обычаи сохранялись до 20-х годов XX века.

«Знание всего мэнского, — писал о Феархаре его друг Чарльз Редер, — было у него неисчерпаемо» [59]. Рукописное наследие писате-

ля хранится по большей части в Мэнском Музее (г. Дуглас). В рукописях Феархара содержатся и сказания из устной традиции острова, и собственные его произведения (см. «Бельтан» в наст. изд.).

Перевод сделан по изданию: *Broderick G. Manx stories and reminiscences of Ned Beg Hom Ruy // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1981. Bd. 38.; Tübingen, 1982. Bd. 39.*

Фир Дариг — «Красный Человек» из воинства сидов. Ср.: Бодб Дерг (Бодб Красный) — хозяин Сид Фемен, чудесного холма на юге Ирландии [26, с. 59—65].

Т. А. Михайлова пишет: «Тот факт, что в ирландской фольклорной традиции сиды, как правило, имеют красно-рыжие волосы, является далеко не случайным и восходит к архаическим представлениям о красном цвете — как о цвете смерти и Иного Мира». «Ассоциация красного (рыжего) цвета волос (одежды, шапки, масти коня и др.) с Иным Миром для ирландской фольклорной традиции является необычайно стойкой и представленной как на нарративном уровне, так и в разного рода поверьях и приметах» [21, с. 72—73].

Ср. описание всадников из сидов, которых видит король Конайре в «Разрушении Дома Да Дерга»: «Три красных плаща на них были, три красные рубахи, три красных копыя да три красных щита в руках, три красные копны волос да три красных коня. С ног до головы были красными их тела, волосы и платье, кони и они сами» [27, с. 107].

...*Дармот вмиг превратился в коня...* — Ср. историю о «Женщине, которую подковали» в нашей книге «Шотландская старина» [33, с. 213—219]. Превращение в коня или лошадь часто встречалось в колдовской практике. Последняя ведьма, которую сожгли в Шотландии (1722 г.) обвинялась как раз в том, что «превратила свою дочь в лошадь и подковала ее с помощью самого дьявола во плоти» [79, p. 225].

Что касается любви фэйри к лошадям, конным выездам и охоте, то она хорошо известна в кельтской традиции (т. н. «дикая охота»). Об этом, в частности, писал и Вальдрон [87, р. 33]. Ср. эпизод из «Дела Бесси Данлоп» (1576): «...она пошла к озеру Ресталриг, чтобы выкупить своего жеребца; как вдруг мимо промчалась компания всадников, издававших такой грохот, будто небо упало на землю, и, неудержимые, они вверглись прямо в озеро с ужасающим шумом. Но Том говорил, что это были добрые существа, которые поскакали в сердце земли» [33, с. 120].

В традиции исторической и легендарной сами кельты представлены на боевых колесницах о двух лошадях, тогда как всадники (особенно в Ирландии) «чаще всего относятся к сверхъестественному миру» [27, с. 261].

Джон Рис отмечал (1901), что на острове Мэн, как и в Уэльсе, фэйри имеют не только лошадей для верховой езды, но и «своих» собак [71, р. 292]. Возможно, в этих представлениях о фэйри «отражается» тот факт, что и лошади, и собаки были постоянными спутниками кельтов с незапамятных времен.

См. также «Потерянная жена» в наст. изд.

Так благодаря Дармоту они победили. — Смертные герои нередко принимают участие в «иномирных» усобицах: это сюжет многих приключений Кухулина и Финна. Ср. тот же мотив в древнеирландском сказании «Сватовство к Эмер»: в то время, когда Кухулин пребывал в Альбе, случилась у королевы Скатах, наставницы его в воинском искусстве, распря с королевой по имени Айфе; Кухулин выступил с воинством Скатах и одолел Айфе; побежденная королева зачала от него сына [26, с. 49—51].

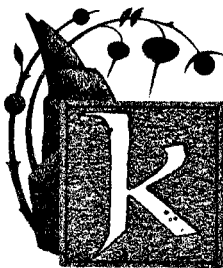
...они сели за обильную трапезу. — На острове Мэн была известна категория лиц, которых называли «друзьями фэйри»: фэйри допускали

этих людей в свой круг и делили с ними трапезу. Согласно традиции, однако, совместная трапеза с фэйри могла иметь печальные последствия [71, р. 289—290].

Георг Вальдрон (1726) приводит рассказ «об одном человеке, которого несколько миль вели за собой невидимые музыканты, и он, будучи не в силах противиться гармонии, следовал за музыкой, покуда она не привела его на обширный пустырь, где было множество маленьких человечков, сидевших вокруг стола, которые ели и пили поистине на Зевесов манер. Среди них было несколько лиц, которые, как ему показалось, он видел прежде, однако он, как и они, удержался от всяких распросов. Когда же маленькие человечки предложили ему выпить, — один из тех, чьи черты показались ему знакомыми, дернул его за платье и велел ему ни в коем случае не прикасаться к тому, что он видит перед собой. „...ибо, если ты сделаешь это, — добавил он, — ты станешь таким как я, и не вернешься более к своей семье“. Бедняга был страшно напуган, однако решил последовать совету. И вот, когда ему вручили большой серебряный кубок, наполненный чем-то вроде ликера, он улучил возможность и выплеснул его содержимое на землю. Сразу после этого музыка оборвалась, и вся компания исчезла, оставив кубок у него в руках; он же, страшно усталый и измученный, воротился домой» [87, р. 28].

ФЭЙРИ НА ХОЛМЕ МУЛЛ

Когда-то я знал одного старика, который часто видел фэйри, и он много раз рассказывал мне, что встречал их, когда шел среди ночи по дороге к дому. Их были сотни, говорил он. Маленькие девушки, примерно того же роста, что дети, которые только начинают ходить; и обычно они пели короткую песню. Она казалась короткой, потому что вновь и вновь они напевали одни и те же слова. Обычно они спускались с горы и шли с ним, пока не выходили на дорогу, ведущую к Провалам. Затем они покидали его и уходили этой дорогой.

Однажды он пересказал мне их песню:

*Битва кончена, Мэри, кончена, Мэри, кончена;
Встретились мы и не расстанемся больше, —
Кончена, Мэри, кончена.*

Кажется, эта песня не очень удавалась им.

Много раз он рассказывал мне об одной ночи, когда около полуночи он шел из Порт Эрин домой. Когда он вышел к Крош Молли Мор, то увидел большую толпу народа. Когда он приблизился к ним, то оказалось, это — скопище фэйри, идущих к Конскому Источнику, чтобы посмотреть на чудеса, которые должны явиться там этой ночью. И они пригласили его пойти с ними посмотреть на изумительное зрелище, которое будет показано им на Холме Мулл близ Конского Источника, ибо там будут явлены странные и чудесные вещи, которые изумят всякого, кто пожелает пойти и посмотреть на них. И вот он собрался с духом и пошел с фэйри в долину, где были те чудеса; и они пришли к огромному дому с большим количеством комнат в нем. Каждая комната была заполнена всякого рода искуснейшими изделиями.

Он говорил, что бывал в Дублине и Ливерпуле, но чудеса, виданные им в этих городах, недостойны были сравниться с диковинами искусства фэйри. Никогда он не видел на земле вещей такой красоты. Но, прежде чем он рассмотрел половину их, фэйри сказали, что ему пора идти домой, ибо рассветает и порядочные мужчины и женщины собираются на работу. Они прибавили, что большой дом будет затворен до другой ночи, и он сможет вернуться, чтобы посмотреть на дивные вещи, которых не видал этой ночью, ибо там было множество комнат, в которые он не заглядывал. И вот он вышел из дома; тем временем совсем рассвело. Он остался посмотреть, что произойдет с домом. Вскоре после этого дом начал подниматься в воздух, стал похож на облако и поплыл как прочие облака, пока не уплыл за Мыс Брамда.

Он позабыл спросить, в какую именно ночь дом будет виден снова, но никогда больше не видел ни этого дома, ни его чудесных вещей. Он не мог забыть о них всю свою жизнь. Я много раз слышал, как он рассказывал об этих диковинах.

Человек этот часто хаживал очень поздно и часто видел фэйри, но никогда они не причинили ему никакого вреда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Еще одна «традиционная» история из коллекции Эдварда Феархара. Перевод сделан по изданию: *Broderick G. Manx stories and reminiscences of Ned Beg Hom Ruy // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1981. Bd. 38; Tübingen, 1982. Bd. 39.*

Холм Мулл — расположен над селением Крегнеш на юго-западе острова (округ Кирк Рушен). О «Кольце Друидов», что находится в тех местах, см. примечание к «Бельтану» в наст. изд.

...примерно того же роста, что дети... — У. Б. Йейтс писал: «Не надо думать, что фэйри — это вечно малютки. В них все своенравно, даже их рост» [8, с. 9].

Провалы (The Chasms) — серия примечательных трещин в земле различной ширины и глубины, расположенных за отвесными скалами при Заливе Стака на юге острова. Место, где находятся эти Провалы, окружено невысокой каменной стеной. Джозеф Трейн (1845) приводит удивительный рассказ одного старика, который в молодости спускался в одну из этих трещин за прыгнувшей туда овцой и чуть было не достался вслед за нею на обед неким «господам» — обитателям тех мест, которые оживленно пировали там в глубине. Самих этих «господ» он, к счастью, увидеть не успел, потому что со всех ног помчался к выходу,

слыша за собой злобный гул. Старик рассказывал, что отец предостерегал его от этих Провалов и, в свою очередь, рекомендовал Трейну держаться от края большой трещины подальше [84, II]. Ср., однако, с примечанием ниже.

Порт Эрин — находится на юго-западной оконечности острова, между Мысом Брадда и Испанским Мысом.

Крош Молли Мор — место не локализовано; *Crosh* означает «крест» либо «перекресток».

Конский Источник — один из тринадцати источников, известных вокруг селения Крегнеш.

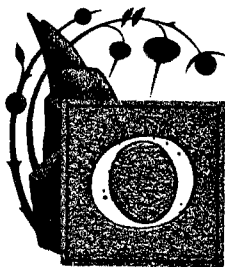
Мыс Брадда — находится на юго-западе острова, округ Кирк Рушен.

...никогда они не причинили ему никакого вреда. — Вальдрон писал в свое время: «Вера в существование фэйри столь крепко владеет мэнцами, и столь часто они, как им представляется, видели и слышали фэйри, что ничуть не страшатся их, но, напротив, радуются всякий раз, когда те посещают их, ибо полагают, что фэйри — друзья людям и что вместе с ними всегда приходит удача». Вальдрон писал, что для мэнцев фэйри — нечто вроде «дружественных демонов» [87, p. 38; 69].

Эдвард Феархар вспоминал, как одна старая женщина из Балдуина «каждой ночью, перед тем как ложиться спать, подходила к двери и говорила: „Мое благословение на фэйри“» [41, S. 147].

См. также «Огонь фэйри» в наст. изд.

ПОТЕРЯННАЯ ЖЕНА

Однажды фермер из селения Баллалис женился на красивой молодой женщине, и они души не чаяли друг в друге. Но вскоре она исчезла. Одни говорили, что она умерла, а другие — что ее забрал Маленький Народец. Фермер очень горевал по ней и разыскивал ее от Пойнт Айр до Кальфа. Наконец, не найдя ее, он женился на другой женщине. Эта была некрасива, но у нее водились деньги.

Однажды ночью вскоре после свадьбы первая жена явилась фермеру и сказала: «Муж мой, муж мой, меня забрал Маленький Народец, и я живу с ними поблизости от тебя. Меня можно освободить, если только ты сделаешь что я тебе скажу».

«Говори скорей», — ответил фермер.

«Мы проедем через амбар Баллалис в полночь на пятницу, — сказала она. — Мы въедем в одну дверь, а выедем в другую. Я поеду на лошади позади одного из них. Ты начисто вымети амбар и постарайся, чтобы на полу не осталось ни одной соломинки. Ухватиись за поводья моей узды, держи их крепко, и я освобожусь».

Когда настала ночь, он взял метлу и вымет пол в амбаре так чисто, что на нем не осталось ни одной соринки. Затем он стал ждать в темноте.

В полночь двери амбара распахнулись настежь, послышалась нежная музыка, и в открытую дверь въехала компания нарядных человечков в зеленых куртках и красных шапочках, верхом на красивых лошадях. На последней лошади он увидел сидевшую позади одного человечка свою первую жену, прелестную, как на картинке, и такую же молодую, как тогда, когда она покинула его. Он схватился за поводья ее узды, но его трясло из стороны в сторону, как лист на дереве, и он был не в силах удержать ее.

Уезжая, она вытянула свою правую руку, указала на кадку в углу амбара и произнесла печальным голосом: «Под кадку положили соломинку — по этой причине ты не мог меня удержать и потерял меня навсегда!»

Вторая жена слышала, что должно произойти, и спрятала соломинку, а кадку перевернула вверх дном, чтобы соломинку не было видно.

О молодой жене больше никогда не слышали.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказание из коллекции мисс Софии Моррисон с острова Мэн. Перевод сделан по изданию: Morrison S. Manx fairy tales. London: David Nutt, 1911.

...ее забрал Маленький Народец. — Джон Рис (1901) писал по этому поводу: «Мэнские фэйри, как и фэйри Уэльса, забирают людей с собой и годами удерживают их. Например, один мужчина из округа Кирк Андреас отсутствовал для своих ближних четыре года, которые он провел с фэйри. Он не мог сказать, каким образом возвратился, — казалось, что он, будучи без памяти, пробудился наконец в этом мире. Однако мир иной, в котором он пробыл четыре года, не был где-то в отдалении, поскольку он мог видеть, чем его братья и другие родичи занимаются каждый день, хотя они его видеть не могли» [71, р. 290—291]. Джон Рис указывает для сравнения на ирландское «Приключение Конлы Красного» (VIII в.): в этом древнем тексте фея-вестница из Иного Мира также говорит, что ее народ («Племя Тетры») всякий день наблюдает за королевичем Конлой в кругу его ближних [15, с. 17].

Сюжет сказания «Потерянная жена» является в кельтской традиции «бродячим». Один из его вариантов (со счастливым концом) называется «Возвращенная жена». Если взглянуть шире, то вся кельтская традиция без конца варьирует эту тему «похищения» или «увода», объектом которых может быть всякий смертный, избранный фэйри, — и мужчина, и женщина, и ребенок. Так, в ирландском сказании «Сватовство к Этайн» («Книга Бурой Коровы», ок. 1100 г.) Мидир, хозяин чудесного холма Бри Лейт, «уводит» подобным образом жену короля Эохайда [27, с. 60—74].

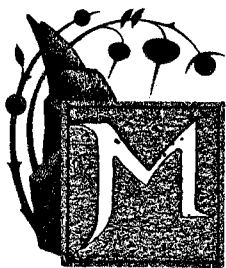
Пойнт Айр (Point of Ayre) — северная оконечность острова Мэн. «От Пойнт Айр до Кальфа» значит «из конца в конец, по всему острову». Протяженность острова с севера на юг (от Пойнт Айр до Испанского Мыса) составляет 33 мили с четвертью.

Кальф. — См. примечание к «Земле Киттера» в наст. изд.

Ты начисто вымети амбар... — Джон Рис писал, что в колдовской практике на острове Мэн соломинка, взятая из крыши, могла служить предметом для магических действий, направленных против хозяина дома. Вместе с соломинкой к взявшему ее переходило обладание всем имуществом и даже удачей человека [71, р. 345]. Возможно, поэтому соломинка, спрятанная в амбаре, не позволила фермеру спасти свою первую жену.

...въехала компания нарядных человечков... — Георг Вальдрон приводит рассказ о человеке, увидевшем кавалькаду фэйри: зрелище это «столь усладило его взор, что он с радостью последовал бы за ними, если бы мог поспеть»; «все они были одеты в зеленое и галантно восседали на своих лошадях» [87, р. 33].

ЗАЧАРОВАННЫЙ ОСТРОВ У ПОРТ СОДЕРИК

ного лет тому назад Нора Кайн слышала, как ее старый дедушка рассказывал предание о зачарованном острове у Порт Содерик, когда она сидела зимним вечером у горевшего торфа и пряла.

Было это в дни великого Финна Мак Кула, могучего волшебника, который за какую-то обиду, нанесенную ему людьми, жившими на прекрасном острове у Порт Содерик, наложил на остров чары и погрузил его на дно океана, превратив жителей его в глыбы гранита. Им позволено было раз в семь лет всплывать на короткий срок — на полчаса, — в течение которого чары могли быть разрушены, если кто-нибудь возымел бы смелость положить на любой участок зачарованной земли Библию, покуда остров как встарь возвышается над водами пучины.

Однажды — было это в конце сентября, в ясную лунную ночь, — когда Нора бродила по берегу небольшого залива, нежно беседуя со своим возлюбленным, она заметила в отдалении нечто такое, что становилось все больше и больше. Ее осенило, что это, должно быть, не что иное, как зачарованный остров, о котором она так часто слышала. Он продолжал постепенно подниматься из воды, и тогда, внезапно вырвавшись из рук своего приятеля, Нора быстро как только могла помчалась домой.

Она ворвалась в дом и закричала, задыхаясь от спешки, — «Библию, Библию, Библию!» — к крайнему изумлению домашних, которые не могли сразу сообразить, чем она одержима. Объяснив, что именно она видела, Нора схватила желанный томик и помчалась обратно на взморье. Но увы! она успела вовремя, чтобы увидеть лишь краешек зачарованного острова, который снова опускался на дно, чтобы оставаться под водой следующие семь лет, как ему было назначено.

С этой ночи бедная Нора стала постепенно чахнуть, и вскоре ее безутешный друг проводил ее на кладбище. Говорят, никто с той поры не отважился предпринять подобную попытку, дабы волшебник, в случае неудачи, не возложил в отместку свое заклятье также и на Мэн.

ПРИМЕЧАНИЯ

История из коллекции Вильяма Харрисона с острова Мэн.

В свое время П. Джойс писал: «Гэльские сказания изобилуют намеками на прекрасную страну, расположенную под морем, — зачарованную землю, которая погрузилась на дно в какие-то отдаленные

времена и на которой по-прежнему лежит заклатье. В иных романтических текстах она называется Тир-фа-Тонн, Страна-под-Волнами. Иногда это О'Бразил, та желанная земля, что показывается над водою однажды в семь лет — «на краю лазурного моря»; и она освободилась бы от заклатья и навсегда осталась бы над водою, если бы кто-нибудь сумел перекинуть на нее огонь...» [70, р. 309]. В нашем тексте вместо огня говорится о Библии.

Кельтская традиция содержит множество историй о затопленных городах и землях, поглощенных морем (как было с бретонским городом Ис) либо озером (например, озером Лох Ни в Ирландии). Такими преданиями весьма богаты Уэльс и Корнуолл. Залив Кардиган, говорит валлийская традиция, некогда был сушей. Все эти предания обоснованы реальной историей и географией кельтской «ойкумены», часть земель которой в самом деле покоится под водой. Еще Аристотель (IV в. до н. э.) упоминал о том, что кельты «берут оружие, чтобы атаковать волны», имея в виду их пылкость в борьбе с наступающей стихией (Евдемова этика, III, 1, 25).

Что касается острова Мэн, то жители его знали об участках суши, погружившихся на дно моря не только у Порт Содерик, но и у Лангнесса, и, как сказано в «Приходе св. Патрика», к юго-западу от Кальфа. Много поколений мэнских рыбаков слышало в разных местах доносившееся из-под волн бляенье овец, лай собак или волчий вой.

Вальдрон рассказывает о подводном городе, который видел у побережья острова Мэн некий искатель сокровищ, опустившийся в стеклянном аппарате на большую глубину [87, р. 56—57]. У юго-восточной оконечности острова, в заливе Castletown Bay, находится, как полагали многие, великолепный город с позолоченными башнями. Видели, как он иногда появляется из воды во всем своем

былом великолепии; рыбаки сообщали, что часто слышали в воскресное утро, как звонят под волнами церковные колокола [63, p. 250].

См. также примечания к «Приходу св. Патрика» и «Русалкам» в наст. изд.

Перевод сделан по изданию: *Mona Miscellany. A selection of proverbs, sayings, ballads, customs, superstitions, and legends, peculiar to the Isle of Man / Collect. and ed. by W. Harrison. Second series. Douglas (Isle of Man), 1873. (Manx Society Publications; Vol. 21).*

Порт Содерик — находится на восточном побережье острова Мэн, южнее г. Дуглас (округ Кирк Брэддан).

...**Финна Мак Кула, могучего волшебника...** — Финн Мак Кул (Мак Кумал), предводитель ирландских фениев III века, обладал в гэльской традиции многими дарами, которыми наделялись обыкновенно друиды и филиды. Среди этих даров был дар «поэтического озарения» (*Teinnt Laegda*), или ясновидения, которое находило на Финна, когда он закусывал свой большой палец [13, с. 166—167]. Традиция представляет Финна мудрецом и чародеем: это понятно, ибо матерью его была феясида, а в юности он съел знаменитого Лосося Мудрости. В сказаниях о Монгане из «Книги Бурой Коровы» (ок. 1100 г.) говорится, что Финн заново родился в теле Монгана, короля Ульстера, и произошло это в конце VI века, через триста лет после гибели Финна; при этом подлинным отцом Монгана-Финна был не кто иной, как Мананнан, который и воспитал его в своей Обетованной Стране, то есть, вероятно, на острове Мэн [15, с. 213—227]. Древняя традиция, таким образом, связывает Финна с островом Мэн.

В сказании «Приход св. Патрика» (см. в наст. изд.) упоминается о том, что Мананнан погрузил некий остров к юго-западу от Кальфа

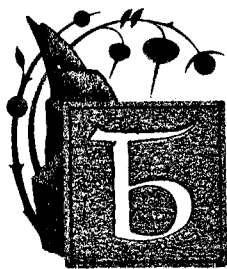

на дно моря. В настоящем сказании то же самое, но у Порт Содерик, делает Финн.

См. также примечания к балладе «Финн и Ойсин» в наст. изд.

...превратив жителей его в глыбы гранита. — Легенды Британских островов часто связывают камни (особенно стоячие камни, т. е. менгиры) с друидами, которые могли обращать в камни людей; монолиты называются по-гэльски Fir Chreig, «люди-камни» [49, p. 435].

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА С ГОРЫ КАРРАХАН

Была некогда одна бедная женщина крохотного роста, и жила она поблизости от Мыса Моголд. Она зарабатывала себе на жизнь своей прялкой, обходя с ней дома. Ее всегда охотно принимали из-за ее веселого нрава и всегдашней готовности к добрым услугам. За работу она получала стол, ночлег и немного денег. Таким образом жила она и ходила довольно долго, и о ней прознали, что она скопила денег. По этой ли причине ее прогнали прочь, или по другой — неизвестно по сей день; известно только, что ее много раз видели — как сидит она на склоне горы Каррахан с прялкой на плече, опустив голову на руки, словно в большой печали. Хорошо если кому удавалось миновать ту гору и не повстречаться с призраком этой бедной женщины, ибо страшились, как бы их не постигло какое-нибудь ужасное бедствие.

Несколько лет назад один человек, часа в два пополудни возвращаясь домой в долину, увидел маленькую женщину, сидевшую на своем излюбленном месте. Заметив его, она тут же поднялась и попыталась скрыться, однако он, полный решимости раскрыть эту тайну, пустился со своими собаками преследовать ее и еще послал троих своих людей — по одному на каждый склон и на вершину горы. Маленькая женщина, будучи окружена таким образом, сделала много тщетных попыток убежать и, наконец, приблизилась к тому из них, который был с собаками. Тот не решился притронуться к ней: она казалась весьма опечаленной и проливала слезы.

Еще раньше было замечено, что, доходя до одной узкой расщелины, она тут же исчезала; и теперь, дойдя до этого места, она пропала, и с тех пор ее никогда не видели. Один житель северного побережья утверждал впоследствии, что в тот самый день он наблюдал, как она спешила через Северный Барруль по направлению к Мысу Моголд.

Человек с собаками, который оказался близ женщины, тотчас занемог и был потом более чем полгода неспособен ни к какой работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказание из коллекции Артура Мура с острова Мэн. Источник: Н. Jenkinson.

В традиции Мэна известно множество историй о «непокойных» духах усопших, а также о «двойниках» людей, существующих независимо от них (представления, распространенные на Гебридских островах). Несколько таких историй приводит Вальдрон [87].

Из нашего текста не ясно, кем была Маленькая Женщина с горы Каррахан: похоже, что после того, как ее прогнали из родных мест, она умерла. К. Стеннинг (1950) писал: «В фольклоре Каррахан — самая волшебная гора, и у нее есть хозяйка-ведьма: маленькая, облаченная в красное Ben Veg Carraghan» [77, p. 90].

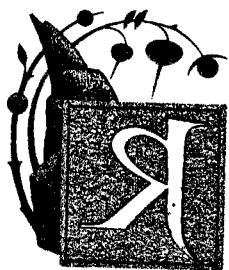
Перевод сделан по изданию: Moore A. W. *The Folklore of the Isle of Man, being an account of its myths, legends, superstitions, customs, and proverbs, collected from many sources; with a general introduction and with explanatory notes to each chapter.* Douglas (Isle of Man); London: David Nutt, 1891.

Гора Каррахан — находится в округе Кирк Брэддан, в центральной части острова, южнее горы Снайфелл.

Мыс Моголд — находится на северо-восточном побережье острова, округ Кирк Моголд.

Северный Барруль. — См. примечание к «Бурому Берри» в наст. изд.

ПАРШИВЫЙ ПАТРИК

слышал о фермере, который был очень богат, и у него был ребенок. Это была девочка, и отец с матерью позволяли ей все делать по-своему. У фермера было очень много земли, денег и всякого добра, а дочь была его единственным ребенком.

Когда она выросла и стала посматривать на юношей, то была очень горда, и среди ее знакомых не было ни одного молодого парня, которого она привечала бы. У отца ее было много батраков, которые жили с ними в доме, и был там один малый, который пас скотину. Глаза у него были большие, и лицо его было очень безобразно. Имя его было Патрик, но все его звали Паршивый Патрик. Не знаю, какая была у него фамилия, но все звали его по прозвищу — Паршивый Патрик.

Однажды, когда наступил Самайн, девушка собралась сходить в амбар, но никому не сказала, что задумала туда

пойти. В положенное время она пошла, как обычно, в свою спальню, и когда домочадцы ушли на покой, она тихонько выбралась из комнаты, так что ее не слышали. Когда она дошла до амбара, то присела, прислушиваясь, чтобы увериться, что вокруг нет ни одного парня, но ничего не услышала. Тогда она тихо вошла в амбар и снова прислушивалась, пока не приблизилась полночь. Затем она открыла дверь амбара и, взяв клубок ниток, который принесла с собой, обмотала его одним концом вокруг запястья. Затем она выглянула в темноту и со всей силы бросила клубок прочь. Она подождала немного, чтобы дать кому-то, кто бы он ни был, время подойти и схватить за нить. Затем стала наматывать нить обратно. И так она наматывала нить, но не слишком спешила, чтобы у кого-то было довольно времени схватить за нить, ибо она боялась, что останется на всю жизнь одна. Когда она смотала почти всю нить, то стала сильно сомневаться, однако под конец за нить схватили.

«Кто держит?» — спросила она. Ответа не было. «Кто держит?» — спросила она опять и ничего не услышала. «Кто держит?» — спросила она в третий раз. И тогда услышала, как очень слабый голос произнес: «Паршивый Патрик».

В ярости она отбросила клубок прочь и обещалась убить Патрика, как только представится случай. Она пошла домой, но Патрик спал вместе с другими мужчинами, и этой ночью она не могла исполнить свою месть. Она пошла спать, но заснуть не могла, потому что думала о Паршивом Патрике — о том, что он был настолько дерзок, что проследил, как она пошла в амбар, и схватил ее нить.

На следующий день, когда мужчины вышли к завтраку, она была очень зла и полна решимости отомстить Патрику

за оскорбление. Когда же Патрик вошел, она вытащила из очага кочергу и ударила его по темени так, что он свалился на пол. Кровь хлынула ручьем, и все испугались, что Патрик умирает. Когда кровь остановили, его отнесли домой к матери, и спустя какое-то время он поправился, однако на всю жизнь у него остался на голове рубец.

После этого он не стал возвращаться в дом фермера, а уехал в дальние страны. Через несколько лет он вернулся домой, в родные края, с небольшим состоянием, и никто не узнал его, когда он вернулся. Его мать умерла, знакомых у него не осталось. Фермер с женой тоже умерли, а девушка не вышла замуж, хотя была довольно богата.

Патрик не узнал ее, а она не узнала его, когда они повстречали друг друга на вечеринке. Теперь он был не Паршивый Патрик, а джентльмен. Патрик танцевал с ней на вечеринке и вскоре после этого пришел ее повидать. Они полюбили друг друга, и скоро Патрик женился на ней. Какое-то время они были очень счастливы, как и прочие молодые люди, которые поженились.

Но в один очень жаркий день Патрик бродил с собаками в горах, и когда пришел домой, то пожаловался своей жене, что у него сильно болит голова. Жена велела ему сесть в кресло, чтобы она чем-нибудь остудила ему голову, ведь он сделался больным из-за солнечного жара.

И вот Патрик сел, а она стала смачивать его голову водой. Вскоре она нащупала рубец, оставленный кочергой, и тогда наконец узнала, что ее мужем был Паршивый Патрик. Она упала в обморок, и Патрик был сильно напуган, однако поднял ее, поцеловал, и скоро она пришла в себя.

Они оба изумлялись, что голос, слышанный ею, назвал ей Паршивого Патрика и что так оно и случилось. Кажется, нить для нее держал кто-то другой, и существует некая сила, которая назначает молодым людям быть вместе, помимо их собственной воли.

Но все старые обычаи уходят вместе со старыми людьми.
Спокойной ночи.

ПРИМЕЧАНИЯ

История из коллекции Эдварда Феархара (Крегнеш).

Перевод сделан по изданию: Broderick G. *Manx stories and reminiscences of Ned Beg Hom Ruy // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1981. Bd. 38.; Tübingen, 1982. Bd. 39.*

Самайн (Хеллоуин) — ночь на 1 ноября; по кельтскому календарю, начало зимы и нового года. Самайн, как и другие праздники, отмечался на острове Мэн по старому стилю. Алвин и Бринли Рис писали: «На границе двух различных периодов времени проявляется некая таинственная сила, обладающая склонностью делать и добро, и зло... эти магические силы наиболее активны в Канун ноября и в Канун мая — точки, делящие год пополам. Эти два Кануна (а также канун дня середины лета) носили в Уэльсе название «ночи духов». Всюду, где жили кельты и где было распространено их культурное влияние, традиционно считалось, что в эти дни, а точнее, ночи, силы хаоса максимально активны, феи являютя людям, колдуны занимаются волшебством. Будущее в эти моменты открывается во всевозможных предвестьях...

Современный Хеллоуин, канун зимы, был праздником торжественным и таинственным. В эту ночь открывались сиды и их обитатели

выходили наружу, причем в куда более реальном смысле, чем в иные ночи. Живые могли видеть возвратившиеся души умерших... В эту же ночь традиционно практиковали разного рода гадания: именно в канун зимы можно было узнать, каким будет весь год, кто женится или выйдет замуж и за кого... В празднике Хеллоуина намеренное стирание границ между живыми и мертвыми, между мужчинами и женщинами, между своим добром и чужим, а в гаданиях — между настоящим и будущим символизируют возврат хаоса» [28, с. 99—101].

...она боялась, что останется на всю жизнь одна. — Описанный способ гадания на Самайн был далеко не единственным. Джон Рис приводит еще пять традиционных способов гадания, о которых слышал на острове Мэн в конце XIX века: по кучкам соли, высыпанным из наперстка на блюдо; по следам ног, появившимся за ночь на золе; по именам, подслушанным у чужих дверей, набрав в рот воды и взяв в руки соль; по предметам, нащупанным с завязанными глазами; по снам, которые видели, наевшись сельди и не испив воды [71, р. 318—320]. Разнообразные гадания на Самайн были распространены у всех кельтских народов. Некоторые виды таких гаданий, принятые в шотландских Highlands, описал Джон Рамсей [74, р. 461—462].

...они повстречали друг друга на вечеринке. — Такая вечеринка (giense), длившаяся обычно до утра, устраивалась по случаю какого-либо праздника, например, в канун Старого Рождества. На нее собирались молодые парни и девушки и непременно приглашались скрипачи, под музыку которых все танцевали. «Хозяину праздника предоставлялось избирать [для каждого] партнера по танцам. Иногда хозяин сводил неудачные пары, ибо получал мзду, и это было причиной недовольства и досады, потому что всякому хотелось получить свою девушку или ту, которая ему нравилась. „Слушайте, внимайте и примечайте! Такой-то и такая-то — партнеры на сей год и долее, если будут согласны. Радуйтесь

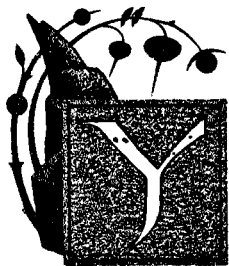

и веселитесь, налегайте и ешьте до отвала!" И какую бы пару ни назначил кому хозяин, тому полагалось придерживаться ее в течение целого года» [45].

Подобный обычай, скорее всего, восходит к кельтской традиции «временных», или испытательных браков, которые заключались обычно на один год и один день и бытовали кое-где вплоть до XX века.

См. также «У скрипачей» в наст. изд.

У СКРИПАЧЕЙ

скрипачей на Рождество, — вот где впервые я встретил любовь моего сердца. Влюбленные, сели мы вместе и начали сватовство.

Она была юной девушкой, милой и прекрасной. Я стремился жениться на ней. Я зажиточный крепкий хозяин на зеленых склонах старого Ренви.

За семь лет с той поры привыкли мы часто встречаться с моею любовью. Она обещала мне лживым своим языком, что никогда не покинет меня.

В воскресенье вечером, перед Пепельной Средой, я пошел повидать мою возлюбленную. Она вложила свои руки в мои, говоря, что не выйдет ни за кого, кроме меня.

Я пошел домой с радостным сердцем, не было у меня причин горевать. Первая новость, что я услышал наутро в Пепельную Среду, — любовь моя вышла за другого.

Проклинаю стократно я девушку и себя, — так давно я сватаюсь к ней.

Когда она видела, что нет у нее ко мне любви, могла в добрый час покинуть меня. Но обманув меня теперь, она почти разбила мне сердце. Тем не менее она принимает всякого мужчину, что приходит к ней, крупного или мелкого.

Не стану проклинать или творить заклятья против нее, не пожелаю, чтобы злая судьба заступила ей путь.

Но она будет доставлять удовольствие своим приятелям, даже сделав из меня посмешище.

Не имел я другого свидетеля, — лишь дерево орешника, никогда не говорившее. Нынче любовь моя оказалась лживой, и я остался один.

Я надеюсь, что не пробуду долго в этой скорби. Я направлюсь на ярмарку Патрика и найду там новую возлюбленную.

Я направлюсь на ярмарку Патрика, я оденусь как всякий молодой парень.

Я пройду по ярмарке мимо моей любви, я не подам виду, что вижу ее.

Я встану посреди ярмарки. Я выберу одну, другую. Но она, та, что вышла за лживого обманщика, — она не сможет торговаться и менять.

Не желал я тебе вреда больше, чем сделал собственному бедному телу. Как много ночей я лежал с тобой, — почти каждую ночь у твоей спины или в твоих объятиях.

Что до нарядной одежды, которую собираюсь носить, — не носить мне ее больше, чем месяц или два. Я отброшу нарядную одежду прочь и отправлюсь свататься снова.

Великий долгий путь мне пришлось пройти, и крутые склоны утомили меня. Я не мог присесть отдохнуть без всегдашних дум о моей возлюбленной.

О, если б дунул великий ветер, чтобы мог я услышать от моей любви, что она придет ко мне через высокие горы и мы встретимся вместе на побережье.

О, радостно, радостно шел бы я встретить ее, зная, что это воистину будет моя любовь.

О, радостно, радостно сидел бы я рядом с ней, плечо мое было б подушкой под ее головой.

О, если б великое море высохло, чтобы стать дорогой, по которой мне можно было б пройти. Раньше снега Гренландии станут красны как розы, чем смогу я забыть мою любовь.

ПРИМЕЧАНИЯ

«У скрипачей» («Es ny Fiddleryn») — традиционная мэнская песнь, известная в нескольких вариантах. Вариант, легший в основу данного перевода, записан в 1883 году от мэнского скрипача и исполнителя традиционных песен Томаса Кермода из Брадда на юге острова. Кермод, слепой бард (1825—1901), выучил эту песнь в первой половине XIX века. Дж. Стрэчен из Чешира опубликовал ее в ZCP, Bd. 1 (Halle, 1897).

С добавлением Дж. Бродериком пяти катренов из других версий песнь приобрела настоящий вид. Здесь она приводится в дословном прозаическом переводе.

«У скрипачей» — один из образцов гэльской любовной лирики. У. Б. Йейтс писал: «В древней Ирландии любовь почиталась смертельной болезнью, и в „Любовных песнях Коннахта“ есть стихотворение, звучащее как погребальный плач:

*Моя любовь, о любовь моя, женщина,
которая виной тому, что стал я никчем;
женщина, зло от которой дороже,
чем благо любое от иной женщины.
Мое сокровище, о сокровище мое,
женщина с серыми глазами;
женщина, на сгибе руки которой
никогда не покоиться моей голове.[...]
Моя тайная любовь, о тайная любовь моя,
женщина, которая и слова со мною не молвит;
женщина, которая забывает меня, едва покину ее. [...]
Женщина, сокрушившая сердце мое,
женщина, по которой вечно вздыхать мне.*

Другая [ирландская] народная песня кончается: „Озеро Эрн хлынет на сушу, горы равниной станут, валы морские окрасятся в пурпур, земля напитается кровью, долины и пустоши, где цветет вереск, холмами станут, прежде чем ты узнаешь страданье, черная моя роза“» [8, с. 29—30]. Ср. это с концовкой песни «У скрипачей».

Известно, что «ирландское слово, которым в преданиях обозначаются любовь, взаимные чувства и привязанность, — это название болезни: *serg* „томление“ или „неврастения“» [14, с. 85].

Перевод сделан по изданию: Broderick G. *Ec ny Fiddleryn // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1984. Bd. 40.*

У скрипачей на Рождество... — Вальдрон писал: «Все двенадцать дней [празднования Рождества на острове] нет ни одного свободного амбара; каждый приход нанимает на общественный счет скрипачей; все молодые люди и даже люди более преклонных лет, не раздумывая, оказываются в числе ночных плясунов... многие заросли бывали свиде-

телями ласк, от коих приходилось впоследствии отречься под страхом наказания, каясь у святого алтаря. На двенадцатый день скрипач кладет свою голову в подол одной из девиц и кто-нибудь третий вопрошает: „За кого эта девица выйдет замуж?“ — называя одну за другой присутствующих там девушек. Скрипач отвечает согласно своей прихоти либо симпатиям, которыми он обзавелся за время сих празднеств. Но что бы он ни сказал, на него полагаются как на оракула, и если ему случается соединить в пару тех, кто питает друг к другу отвращение, за весельем следуют слезы и досада. Это они называют „отрезать голову скрипачу“, ибо после этого он как бы мертв в течение всего года» [87, р. 49].

Ср. с примечанием к «Паршивому Патрику» в наст. изд.

...на зеленых склонах старого Ренви. — Возможно, имеется в виду густо поросшая лесом долина Glen Rhenab (иначе Glen Mona), которая находится на северо-востоке острова, округ Кирк Моголд.

Пепельная Среда. — В римско-католической церкви так называется первый день Великого поста, когда по обычаю, введенному еще папой Григорием Великим, священник посыпает головы кающихся пеплом.

Не стану... творить заклятья против нее... — Указание на распространенную до XX века практику колдовства на острове Мэн. Джон Рис писал, что колдовство здесь наследственное и передается от отца к дочери, а от дочери к сыну [71, р. 300]. Давнюю традицию имела здесь и любовная магия. Например, в 1712 году церковным судом в округе Кирк Микаэль была осуждена некая Алиса Коули. В вину ей вменялось между прочим то, что она обещала дать одному юноше порошок, который приворожит к нему молодую женщину [62].

Любовная магия хорошо известна в кельтской традиции. В ирландском сказании XI века повествуется о том, как некий Атирне, живший во

времена короля Конхобара, пришел с двумя своими сыновьями к девушке по имени Луайне. «Когда же увидели они Луайне, то все трое полюбили ее и возжелали так, что лучше было им расстаться с жизнью, чем не быть вместе с девушкой... И все же отказалась девушка возлечь с ними. Тогда спели они ей три песни поношения, что оставили на ее лице три нарыва — Стыда, Упрека и Позора, что были черного, красного и белого цвета. Тотчас испустила Луайне дух от стыда и позора» [27, с. 215—216].

Что касается острова Мэн, то кроме колдунов были на острове особые места, куда могли приходиться люди, одержимые любовным недугом. Стенли Джексон Кольман (1959) сообщает, что в одном таком месте — в Глен Гарвик — «можно было почувствовать, будто фэйри взяли тебя под свою опеку». Там стоял Камень Желаний, на котором была высечена следующая надпись:

Красавица, мы позаботимся о твоём деле,

О желанье твоём сердечном;

Никогда ещё себялюбице

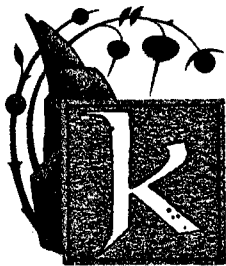
Не угождали фэйри;

Возжелай и назови нам имя его, —

Мы научим его ухаживать [47].

Ярмарка Патрика — ежегодная ярмарка, имевшая место в день св. Патрика (17 марта) у Замка Пил, на западном побережье острова. На ярмарке, между прочим, собирались девушки, искавшие себе работу.

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ — МЭНСКОЙ РЕЧИ

Когда я брел в одиночестве через Снайфелл, наступали сумерки; покрывало их было над той стороною света, где Мэн, и над природой, послушной Господу.

Они укрывали мир плащом ночи и давали покой от забот мирских и от тяжких трудов и людям, и всем, сотворенным Его рукою.

Был я себе самому предоставлен в горах, без какого-либо товарища, чтобы скорбеть надо всеми распрями и ссорами, что тревожат Маннин моего сердца.

И тогда я увидел женщину в сером платье, что шла мне навстречу по вереску, — все одежды ее были разодраны в клочья, и спешила она как безумная!

Сердце дрогнуло во мне, когда я узрел, в каком положении это создание, ибо, только взглянув, ясно заметил я, что ниспала она из высокого сана.

Когда она приблизилась ко мне, я услышал, как она сказала: «Ох, беды мои тяжелы; отлучена от людей навсегда, я доживаю в глубинах старого времени».

Красная птаха порхнула в кусты; ягнята побежали к своим матерям; ночь была на море, мрачная, хмурая, — она скоро пришла с северо-востока.

Закатилась колесница солнца, за чертой ждаты осталась, на юго-западе; на востоке взошла луна во славе, в одеянье из зелени одела запад.

Когда мы сели вместе на зеленую траву, она мне сказала: «Слушай, мэнец, — я прочту тебе не из писаний о скорби моей под луною».

Затем она стала читать нараспев: «В минувшие дни никогда не нуждалась я в новых одеждах, чтобы уберечься от холода и дождя.

Ибо знай, я — призрак старинной речи; дети Маннин покинули меня. Как мало они понимают, что было б лучше всего, если б я власть над ними несла.

Ибо я та, что веками держала чужеземца вдали; от побережья и до Барруля всегда я правила прирожденными мэнцами.

Ныне их спесь разнесла английский вплоть до большой долины Толт-и-Вилл, до пустошей Кардле Мор и до Холма Крег Вилли.

Когда слепень летом доводит скотину до бешенства, спесь заставляет ее носиться с жалом от Ниарбила до Грудла и от Кальфа и Чикенс до севера.

Они сошли с пути наших добрых праотцев, которые никогда не покидали меня. Ибо те мыслили так: не наносить вреда Острову и не доверять чужеземцу.

Ох, если б те, кто еще остается на моем маленьком острове, собрались, чтобы изгнать поскорей с моих берегов погибель, что бродит нынче вокруг меня!

Если б они отвратили слух свой от всей этой смуты, что бродит по милой Маннин среди людей, что слепы на все, кроме богатств для себя!

Но кто же те крикуны, кто те, со скипетром новым, искатели власти над прирожденными мэнцами, — если остерегается их народ?

Послушай моего совета, ты, остающийся уроженцем бедной Маннин, — не подражай привычкам старух, озбоченных выпивкой.

Ох, если б мэнцы договорились блюсти свои старые забытые законы и больше не тратить все свое время впустую, внимая мужам без мудрости!

Что до меня самой, уйду я скоро своей дорогой, чтоб сокрыться во прахе, — сказала бедняга с тяжелым вздохом, — посмотри, как седа моя голова».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворение мэнского поэта Вильяма Кенниша, написанное около 1840 года (из его книги «Mona's Isle and other poems», 1844). Кенниш был одним из первых «природных мэнцев», чьи произведения были посвящены обычаям и «старине» острова.

Мэнская речь, олицетворяемая Старухой (Caillech), — образ характерно гэльский: Ирландия в поэзии также олицетворяется Caillech. Жанр «плача» или «жалобы» — один из древнейших, и чаще всего это монолог, который вложен в уста Женщины. Самый известный тому пример — ирландская Жалоба Буи, Старухи из Берри (VIII в.). О значимости этого образа см. примечание к «Бурому Берри» в наст. изд.

В кельтской традиции Родина и Земля, подобно Судьбе и Власти, изначально олицетворялись Женщиной: в Ирландии это была Эриу из Племени Богини Дану. Mannin Veg Veen, «дорогая маленькая Мона» — так именовали мэны свой остров. Поэтому, представляя родную речь в образе дряхлой (некогда — цветущей и властной) Женщины, Вильям Кенниш совершенно традиционен. Х. Вагнер (1970) писал: «Отношения между матерью и сыном — наиболее значимые в равнем (и современном!) кельтском обществе» [85, S. 18].

Мэнская речь к середине XX века почти сошла на нет, разделив судьбу речи Корнуолла. Уже в 1875 году ни об одной части острова нельзя было сказать, что она вполне «мэнская» по языку, хотя в некоторых местах (например, в Крегнеше на юге, в Кирк Бриде на севере) мэнская речь еще преобладала над английской; почти все носители мэнской речи были людьми преклонного возраста, и было ясно, что она уйдет вместе с ними [53, p. 194—195]. «Последний традиционный носитель мэнского языка умер в 1975 году, и лишь националистические организации, насчитывающие несколько сот человек, пытаются поддерживать употребление мэнского языка» [11, с. 457].

Э. Феархар писал (1899): «С тех пор как народ перестал говорить по-мэнски, не видно стало и самих фэйри, и старинные истории о них сошли на нет» [41, S. 165].

Перевод сделан по изданию: *Manx ballads and music / Ed. by A. W. Moore with a pref. by the Rev. T. E. Brown. Douglas (Isle of Man): G. and R. Johnson, 1896.*

Снайфелл. — См. примечание к «Финнодери» в наст. изд.

...Маннин моего сердца. — Mannin (Мэн) в мэнском языке — женского рода. Полное имя острова звучит так: «Ellan Vannin veg veen» («милый маленький остров Маннин»).

Барруль. — Неясно, какой Барруль имеется в виду, северный или южный.

Долина Толт-и-Вилл — живописная долина, расположенная к северо-западу от подножья горы Снайфелл.

Пустоши Кардле Мор — место не локализовано (возможно, неподалеку от Cardle Veg на северо-востоке острова).

Холм Крег Вилли — находится неподалеку от Глен Хелен на западе острова, округ Кирк Герман.

Ниарбил — один из мысов на западном побережье острова (округ Кирк Патрик), откуда хорошо видны Ирландия и Британия.

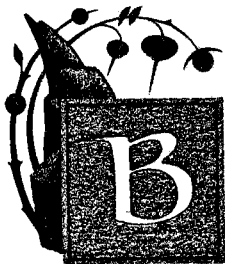
Грудл — порт на восточном побережье острова, а также одноименная долина.

Кальф. — См. примечание к «Земле Киттера» в наст. изд.

Чикенс — утес (скала) в море неподалеку от Кальфа. На этом утесе находится маяк.

...и не доверять чужеземцу. — Джон Рис писал: «Мэнская манера общаться восходит к тем временам, когда над душою мэнца довлело опасение привлечь зловередные воздействия мира духов, окружавшего его. Это сообщило характеру простолюдина оттенки скрытности и подозрительности, из-за чего трудно войти к нему в доверие: с ним нужно познакомиться как следует, прежде чем вы сможете сказать, что знаете, что творится в его душе» [71, р. 347].

БЕЛЬТЯН

*новь возвратилась пора,
когда весь буиллох в цвету
от апрельского солнца и ливней дождя;
и вечерние росы, и полуночный мрак.*

*Я еще помню прошедшие дни,
когда я был только мальчишкой, —
мы радостно желтые рвали цветы,
и все были счастливы на Бельтан.
У каждой двери мы клали цветы,
чтобы фей Королева видеть могла
цветы прекрасные, рассыпанные повсюду,
и средь них танцевала с весельем чудесным.
Королева фей — старый люд говорил —
обходила округу в ночь на Бельтан,
когда весь народ уже спал,*

и наслаждалась цветами.
Благословляла ласково каждую кроватку,
где желтые примечала цветы;
если их не было, — не благим она словом,
неудачей дарила на целый год.
Я еще помню на Майский день
цветы эти, рассыпанные по Крегнешу.
Но с тех пор ушла Королева прочь,
и мы не кладем у дверей цветов.
Больше нет меж деревьями бузины
ни маленьких эльфов, ни фей,
пляшущих, роящихся в листьях, как пчелы,
или как птички порхающих.
А из ветвей рябины
старательно делались крестики, —
их прятали в щели, где никто не увидит,
чтоб подальше держалась всякая ведьма.
В ту пору на каждом холме зажигались костры,
чтоб держать чародеев свору подальше.
Кое-кто до сих пор зажигает огни,
чтоб отпугивать ведьм, говорят.
Ныне больше не танцуют эльфы,
не поют на мэнском свою полночную песнь
среди цветов у дверей, —
они ушли домой, в страну фэйри.
Но все это ныне в прошлом,
ибо и ведьма, и эльф разлетелись
со всех холмов, кроме Кронк Гленчесс, —
этот для них, говорят, как родной.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворение мэнского поэта Эдварда Феархара (см. «Дармот и Фир Дариг», «Фэйри на Холме Мулл» и «Паршивый Патрик» в наст. изд.). В оригинале — «Laa Boaldyn» («День Бельтана»).

Перевод сделан по изданию: *Manx Notes and Queries, with an account of François Thurot and his Naval Engagement off the Isle of Man: Reprinted from The Isle of Man Examiner / Ed. by C. Roeder. Douglas (Isle of Man), 1904.*

Бельтан. — Кельты издревле делили год на зимнюю и летнюю половины, начинавшиеся, соответственно, Самайном (1 ноября) и Бельтаном (1 мая). Традиционная этимология имени первомайского праздника такова. Джеффри Китинг (ок. 1634 г.), в согласии со «Словарем Кормака» (ок. 900 г.), писал о древних ирландцах: «Они имели также обыкновение приносить жертву главному богу, которого они почитали и который назывался Белом; и было у них в обычае зажигать в честь Бела по два костра в каждом округе Ирландии и прогонять хилую скотину всякого рода, что была в этой местности, меж двух костров, как бы предохраняя ее, дабы защитить оную от всех болезней в течение этого года; и от сего огня, что бывал зажжен в честь Бела, дано имя Бельтана славному празднику, на который приходится день двух апостолов, а именно Филиппа и Якова; Бельтан значит „огонь Бела“» [54, II, p. 247—249].

О древнейшем общекельтском культе Бела, или Беленоса, см., например, в книге Н. С. Широковой [32, с. 274—276].

Буиллох (bwillogh, bullogh) — мэнское название желтого сорняка («болотные ноготки»), который часто встречается на лугах; считалось, что он обладает силой противодействовать злым чарам.

С незапамятных времен в канун Старого Бельтана (11 мая по новому стилю) мэнцы сжигали на острове кусты дрока, полагая, что вместе с ними сжигают всех ведьм и фэйри, которые нашли в них убежище. Затем стар и млад собирали некоторые растения с желтыми цветами (первоцвет, болотные ноготки и др.), а также рябину и помещали их у своих дверей и в домах, дабы предотвратить проникновение туда ведьм.

Считалось, что ведьмы питают особое отвращение к желтым цветам и никогда не посещают дома, украшенные ими. Вероятно, поэтому Бельтан в гэльской традиции называется еще «желтым» или «золотым» Бельтаном, а болотные ноготки — цветком Бельтана. Обычай, связанные с «охотой на ведьм», с огнем и с «охранительными» растениями, наблюдались на острове Мэн и в канун Иванова дня, или праздника Середины лета [59].

Королева фэй. — Известно, что прообразом Мэб, Королевы фэй у Спенсера, Шекспира и в гэльском фольклоре была славная ирландская королева Медб (см. примечание к «Подземелью Замка Рушен» в наст. изд.).

Крегнеш (Cregneish) — старинное селение среди холмов на юге острова (округ Кирк Рушен). Рядом находится одно из уникальных мегалитических сооружений, известное как «Кольцо Друидов», — шесть пар дольменов, расположенных по окружности. Кольцо это относят к той же эпохе, что и Стоунхендж в Солсбери (2000—1500 гг. до н. э.).

Бузина — считалась любимым деревом мэнских эльфов и фэйри. «В Британии, — писал Грейвс, — существует давнее суеверие, что если положить ребенка в люльку из бузины, то он зачахнет или весь покроется сыняками от щипков фэй». «Ее белые цветы, которые очень красивы в середине лета, превращают бузину в еще одну ипостась Белой Богини; и то же самое относится к рябине» [3, с. 207—208].

Рябина. — Почтение к этому дереву и его употребление в различных магических действиях было известно уже в глубокой древности. Рябину часто находили рядом с каирнами и каменными кругами в горной Шотландии, где ее использовали как надежный оберег против колдовства; на Самайн и на Бельтан сквозь обруч, сделанный из рябины, проводили овец и ягнят [74, II, р. 454]. Роберт Чэмберс (1870) писал: «Среди горцев Шотландии рябина находится в великом почтении по сей день. Они почитают ее как самое благодатное из деревьев» [42, р. 328—329]. Плуги, мельницы, маслобойки, кадки для молока, одежду доярок, двери хлева — все это предохраняла рябина.

О Бельтане на острове Мэн Джон Рис писал: «Это был день, когда прикладывали систематические усилия, чтобы защитить человека и скотину от эльфов и ведьм; именно тогда люди носили на своих шляпах крестики из рябины и помещали майские цветы поверх своих дверей и повсюду, чтобы предохраниться от всяких недобрых влияний. С той же целью рябиновые крестики прикрепляли к хвостам скотины, — и крестики эти следовало сделать без помощи ножа...» [71, р. 308].

...на каждом холме зажигались костры... — «Огонь Бела» с друидических времен возжигали на возвышенностях. На холме Уснеха, в сакральном центре Ирландии, друид по имени Миде, согласно традиции, первым возжег огонь Бела [27, с. 220].

Гэлы Ирландии, Шотландии и Островов продолжали делать это и в Новое время. Джон Рамсей (ок. 1800 г.) дает подробное описание данного обряда в шотландских Highlands XVIII века. Прежде чем трением добывали «чистый огонь», все прочие огни бывали погашены. «Огонь этот казался исшедшим непосредственно с небес, и ему приписывали разнообразные благие свойства. Полагали, что он предохраняет от колдовства и является превосходным лекарством от

насланных колдунами недугов как у людей, так и у животных; с его помощью сильнейшие яды должны были сделаться безвредными» [74, II, р. 442—443].

Алвин и Бринли Рис писали: «Обычай разжигать такие костры с помощью особой палочки сохранился в отдельных районах Ирландии вплоть до наших дней, как и вера, что зажигание очага в день Бельтана сопряжено с опасностью и потому весьма знаменательно» [28, с. 180].

Таким же образом почитали огонь Бела и на острове Мэн. Джозеф Трейн писал: «Мэнцы неколебимо верят в то, что огонь защищает их от влияния злых духов. И по сей день ни один уроженец острова Мэн не одолжит [никому огня] во время одного из больших друидических праздников, 1 мая и 1 ноября...» [84, II, р. 316].

Джон Рис писал: «Огонь, кажется, был главным средством, к которому прибегали, чтобы очиститься от ведьм и прочих зловредных существ». Первомайская охота на ведьм заключалась в повсеместном сжигании зарослей вереска и дрока, в которых, как считалось, прячутся ведьмы, принявшие облик зайцев [71, р. 309].

Если у мэнского фермера пала корова или овца и он полагал, что причиной тому был человек с дурным глазом или ведьма, то существовал верный способ вынудить врага явиться на место преступления. Павшую скотину следовало сжечь на открытом воздухе, и первый, кто явится туда, и будет виновник. Такова была «странная сила огня», писал Джон Рис [71, р. 304—305].

О том, что на Бельтан приносились также «огненные жертвы», см. примечание к «Бурому Берри» в наст. изд.

Однако праздник Бельтана — прежде всего праздник встречи с летним солнцем, и «опасности Кануна мая — всего лишь прелюдия к радостям первого дня лета, а это и любование восходом солнца с вершины холма, и купание в утренней росе, и питье воды из колодца

перед рассветом, и собирание листьев и цветов, и украшение одежды зеленью, а не соломой» [28, с. 102]. Кельтский Бельтан сопровождался эротически окрашенной обрядностью, связанной со знаменитым Майским деревом и Майской королевой, с «шалашами любви» и лесною волшебницей.

...они ушли домой, в страну фэйри. — В одном из своих «Мэнских рассказов» Феархар писал: «...кажется мне, что и ведьмы потеряли свою способность творить колдовство. Ныне они убрались вместе с фэйри к себе на родину» [41, S. 156].

Ностальгия по «чудесной старине» — распространенный лейтмотив в произведениях, питаемых кельтской традицией. Ср., например, у Чосера (XIV в.) в «Рассказе женщины из Бата»:

*В старинные дни короля Артура,
О коем говорят с великим почтеньем британцы,
Вся эта земля была наполнена фэйри;
Королева эльфов с веселой ее компанией
Часто танцевала на зеленых лужайках...
Я говорю о том, что было много веков назад,
Ныне же больше никто не может увидеть эльфов.*

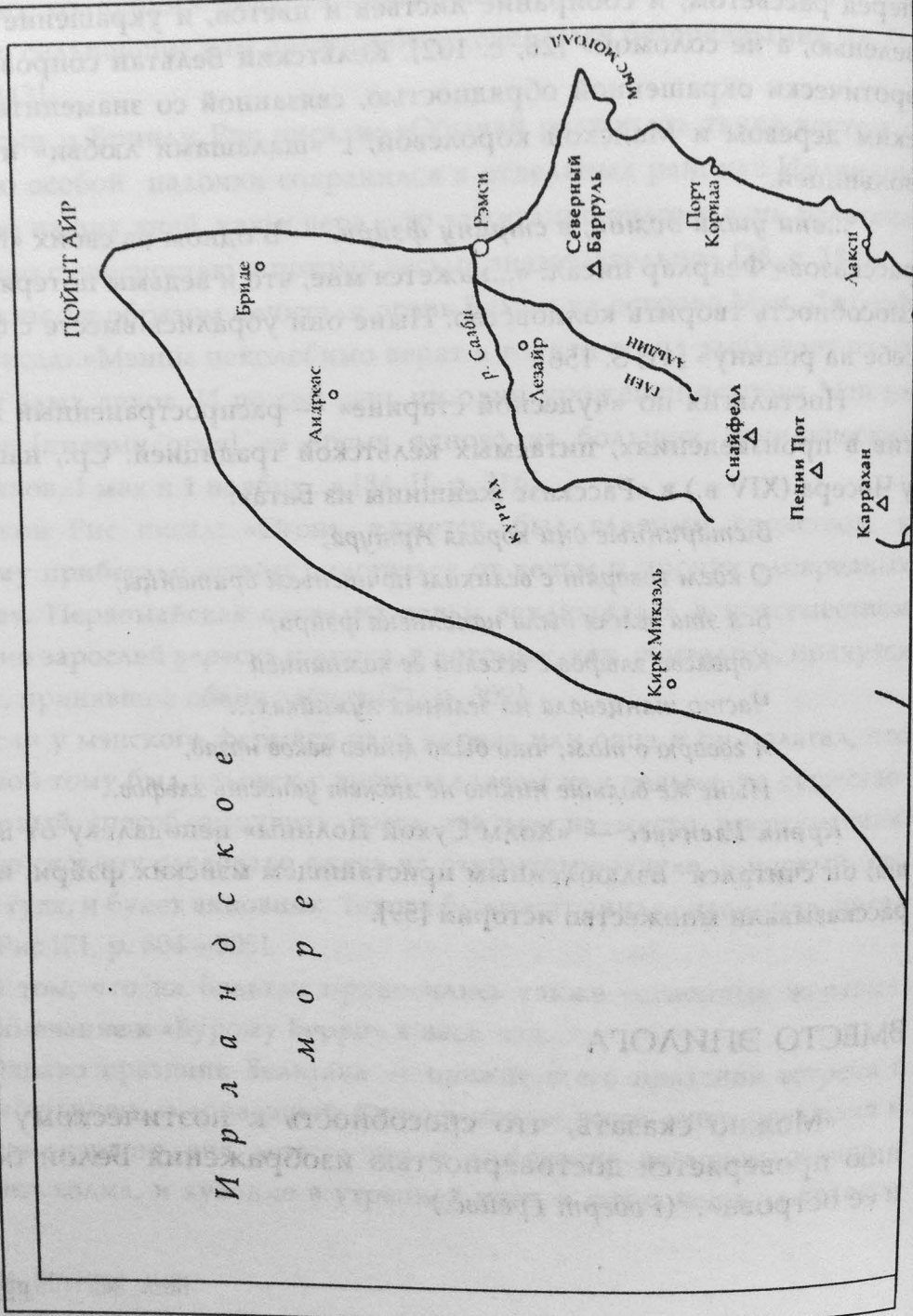
Кронк Гленчесс — «Холм Сухой Долины» неподалеку от Крегнесса; он считался излюбленным пристанищем мэнских фэйри, и о нем рассказывали множество историй [59].

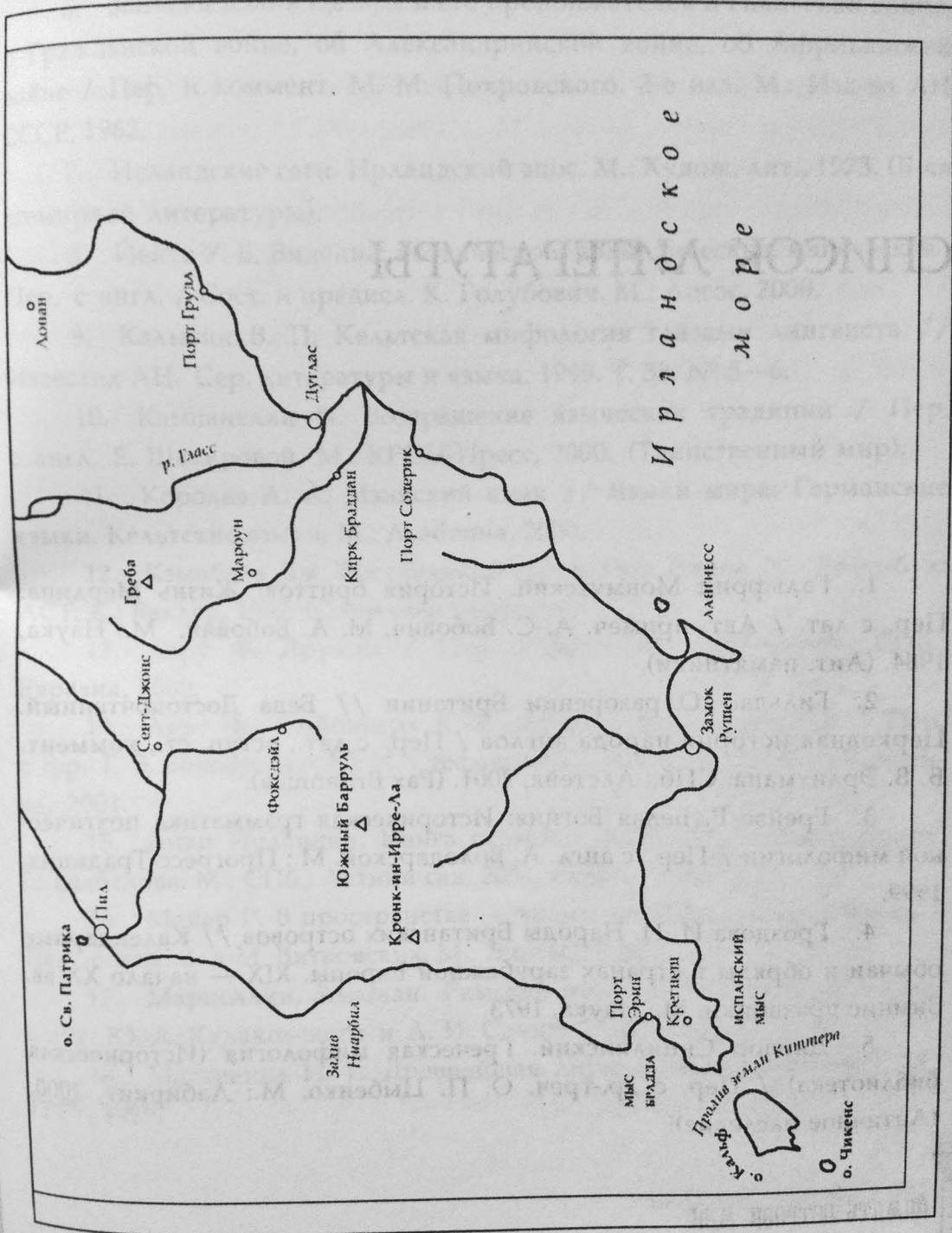
ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Можно сказать, что способность к поэтическому видению проверяется достоверностью изображения Белой богини и ее острова». (Роберт Грейвс.)

КАРТА ОСТРОВА МЭН

И р л а н д с к о е
м о р е

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальфрид Монмутский. История бриттов; Жизнь Мерлина: Пер. с лат. / Авт. примеч. А. С. Бобович, М. А. Бобович. М.: Наука, 1984. (Лит. памятники).
2. Гильдас. О разорении Британии // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. (Raх Britannica).
3. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии / Пер. с англ. Л. Володарской. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
4. Гроздова И. Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX вв. Зимние праздники. М.: Наука, 1973.
5. Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. (Античное наследие).

6. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. и коммент. М. М. Покровского. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
7. Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Худож. лит., 1973. (Б-ка всемирной литературы).
8. Йейтс У. Б. Видение: поэтическое, драматическое, магическое : Пер. с англ. / Сост. и предисл. К. Голубович. М.: Логос, 2000.
9. Калыгин В. П. Кельтская мифология глазами лингвиста // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5—6.
10. Кампанелли П. Возвращение языческих традиций / Пер. с англ. Е. Шакировой. М.: КРОН-Пресс, 2000. (Таинственный мир).
11. Королев А. А. Мэнкский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000.
12. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой: Пер. с англ. М.: Рефл-бук: АСТ; К.: Ваклер, 1997. (Созвездие мудрости).
13. Леру Ф. Друиды / Пер. с фр. С. О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000.
14. Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация / Пер. с фр. Г. В. Бондаренко, Ю. Н. Стефанова. СПб.: Культурная Инициатива, 2001.
15. Лики Ирландии: Книга сказаний / Пер., сост., и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. (Anima Celtica).
16. Майер Р. В пространстве — время здесь... История Грааля / Пер. с нем. В. и М. Витковских. М.: Энигма, 1997.
17. Марцеллин, Аммиан. Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб.: Алетея, 2000.
18. Матюшина И. Г. Древнейшая лирика Европы. Книга 1. М.: РГГУ, 1999.

19. Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь. СПб.: Ленинградская галерея, 1996.
20. Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция // Томас Мэлори. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. (Лит. памятники).
21. Михайлова Т. А. «Рыжая девушка», или о цвете волос как знаке принадлежности к иному миру в ирландском фольклоре // Миф в культуре: человек — не-человек / Ред. Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. М.: Индрик, 2000.
22. Михайлова Т. А. Суибне-гельт: зверь или демон, безумец или изгой. М.: Аграф, 2001.
23. Мэттьюз Д. Традиция Граала / Пер. с англ. А. Ригина. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1997.
24. Народные сказки Британских островов: Сб. / Сост. Дж. Риордан. М.: Радуга, 1987. (на англ. яз.).
25. Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 2000.
26. Похищение Быка из Куальнге / Подгот. изд. Т. А. Михайловой, С. В. Шкунаева. М.: Наука, 1985. (Лит. памятники).
27. Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. С. В. Шкунаева. М.: Изд-во МГУ, 1991.
28. Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. и послесл. Т. А. Михайловой. М.: Энигма, 1999.
29. Страбон. География: В 17 кн. / Пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994.
30. Тацит. Сочинения: В 2 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1969.
31. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Пер. с англ. П. С. Гурова; Под ред. А. А. Гурштейна. М.: Мир, 1973.
32. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000.

33. Шотландская старина: Книга сказаний / Пер. с англ., сост. и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. (Anima Celtica).
34. Энциклопедия суеверий. М.: Миф : Локид, 2000.

* * *

35. Ancient Irish tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes and Noble, 1969.
36. Annals of the Kingdom of Ireland, by The Four Masters, from the earliest period to the year 1616: Edited from MSS in the Library of the Royal Irish Academy and of Trinity College, Dublin, with a transl., and copious not., by J. O'Donovan. Dublin, 1854. Vol. 1—7.
37. A Pictorial and descriptive guide to the Isle of Man. 4th ed. London: Ward and Co., [s. a.].
38. Brand J. Observations on the popular antiquities of Great Britain; chiefly illustrating the origin of our vulgar and provincial customs, ceremonies, and superstitions. In 3 vol. London: Henry G. Bohn, 1849. Vol. 3.
39. Broderick G. Berrey Dhone — A Manx Caillech Berri? // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1984. Bd. 40.
40. Broderick G. Ec ny Fiddleryn // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1984. Bd. 40.
41. Broderick G. Manx stories and reminiscences of Ned Beg Hom Ruy // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1981. Bd. 38; Tübingen, 1982. Bd. 39.
42. Chambers R. Popular rhymes of Scotland. Edinburgh; London, 1870.
43. Chronicles of the Picts, Chronicles of the Scots, and other early memorials of Scottish history / Ed. by W. F. Skene. Edinburgh, 1867.
44. Chronicum Scotorum: A Chronicle of Irish affairs, from the earliest times to A. D. 1135; with a Supplement, containing the events from

1141 to 1150 / Ed., with a transl. by W. M. Hennessy. London: Longmans, Green, Reader and Dyer, 1866.

45. Clague J. Cooinaghtyn Manninagh: Manx reminiscences. Castletown (Isle of Man): M. J. Backwell, 1911.

46. Coleman S. J. Analogies and divergencies in Celtic tradition: Celtic myths, Arthurian romances, and Merlin legends. Douglas, 1961.

47. Coleman S. J. Analogies and divergencies in Celtic tradition: Celtic woings and weddings. Douglas, 1959.

48. Encyclopaedia Britannica. A new survey of universal knowledge. Chicago; London; Toronto, 1956. Vol. 14.

49. Folklore, myths and legends of Britain. London: The Reader's Digest Association, 1973.

50. Gill W. The wonders of the Isle of Man // Folk-Lore: The Quarterly Transactions of the Folklore Society. London, 1939. Vol. 50. № 1.

51. Hazlitt W. C. Faiths and Folklore // A dictionary of national beliefs, superstitions and popular customs, past and current, with their classical and foreign analogues, described and illustrated: In 2 vol. London: Reeves and Turner, 1905. (Brand's popular antiquities of Great Britain).

52. Henderson G. Arthurian motifs in Gadhelic literature // Miscellany presented to Kuno Meyer / Ed. by O. Bergin and C. Marstrander. Halle, 1912.

53. Jenner H. The Manx Language: its grammar, literature and present state // Transactions of the Philological Society. London, 1875—1876.

54. Keating G. Foras Feasa ar Eirinn: The History of Ireland / Ed. with transl. and not. by D. Comyn and P. S. Dinneen. Vol. 1—4. London: David Nutt, 1902—1914.

55. Killip K. Twisting the rope and other folktales from the Isle of Man / Ill. by C. Quaile. London etc.: Hodder and Stoughton, 1980.

56. Kinvig R. H. A history of the Isle of Man. Liverpool, 1950.
57. Lebor Gabala Erenn: The Book of the Taking of Ireland. Part V / Ed. and transl., with not. by R. A. S. Macalister. Dublin: The Irish Texts Society, 1956.
58. Manx ballads and music / Ed. by A. W. Moore with a pref. by the Rev. T. E. Brown. Douglas (Isle of Man): G. and R. Johnson, 1896.
59. Manx notes and queries, with an account of François Thurot and his naval engagement off the Isle of Man: Reprinted from The Isle of Man Examiner / Ed. by C. Roeder. Douglas, 1904.
60. Meyer K. Fianaigecht, being a Collection of hitherto inedited Irish poems and tales relating to Finn and his Fiana, with an English translation. Dublin; London, 1910. (Royal Irish Academy. Todd Lecture series; Vol. 16).
61. Meyer K. The voyage of Bran // An anthology of Irish literature / Ed. by D. H. Greene. New York, 1974. Vol. 1.
62. Mona Miscellany. A Selection of proverbs, sayings, ballads, customs, superstitions, and legends, Peculiar to the Isle of Man / Coll. and ed. by W. Harrison. Douglas (Isle of Man), 1859. (Manx Society Publications; Vol. 16).
63. Mona Miscellany. A Selection... Second series. Douglas (Isle of Man), 1873. (Manx Society Publications; Vol. 21).
64. Monro D. A Description of the Western Isles of Scotland, called Hybrides. By Mr. D. Monro, High Dean of the Isles, who travelled through the most of them in the year 1594 // Miscellanea Scotica, A collection of tracts relating to the history, antiquities, topography and literature of Scotland. Glasgow, 1818. Vol. 2.
65. Monumenta de Insula Manniae or A collection of national documents relating to the Isle of Man: In 3 vols. / Ed. and transl. by J. R. Oliver. Douglas (Isle of man), 1860. Vol. 1. (Manx Society Publications; Vol. 4).
66. Moore A. W. The folklore of the Isle of Man, being an account of its myths, legends, superstitions, customs and proverbs. London: D. Nutt, 1891.

67. Morrison S. Manx fairy tales. London: D. Nutt, 1911.
68. O'Curry E. Lectures on the manuscript materials of ancient Irish history. Dublin; London, 1861.
69. O'Curry E. On the manners and customs of the ancient Irish: A series of lectures. Vol. 1—2 / Ed., with an introd., app., etc. by W. K. Sullivan. Dublin, London, 1873.
70. Old Celtic romances / Transl. from the Gaelic by P. W. Joyce. Dublin: Talbot press, 1961.
71. Rhys J. Celtic folklore, Welsh and Manx. Oxford: Clarendon Press, 1901. Vol. 1.
72. Rhys J. Preiddeu Annwfn // Le Morte d'Arthur by Sir T. Malory. London; New York, 1908.
73. Sacheverell W. An account of the Isle of Man: its inhabitants, language, soil, remarkable curiosities, the succession of its kings and bishops, down to the 18th century: by way of essay / Ed., with introd., and copious not. by the Rev. J. G. Cumming. Douglas (Isle of Man): The Manx Society, 1859.
74. Scotland and Scotsmen in eighteenth century: From the MSS of John Ramsay, Esq. of Ochertyre / Ed. by A. Allardyce. Edinburgh; London: W. Blackwood and sons, 1888. Vol. II.
75. Skene W. F. Celtic Scotland: A History of Ancient Alban. Vol. 1—2. Edinburgh, 1876—1877.
76. Spaan D. B. The place of Manannan Mac Lir in Irish mythology / Folklore. London: The Folklore Society, 1965. Vol. 76.
77. Stenning C. E. H. The Isle of Man. London, 1950.
78. Stokes W. The destruction of Da Derga's hostel // Ancient Irish tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes and Noble, 1969.
79. Stories from South Uist. Told by Angus MacLellan / Transl. by J. L. Campbell. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.

80. The Chronicle of Man and the Sudreys from Manuscript Codex in the British Museum: With historical notes by P. A. Munch. Revised, annotated, and furnished with additional documents, and English translations of the Chronyca, and the Latin documents, by the Right Rev. Dr. Goss. Douglas (Isle of Man), 1874. Vol. 1. (Manx Society Publications; Vol. 22).

81. The Encyclopaedia Britannica. A dictionary of arts, sciences, and general literature. 9th ed. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1883. Vol. 15.

82. The Isle of Man / Ed. by R. J. W. Hammond. 13th ed. London; Sydney, 1968. (Red Guide).

83. Thomson R. L. The Manx traditionary ballad // Etudes Celtiques. Paris, 1961. Vol. 9. F. 2.; Paris, 1962. Vol. 10. F. 1.

84. Train J. Historical and statistical account of the Isle of Man from the earliest times to the present date; with a view of its ancient laws, peculiar customs, and popular superstitions. Douglas (Isle of Man), 1844—1845. Vol. 1—2.

85. Wagner H. Studies in the origins of early Celtic civilisation // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1970. Bd. 31.

86. Waifs and strays of Celtic tradition. Argyllshire Series. Nº 3. Folk and Hero tales / Coll., ed., transl. and annot. by the Rev. J. MacDougall. London, 1891.

87. Waldron G. A description of the Isle of Man with some useful and entertaining reflections on the laws, customs, and manners of the inhabitants / Ed., introd. notice and notes by W. Harrison, Esq. Douglas (Isle of man), 1865. (Manx Society Publications; Vol. 11).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
БАЛЛАДА О МАНАННАНЕ	19
ПРИХОД СВЯТОГО ПАТРИКА	31
ОГОНЬ ФЭЙРИ	38
ТЕВАЛЬ, КОРОЛЕВНА ОКЕАНА	43
ГИБЕЛЬ КУРОИ	52
ОСАДА ОСТРОВА ФАЛГА	65
ЧЕРТОГ ТРЕХ МЭНСКИХ ВЕЛИКАНОВ	72
ФИНН И ОЙСИН	77
ЗЕМЛЯ КИТТЕРА	82
ТЕХИ-ТЕГИ	90
ОХОТА НА КРАПИВНИКА	97
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ЗАМКА РУШЕН	103
РУСАЛКИ	109
ФИННОДЕРИ	114

КУТЛАР МАККУЛЛОХ	120
БУРЫЙ БЕРРИ	125
ДАРМОТ И ФИР ДАРИГ	133
ФЭЙРИ НА ХОЛМЕ МУЛЛ	140
ПОТЕРЯННАЯ ЖЕНА	144
ЗАЧАРОВАННЫЙ ОСТРОВ У ПОРТ СОДЕРИК	148
МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА С ГОРЫ КАРРАХАН	153
ПАРШИВЫЙ ПАТРИК	156
У СКРИПАЧЕЙ	162
ПЛАЧ ПО МАТЕРИ — МЭНСКОЙ РЕЧИ	168
БЕЛЬТАН	173
<i>Карта</i>	180
<i>Список литературы</i>	182

Литературно-художественное издание

ПАМЯТЬ ОСТРОВА МЭН

КНИГА СКАЗАНИЙ

Редактор — А. Железцов

Оформление — М. Verte

Тех. редактор — В. Васильев

Корректоры — Т. Шаманова

Верстка — В. Спиридонова

Подписано в печать 12.9.2002. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 6.
Формат 60х70/16. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Палатино». Тираж 2000 экз. Заказ № 3514

Издательско-торговый дом «Летний сад»
121069, Москва, ул. Большая Никитская, 46.
Изд. лицензия ИД 03439 от 5.12.2000 г.

Книга отпечатана в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

9 785943 810718